

**Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»**

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Виноградов В. А., д. филол. н., член-корр. РАН (Россия, Москва, Институт языкознания РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрГУ)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэзр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)

Редакционная коллегия

<i>Табункина И. А.</i> (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Данилевская Н. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Русинова И. И.</i> (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Дускаева Л. Р.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
<i>Шутёмова Н. В.</i> (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Ерофеева Е. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашев В. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кондаков Б. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Абашева М. П.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)	<i>Кочкарева И. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
<i>Алексеева Л. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Кушнина Л. В.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Арустамова А. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мишланов В. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
<i>Баженова Е. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Мышкина Н. Л.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Боронникова Н. В.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Нестерова Н. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
<i>Бочкарёва Н. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)	<i>Петрова Н. А.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГГПУ)
<i>Братухин А. Ю.</i> , к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Подюков И. А.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
<i>Бурдина С. В.</i> , д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)	<i>Проскурнин Б. М.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
	<i>Серова Т. С.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
	<i>Фоминих Т. Н.</i> , д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)

Адрес учредителя, издателя и редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: langlit2009@mail.ru

Сайт журнала: <http://www.rfp.psu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-53181 от 14 марта 2013 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 10.01.00 – литературоведение, 10.02.00 – языкознание от 1 декабря 2015 г.

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Victor Vinogradov (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Linguistics)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural State University)
Ranjana Sxaena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)

Perm Editorial Board

<i>Irina Tabunkina</i> – <i>Editor-in-Chief</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – <i>Associate Editor</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Valerij Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian Pedagogical University)	<i>Nelly Myshkina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Irina Ovchinnikova</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Petrova</i> (Perm State Humanitarian Pedagogical University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podukov</i> (Perm State Humanitarian Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Tatyana Fominykh</i> (Perm State Humanitarian Pedagogical University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

Аверина С. А. ЦИТАТА В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ (на материале памятников поздней севернорусской агиографической традиции).....5

Братухин А. Ю. ОТ ЦИТИРОВАНИЯ К «КОЛЛАЖИРОВАНИЮ» (АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В РАННИХ ХРИСТИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ).....17

Ерофеева Е. В., Кропачева М. А. ЛОКАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ЖАРГОННОГО СЛОВА:.....27

Богданова-Бегларян Н. В. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТЕМ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В КОММУНИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП.....38

Дускаева Л. Р. ПРОКУРОРСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ: СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ И РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ.....50

Шипова И. А. АРХИТЕКТОНИКО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТАСЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА.....59

Доценко Т. И., Пересторонина Д. В. АКТИВНЫЙ ИНОЯЗЫЧНЫЙ ЛЕКSIKON ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СИТУАЦИИ УЧЕБНОЙ ИГРЫ.....66

Теуш О. А. РУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА С СЕМОЙ ‘СУХОЙ’ В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ.....77

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Гнюсова И. Ф. СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ В МИРУ: ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНАХ «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ДЭНИЕЛ ДЕРОНДА» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ.....83

Бутенина Е. М. ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РОМАН О ПОДРОСТКЕ.....94

Табункина И. А., Бочкарева Н. С. ОБРАЗЫ ВЫМЫШЛЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ В РОМАНЕ ОБРИ БЕРДСЛИ «ПОД ХОЛМОМ».....101

Склизкова А. П. ДРАМА-СКАЗКА Г. ГАУПТМАНА «ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ» КАК НЕОРОМАНТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ.....113

Абилова Ф. А. ТОПОС ВЕНЕЦИИ В НОВЕЛЛАХ Т. МАННА И Д. ДЮ МОРЬЕ.....120

Бурдина С. В., Шумилова О. А. ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА.....128

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Баранов Н. Г. МЕДИАТИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В «EXPLORE EVERYTHING» БРЕДЛИ ГАРРЕТТА.....135

К 100-ЛЕТИЮ УНИВЕРСИТЕТА

Баженова Е. А., Котюрова М. П. ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ.....140

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY

Svetlana A. Averina QUOTATION IN HAGIOGRAPHY (A CASE STUDY OF WRITTEN RECORDS OF THE LATE NORTH RUSSIAN HAGIOGRAPHICAL TRADITION).....5

Alexander Ju. Bratukhin FROM QUOTATION TO COLLAGING: THE ANCIENT HERITAGE IN THE EARLY CHRISTIAN WRITINGS.....17

Elena V. Erofeeva, Marina A. Kropacheva LOCAL VARIABILITY OF SLANG WORDS.....27

Natalia V. Bogdanova-Beglarian PRAGMATIC ITEMS FUNCTIONS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH OF DIFFERENT SOCIAL GROUPS.....38

Liliya R. Duskaeva PROSECUTORIAL PROFESSIONAL STYLE: STYLISTIC FEATURES AND SPEECH GENRES.....50

Irina A. Shipova ARCHITECTONIC SPEECH FORMS OF NARRATION AS A COMPONENT OF METASEMIOTIC SPACE IN GERMAN FICTION TEXTS.....59

Tamara I. Dotsenko, Darya V. Perestoronina ACTIVE FOREIGN-LANGUAGE LEXICON OF PRESCHOOL CHILDREN IN A LEARNING GAME SITUATION.....66

Olga A. Teush RUSSIAN GEOGRAPHICAL LEXICON WITH THE SEME “DRY” IN DIALECTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA.....77

LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT

Irina F. Gnyusova MINISTERING IN THE WORLD: THE MAIN CHARACTER IN THE NOVELS «THE BROTHERS KARAMAZOV» BY F. M. DOSTOEVSKY AND «DANIEL DERONDA» BY GEORGE ELIOT.....83

Evgenia M. Butenina DOSTOEVSKY’S CONFSSIONAL NARRATIVE AND CONTEMPORARY AMERICAN ADOLESCENT NOVEL.....94

Irina A. Tabunkina, Nina S. Bochkareva IMAGES OF FICTIONAL ARTISTS IN AUBREY BEARDSLEY’S NOVEL *UNDER THE HILL*.....101

Alla P. Sklizkova G. HAUPTMANN'S FAIRY DRAMA *THE SUNKEN BELL* AS A NEOROMANTIC WORK.....113

Firuza A. Abilova TOPOS OF VENICE IN NOVELLAS BY TH. MANN AND D. DU MAURIER.....120

Svetlana V. Burdina, Olga A. Shumilova EVOLUTION OF THE GENRE OF SCHOOL STORIES IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY.....128

ACADEMIC REVIEWS AND SURVIEWS

Nikita G. Baranov MEDIATIZATION OF INFORMAL PRACTICES FOR URBAN SPACE FAMILIARIZATION IN «EXPLORE EVERYTHING» BY BRADLEY GARRETT.....135

ON THE 100th ANNIVERSARY OF PERM STATE UNIVERSITY

Elena A. Bazhenova, Marija P. Kotjurova PERM SCHOOL OF THOUGHT IN FUNCTIONAL STYLISTICS.....140

УДК 811.161.1'0.09

ЦИТАТА В ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ (на материале памятников поздней севернорусской агиографической традиции)

Светлана Андреевна Аверина

к. филол. н., доцент кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9. swe-ta2008@yandex.ru

В статье рассматривается функционирование цитат из текстов Священного Писания в севернорусских житиях поздней агиографической традиции. Цитатный материал, выявленный на основании показательных признаков характеристик цитаты, демонстрирует актуализацию в тексте разнообразных способов ее введения в текстовую структуру (художественную ткань) жития. Это может быть точное указание на источник цитации (церковный текст) или на лицо, высказывающее мысль. Возможна и двойная маркировка цитаты: указание на лицо и на тип богослужебного текста. Наиболее часты случаи, когда уточняющие указания отсутствуют, а маркируется цитата только глаголом речи (или соотносительными причастными образованиями). Значительное количество цитат никак специально не выделяется и включается в житийный текст как бы исходящими от автора. Идентификация подобных немаркированных цитат представляет значительные затруднения, поскольку они, как правило, подвергаются разного рода преобразованиям на лексико-грамматическом и синтаксическом уровнях. Особый интерес представляют способы и средства соединения в агиографическом тексте нескольких цитат («цитатных блоков»).

Рассмотренный материал весьма убедительно демонстрирует две существенно важные (и взаимосвязанные) функции цитат в агиографическом тексте – стилистическую и текстообразующую. Кроме того, оказывается возможным получить вполне наглядное представление о художественно-изобразительных особенностях севернорусской, в частности вологодской, агиографии.

Ключевые слова: агиография; житие; канон; топос; цитата; севернорусская агиографическая традиция.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-5-16

Особая роль памятников агиографической литературы в историко-культурном процессе несомненна. Агиография, являясь одним из основных литературных жанров на Руси на протяжении длительного времени (начиная с XI и фактически до XVII в.), составляет довольно значительную часть русского древнеписьменного наследия. Жития как литературный жанр характеризуются рядом специфических особенностей, однако определяющей в формировании системы жанрово-стилистических показателей агиографического текста оказалась генетическая связь оригинальной агиографии с переводными житиями и патерстикой.

Довольно строгое следование византийскому житийному канону, проявляющееся в использовании соответствующего набора языковых средств, особенностях словоупотребления, применении определенных синтаксических конструкций, своеобразных стилистических приемов и

др., позволяет в целом говорить о стереотипе житийного жанра.

Подход к агиографии только как к историко-культурному источнику в известном смысле обусловил и весьма негативную оценку такого стереотипа (см. подробнее: [Берман: 159–181]). Между тем именно агиографический канон был существенным, значимым в восприятии жития. Поэтика житий как литературного жанра подчинена литературному этикету, но при этом выбор художественно-изобразительных средств всегда мотивирован предметом изображения¹. «Литературный этикет вызывал особую традиционность литературы, появление устойчивых стилистических формул, перенос целых отрывков одного произведения в другое, устойчивость образов, символов-метафор, сравнений и т. д.» [Лихачев 1979: 91]. Но эта традиционность – «факт определенной художественной системы, факт, тесно связанный со многими явлениями поэтики древ-

нерусских литературных произведений, явление художественного метода» [Лихачев 1979: 92].

Специфика агиографического жанра обусловлена богословскими представлениями, лежащими в основе христианской идеологии, и это естественно нашло отражение в образной структуре жития, демонстрируя связь языковых средств с идейно-образным содержанием произведения. Многие из стилистических клише («литературных штампов») средневековой агиографии объясняются средневековой символикой. Действительно, «сложение житийных схем происходило под влиянием представлений о символическом значении всех событий человеческой жизни» [там же: 164].

Житие святого всегда имеет двойной смысл – само по себе и как образец для подражания, как нравственный идеал [там же]. Земное и небесное... Фактически все время соотносятся эти две сферы. Поэтому не случайно в агиографии с наибольшей силой проявляется тенденция к «абстрагированию», что, в свою очередь, связано со стремлением увидеть за вполне конкретными проявлениями символы вечного, высокого, божественного (см.: [там же: 111 и далее]). Это обнаруживается и в стремлении избежать конкретных, определенных наименований. Абстрагирование поддерживается и постоянными аналогиями из Священного Писания.

Арсенал литературных средств в средневековой агиографии весьма широк. Разнообразны метафоры-символы, сравнения, эпитеты. Они традиционны, что связано с традиционностью богословских представлений, лежащих в их основе (см.: [там же: 161 и далее]).

Агиография, будучи «одним из самых формализованных литературных жанров» [Руди 2005: 59], дает богатейший материал для изучения литературной (житийной) топики. Оставляя в стороне детальное обсуждение теоретических нюансов терминологической дискуссии (см.: [Адрианова-Перетц 1947; Лихачев 1979: 80–102; Панченко 1986: 236–250; Конявская 2004: 80–92; Двинятин 1995: 81–82; Руди 2005: 59–64; Šuževskij 1956: 105–112; Arbusow 1963: 91–95 и др.]), укажем на целесообразность широкого понимания термина «топос», согласно которому «топосом может быть любой повторяющийся элемент текста – от отдельной устойчивой литературной формулы до мотива, сюжета или идеи» [Руди 2005: 61]. Строго говоря, в этом случае термин «топос» оказывается «действительным как в отношении формальной, так и в отношении содержательной стороны текста», позволяя «объединить и унифицировать в себе многочисленные существовавшие до него обозначения» [там

же], – такие как «устойчивая литературная формула», «постоянная формула», «традиционная формула», «стилистическая формула», «трафаретная формула», «литературное клише», «повторяющийся мотив», «общее место» и т. п. (см.: [там же: 61–62]).

Являясь характерной особенностью агиографического текста, подобные структуры (формулы, клише, устойчивые стилистические формулы), по выражению Д. С. Лихачева, составляют «основной фонд» чисто церковной литературы (см.: [Лихачев 1979: 6, 8, 80 и далее]). Такие структуры переходят из произведения в произведение. Как правило, все они из текстов Священного Писания, сочинений отцов Церкви, а также произведений авторитетных авторов-агиографов. Заимствования и компиляции здесь вполне обычны, поскольку установка на канон предполагала стремление избегать индивидуальных особенностей стиля. Это характерная черта литературы церковных жанров.

Предваряя обсуждение конкретного материала, считаем необходимым высказать несколько общих соображений.

В сознании средневекового читателя библейские мотивы «не отделялись от их толкований и обработок в гимнографии и гомилетике» [Наумов 1993: 115]. Обычно «знание Б[иблейских] к[ниг] редко выходило за пределы того, что читалось за богослужением. Поэтому и библейские цитаты, заполнявшие в большом количестве как переводные, так и оригинальные памятники письменности, обычно выступают в той языковой форме, какая характерна для служебного типа библейского текста» [Алексеев, Лихачева 1987: 74].

Как отмечает А. Е. Наумов, «люди прекрасно понимали исключительную роль Св[ященного] Писания, но воспринимали отдельные слова и сюжеты, согласно их прав авторству, т. е. самым большим авторитетом пользовались слова Бога Отца и Иисуса Христа (logia) и мессианские стихи, затем следовал авторитет евангельского повествования, апостольских поучений и деяний, текстов пророчеств, книг мудрости... и в конце – исторических книг Ветхого Завета. Особенно смотрели на Псалтырь – это была вневременная модель молитвы, которую воспринимали как свою собственную» [Наумов 1993: 116].

В настоящей статье рассматривается цитатный материал в агиографическом тексте (на материале группы вологодских житий поздней севернорусской агиографической традиции)². Не углубляясь в теоретическую проблематику цитации³, следует оговорить некоторые моменты, существенные для дальнейшего изложения. Анализ исследовательских работ, посвященных ци-

тации, позволил выделить ряд аспектов, важных для характеристики цитаты: «1) осознание цитаты как “чужого” текста в “своем” для автора и реципиента; 2) точность/неточность цитаты; 3) изменение семантики цитируемого текста; 4) функции цитаты; 5) место цитаты в ряду семиотических единиц» (см.: [Рогачевская 1989: 16]).

Ввиду того что общепринятого определения цитаты не существует, корректно воспользоваться дефиницией «чужой текст в своем», тем более что этот признак всеми учеными признается основным. Необходимо отметить, что в каждом конкретном случае квалификация текстового фрагмента как цитаты, его атрибуция на основании сопоставления с каким-либо типом богослужебного текста (предполагаемого источника) – процедура, являющаяся своего рода «первичным» текстологическим анализом, что на данном этапе представляется необходимым и вполне достаточным.

В результате оказалось возможным атрибутировать (отождествить с тем или иным из соотносимых фрагментов текста Священного Писания) значительную часть цитатного материала. Вместе с тем для некоторого количества цитат надежная атрибуция оказывается невозможной без более детальной текстологической проработки материала.

Следует сказать, что указанная существенная признаковая характеристика цитаты (осознание цитаты как чужого текста) делает возможной актуализацию в тексте разнообразных способов ее введения в текстовую структуру (художественную ткань) жития. Цитата выделяется автором эксплицитно. Это несомненное свидетельство того, что автор пользовался ею осознанно. Возможно точное (либо более или менее точное) указание на источник цитации – церковный текст или лицо, которому принадлежит высказывание.

Формулы обозначения «чужого» текста могут быть следующие: А) точная ссылка на книгу/группу книг; Б) указание на лицо, которому принадлежит высказывание (Господь, апостол, пророк).

А. 1. и слыша во еѵ(г)лїи глїющеє. аще кто хоцет помнѣ ит(т)и, да ш(т)вержетса себе и возметъ кр(с)тъ свои и градетьъ вослѣдъ же мене (ФТ, 53);

глѣше же ко всѣмъ: аще кто хоцетъ по мнѣ ити, да ш(т)вержетса себѣ, и возметъ крестъ свой и послѣдуетъ ми (Лк. 9: 23).

2. іакоже рече писанїе. красными ногами бл(г)овѣстоуѣща миръ (ДП, 209 об.);

іакоже єсть писано: коль красны ноги благовѣствѣющихъ миръ, благовѣствѣющихъ блг(л)а (Рим. 10: 15).

3. ї слыша(в) слово во стѣом еѵ(г)лїи что-мо аще кто не о(с)тави(т) до(м) и ли женѣ и чада не може(т) быти моѣ ученикъ (ВТ, 35 об.) и далее: ...ї о(с)тави по глїющеѣ. что слыша во стѣом еѵ(г)лїи чтомо женѣ и дети и до(м) ... (ВТ, 35 об.);

аще кто градетьъ ко мнѣ, и не возненавидитъ ш(т)ца своего и мать, и женѣ и чадъ, и братїю, и сестеръ, еше же и дш(ш) свою, не можетъ мой быти оучникъ (Лк. 14: 26).

4. в си(н) днь псаломскы(н) рекоу. прїидѣте възра(д)уемса в памяти прп(д)внаго ш(т)ца ншго григорїа (ГП, 324–324 об.);

прїидите, возрадѣмся г(с)деви, воскликнемъ бг(г) спс(с)ителю нашемѣ (Пс. 94:1).

5. темъ подобаетъ по ап(с)лоу немощны(х) немощи носити ти и не себѣ оугожати. но искрѣнимъ. іако же и х(с)с(т) не себѣ оугождаа (ГП, 311–311 об.);

должны єсмы мы сильнїи немощи немощныхъ носити и не себѣ оугождати: кїждо же вѣсь ближнемѣ да оугождаетъ во блг(г)е къ созиданїю; ибо и хр(с)тосъ не себѣ оугоди, но іакоже єсть писано: поношенїа поносѣщихъ тебѣ нападоша на ма (Рим. 15: 1–3).

Следующий пример представляется возможным трактовать как имплицитную цитацию:

6. пр(с)нш оумными шчима на єдинѣ взираа нестарѣемѣю жизнь. сегш ради кр(с)т на ramo прїимъсирѣ(ч) еѵ(г)льски послѣдова подвигоположникѣ хр(с)тѣ своемѣ (Ин.К, 206 об. – 207);

аще кто хоцетъ ко мнѣ ити, да ш(т)вержетса себѣ, и возметъ крестъ свой, и послѣдуетъ ми (Лк. 9: 23).

Указание на «чужеродность» текста может присутствовать имплицитно, когда автор рассчитывает на фоновые знания реципиента (см.: [Рогачевская 1989: 16]).

Б. 7. іако(ж) гѣ ре(ч) за всакъ празденъ глѣ дати ш(т)вѣтъ бг(г)у въ днь соуд(д)ный (КК, 114 об.);

глїю же вамъ, іакш всѣко слово праздное, еже аще рекѣтъ человекъ, воздадутъ ш(т) немъ слово въ днь сѣднїй (Мф. 12: 36).

8. іако же самъ х(с) глѣтъ. иже погубитъ дш(ш) свою мене ради и еѵ(г)лїа то и спс(с)итъ ю (ГП, 301 об.);

иже во аще хощеть дѣшѣ свою сп(с)ти, погубитъ ю: а иже погубитъ дѣшѣ свою мене ради сей спсѣтъ ю (Лк. 9: 24).

9. ...превышайте в любви бжїи и заповѣди егѡ сохраните страх(м) и трепето(м) поминающе слово бл(д)ки х(с)а, любии ма заповѣди моа совершаетъ (СН, 105);

и мы познахомъ и вѣровахомъ любовь, юже имать бгъ къ намъ. Бгъ любви естъ, и пребывааи въ любви въ бзѣ пребываетъ, и бгъ въ немъ пребываетъ (I Ин. 4: 16).

10. како же двѣдъ глаголе(т) дивен(н) бгъ во сты(х) свои(х) богъ їсраиле(в) (АТ, 6);

дивенъ бгъ во сты(х) своихъ: бгъ илєвъ, той дастъ силѣ и державѣ людемъ своимъ. Блг(с)венъ бгъ (Пс. 67: 36).

11. по пса(л)мопѣвцѣ глаголему, се удали(х)ся вѣгаа во(д)вори(х)ся в пустынѣ (АТ, 1 об.);

Се, оудалихса вѣгаа и водворихса въ пустыни (Пс. 54: 8).

12. како же рече прр(о)къ. близъ г(с)дѣ боащихса его и оуповающи(х) на мл(с)ть его (СН, 99);

блговолитъ г(с)дѣ въ боащихся егѡ и во оуповающихъ на мл(с)ть егѡ (Пс. 146: 1).

13. в се(м) вѣпїеть бж(с)твении паулѣ любви не раз(д)ражается любви не гордится. любви не (о)влазжетса. не свои(х) си еше(т) но искренагѡ (ДГ, 34–34 об.).

любви долготерпитъ, милосердствуетъ, любви не завидитъ, любви не превозноситса, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не мыслитъ зла (I Кор. 13: 4–5).

Имеет место и двойная маркировка цитаты: ссылка на книгу/группу книг и указание на конкретное лицо, которому принадлежит высказывание:

14. в сем бо гъ въ блговѣствованїи рече; блжени нищїи дхѡ(м) како тѣ(х) естъ цр(с)тво небесное (ДП, 207 об.);

и в(т)верзъ оуста своа, оучаше ихъ, гла: блжени нищїи дхѡмъ: како тѣхъ естъ цр(с)твїе нв(с)ное (Мф. 5: 2–3).

15. и воспоминавѣ спсѡво слово во стѡмъ еван(г)лїи аще и весь миръ привращетъ дшѣ в(т)щетитъ (Ио.К, 9–9 об.);

каа во польза человекѣ, аще мїръ весь привращетъ, дшѣ же свою втщетитъ; или что дастъ человекѣкъ измѣнѣ за дшѣ свою (Мф. 16: 26).

Как можно видеть, в качестве конструкций, вводящих чужой текст, выступают и более слож-

ные структуры, нередко представляющие собой контаминацию нескольких синтагм:

16. блжєннїи (ж) [Корнилий Комельский] воспоманоувѣ гнє слово въ еван(г)лїи глїющеє и(ж) аще кто не в(т)вержетса себе, и не возме(т) кр(с)та своего. и вослѣ(д) мене не граде(т) не може(т) быти мой оучникъ (КК, 155 об.).

Ср.: и иже не носитъ креста своего и вслѣдъ мене градѣтъ, не можетъ мой быти оучникъ (Лк. 14: 27);

такѡ оубо всакъ в(т) васъ, иже не в(т)речѣтса всегѡ своего имѣнїа, не можетъ быти мой оучникъ (Лк. 14: 33).

Характерно, что иногда слова Господа (или пророка) «транслирует» апостол, пророк либо сам преподобный (святой/праведник/блаженный):

17. внѣ [Корнилий] (ж) примаше с вѣрою приходащихъ поминаа с(л)ово г(с)не глїющеє. приходащаго ко мнѣ не иж(д)еноу вонъ (КК, 78 об.);

все, еже даѣтъ мнѣ вѣщъ, ко мнѣ прїидетъ, и градѣщаго ко мнѣ, не изменѣ вонъ (Ин. 6: 37).

18. прп(д)бнїи (ж) дионисїе рече. псаломъ ѱї оуслышитъ тѣ. гъ въ днь печали. защи[ти]тъ тѣа има бга іаковла послѣ(т) ти помощь в(т) стго и в(т) сиѡна застоупи(т) тѣа (ГП, 307 об.);

оуслышитъ тѣа г(с)дѣ въ днь печали, защититъ тѣа има бга іаковла. послѣтъ тѣа помощь в(т) стгагѡ, и в(т) сиѡна застѣпитъ тѣа (Пс. 19: 1–2).

19. прп(д)бнїи же [Дионисий] знаменїемъ кр(с)тнымъ вграждеса и нача глати псало(м) двѣдъ ѱѱ... бже в помощь мою вонми, г(с)и помощи ми подшиса да постыдѣтса и посрамѣтса нищїи дшѡу мою и прочее псалма (ГП, 314);

бже, въ помощь мою вонми: г(с)ди, помощи ми потшиса, да постыдѣтса и посрамѣтса нищїи дшѣ мою, да возвратѣтса вспѣть и постыдѣтса хотѣщїи ми злаа: да возвратѣтса авїе стыдѣщеса глаголющїи ми: благоже, благоже (Пс. 69: 1–3).

Наиболее часты случаи введения цитаты общим выражением, когда уточняющие указания отсутствуют, а маркирует цитату глагол речи (рещи, глаголати) либо синтагма, содержащая глагол речи или соотносительные причастные образования:

20. слыши глаголющаго, никтоже может двема г(с)днма [господнѡма] работати... (Ио.К, 14).

никто́же не мо́жетъ двѣма̀ господи́нома
рабо́тати (Мф. 6: 24).

21. и се реченное, тако сла(д)ка гортани
моемѹ словеса твоа, паче меда оустомѹ
мон(м) (Ио.К, 21 об.);

ко́ль сладка гортани́ моемѹ словеса̀ твоа̀:
па́че ме́да оусто́мъ моимъ (Пс. 118: 103).

Ср. также: по ре(ч)нномѹ (КК, 68 об.), не
поминаа рекшаго (Ио.К, 11 об. Δ 12), по
реченномѹ (ГП, 301), тако же ре(ч)но есть
(ГП, 301 об.) и нек. др.

В подобных случаях, хотя источник не указан,
но «чужой» текст все же выделен (безличными
конструкциями).

Нередко цитаты из текстов Священного Пи-
сания никак специально не выделяются и вклю-
чаются в житийный текст как бы исходящими от
автора.

Идентификация подобных немаркированных
цитат может представлять значительные затруд-
нения, поскольку они, как правило, подвергаются
разного рода преобразованиям на лексико-
грамматическом и синтаксическом уровнях для
согласования с основным текстом:

22. азъ (ж) телѣсне и ш(т)хождоу ш(т)
васъ. но дѣхомъ с вами неш(т)стоупенъ бо-
удоу (ГП, 319 об);

23. аще и тѣломъ кромѣ васъ вѣдоу а
дѣшею всегда с вами есмь (КК, 98);

24. аще и тѣломъ еси жизнь сѣю скончалъ.
но дѣхомъ не ш(т)стоупенъ боуди с нами (ГП,
320 об);

зане азъ оубв аще не оу васъ сый тѣломъ.
тѣ же живый дѣхомъ, оуже сдихъ, такъ
тамъ сый: содѣлавшаго сице сѣе (1 Кор. 5: 3);

аще во и плотію ш(т)стою, но дѣхомъ съ
вами есмь, радѣла и видѣ вашъ чинъ и
оутвержденіе вашеа вѣры, таже во хр(с)та
(Колос. 2: 5).

25. тако древо насажденно прі исходищи(х)
водъ. иже плодъ свои дастъ во время свое, и
лист его не ш(т)падетъ (Ио.К, 17);

26. тако древо саж(д)енно прі исходищи(х)
вв(д) дѣа, е(ж) пло(д) свои дастъ во оуречен-
ное время (КК, 165);

и вѣдетъ такъ древо насажденное при
исходищи(х) водъ, еже плодъ свой дастъ во
время свое, и листъ его не ш(т)падетъ: и
вса, елика аще творитъ, оупѣетъ (Пс. 1: 3).

Здесь речь может идти уже о парафразе (см.:
[Алексеева 2002: 9]) – цитате, для согласования с
контекстом подвергнутой какой-либо лексико-
грамматической адаптации (изменено число, ли-
цо, время глагола, личная форма заменена не-

личной, бесприставочное образование – приста-
вочным и наоборот и т. д.).

Структурно цитатный материал в Вологод-
ских житиях классифицируется следующим об-
разом.

Подавляющее большинство цитат – простые
цитаты, представляющие собой последователь-
ное воспроизведение некоторого отрывка из
Священного Писания, иногда с заменой несколь-
ких слов, незначительными пропусками, а ино-
гда и с вставками отдельных слов, словосочета-
ний, источник которых неясен.

Особый интерес представляют случаи, демон-
стрирующие различные способы соединения в
пределах самого агиографического текста не-
скольких цитат. Это так называемые монтажи из
цитат – «цитатные блоки», «цитатные периоды»
[Алексеева 2002: 9; Двинятин 1995: 79], в кото-
рых каждая из следующих друг за другом цитат,
как правило, обозначается вводящими словами.

Приведем два фрагмента в качестве иллюст-
рации:

27. поминоуа г(с)а рекше(г) въ стѣмъ
ева(г)лие. и иже кто вставитъ ш(т)ца или
мѣрь. и женоу и дѣти братию и сестры и до-
мы. и имѣніа имени моего ради сто краты
пріиметъ. и жизнь вѣчною наследитъ.

и паки ре(ч) гѣ. иже аще не ш(т)вержетса
сихъ вси(х) речены(х). не можетъ мой быти
оучникъ. и прочаа подобна симъ.

тако(ж) во стѣмъ писаніи реченна. и іже аще
члѣкъ и ве(с) миръ прихвращетъ, а дшбю
свою ш(т)щетитъ. и что дастъ изменоу на
дшй свои (ГП, 302 об.).

и всакъ, иже вставитъ домъ, или брѣтїю,
или сестры, или ш(т)ца, или мать, или женѹ,
или чада, или села, имени моего ради, сто-
рицею пріиметъ, и животъ вѣчный
наследитъ (Мф. 19: 29).

аще кто градѣтъ ко мнѣ и не вознена-
видитъ ш(т)ца своего и мать, и женѹ и чады
и брѣтїю и сестеръ, еще же и дшшъ свою, не
можетъ мой быти оучникъ (Лк. 14: 26).

каа во польза человекѹ, аще мѣръ весь
прихвращетъ, дшшъ же свою ш(т)щетитъ; или
что дастъ человекѹ измѣнѹ за дшшъ свою
(Мф. 16: 26).

28. дѣдскы рекѹ нѣкїи ра(з)вотѣваемъ
садъ, на исходищи(х) во(д)ны(х) посаженъ.
разцвѣтаа и восходаа, и зрѣлъ плодъ приносѹ
во врѣмѹ подобно сладокъ. тако же и сеи сице
тавлѣлаа вождѣлѣнъ и оубо вѣаше емѹ

и се реченное, тако сла(д)ка гортани моемѹ
словеса твоа паче меда оустомѹ мон(м). сице

оубо сеи вѣшаше непрестанно по ап(с)лѹ глаголющѹ молащиса. постомъ же и вѣднїемъ тѣло соклещала. и порабощала (Ио.К. 21–21об.);

и вѣдетъ якѡ древо насажденое, при исхѡдищихъ водѣ, еже плодъ свой дастъ во время свое, и листъ егѡ не ѡ(т)падетъ: и вса елика аще творитъ, оупѣетъ (Пс. 1: 3).

Коль сладка гортани моемѹ словеса твоа: паче меда оустѡмъ моимъ (Пс. 118: 103).

въ ранахъ, въ темнищахъ, въ нестроенїихъ, въ трѣдѣхъ, во вѣднїихъ, въ пощенїихъ (2 Кор. 6: 5).

Цитатная амплификация (компиляция цитат) – прием, состоящий в нанизывании цитат, точнее, в распространении важной для автора (основной) мысли цепью цитат из книг Священного Писания, – является, пожалуй, одним из самых ярких выражений художественных достоинств средневековой агиографии (см. подробнее: [Коновалова 1970: 73–80]).

Смысл цитации вполне очевиден: цитаты из Священного Писания используются как ссылка на авторитетный источник – для подтверждения правильности изложения и интерпретации событий.

Некоторые исследователи видят в этом проявление особой – авторитарной – функции цитаты (см.: [Рогачевская 1989: 18])⁴.

Если оценивать маркированные цитаты на фоне немаркированных, то подобное предположение вполне убедительно.

Следует обратить внимание на некоторые особенности использования Священного Писания как источника цитирования. Цитаты включаются в житийный текст целиком, передаются в ряде случаев довольно точно или с некоторыми незначительными изменениями (лексико-грамматическое варьирование). Возможно усечение (сокращение) или экспликация (расширение) текста цитаты за счет добавления отдельных слов, словосочетаний, контаминации фрагментов (двух и более цитат – как в случае цитатной амплификации). Дополнением может явиться и авторское истолкование цитаты (или цитат); часто автор не столько цитирует, сколько пересказывает отрывок из Священного Писания.

Некоторые такие пассажи, вероятно, появились под влиянием библейских образов, хотя и не имеют с ними буквального сходства (см.: [там же: 17]).

Показательны случаи, когда автор, цитируя псалом, опускает стих, заменяя его отсылкой «и проча»: и нача глагти псало(м) дѣдовъ ѿ...

и прочее псалма (ГП, 314), или только называет его, указывая номер:

книга марїа прїиде на поклоненїе и оузрѣ прп(д)внаго въ цркви молащиса и глица псалмы дѣдвы. р и н псалмов (АК, 379).

По всей видимости, автор «опознал» цитату, знал ее продолжение и предполагал такое же знание у читателя [там же: 18–19].

Отмечаемое исследователями отсутствие у средневековых авторов «стремления строго и точно цитировать тексты», «произвольное цитирование Св. Писания» проявлялось в том, «что варьирование текста по спискам затрагивало и библейские цитаты, их форма в разных рукописях одного текста подвержена большим колебаниям» (см.: [Алексеев 1999: 70]). Кроме того, автор, цитируя (например, Псалтырь), обычно не обращался к письменным источникам: «большое число ошибок в цитатах свидетельствует, что он цитировал по памяти, увлекаемый благоговением перед святым и не осознавая, что цитаты не точны» [Вигзелл 1971: 236]. Поэтому возможны отступления от исходного текста, носящие непреднамеренный характер (о намеренном характере ошибок агиографа см.: [там же: 233, 240]). Признак точности/неточности цитаты оценивается исследователями по-разному: для одних он не релевантен, для других является основополагающим (см.: [Рогачевская 1989: 17]).

В связи со сказанным приходится признать, что понятие точность/неточность цитаты в этом случае условно.

Вопрос о влиянии цитаты на смысл текста, в котором она используется, связан с проблемой отсылки к контексту. «Влияние цитаты на текст вызывает модификацию семантики текста», что «предполагает в качестве доминирующей функции цитаты отсылку к источнику для использования ассоциаций, связанных с ним» (см.: [там же: 18]). Если принимать во внимание характер и назначение агиографического произведения, совершенно очевидно, что введение в текст жития цитаты, явно преследующее цель вызвать у читателя определенные ассоциации и параллели (святой восхваляется, превозносится, сравнивается, уподобляется), существенно влияет на семантику текста (см. подробное обсуждение этого вопроса: [там же])⁵.

По мнению исследователей, одним из важных признаков цитаты следует считать ее принадлежность не только к семантическим, но и семиотическим единицам (см.: [Morawski 1970: 670–705]).

Имеет смысл остановиться еще на двух функциях цитаты в агиографическом тексте – стилистической и текстообразующей. Известно, что

цитаты являются важным стиливым фактором, одним из главных элементов «этикетного стиля» (термин Д. С. Лихачева, см.: [Лихачев 1979: 84, 86 и др.; Алексеев 1999: 69]); в тексте они играют роль «стилистического ключа» (термин Р. Пиккио, см.: [Picchio 1977: 1–16]). Исследователи определяют орнаментальность древнеславянской прозы как «особенно интенсивное проявление поэтической речи»⁶. «Близость орнаментальной прозы к стиху выражается прежде всего в специфическом характере слова и в особенностях организации повествования» [Лихачев 1979: 117]. Основа организации текста в орнаментальной прозе – повтор и возникающие на его основе сквозная тема и лейтмотив (см.: [Коженикова 1976: 56]). Важно, что «обращающее на себя внимание в этом стиле повторение однокоренных слов, или одних и тех же слов, или слов с ассонансами... не является простой стилистической игрой, бессодержательным орнаментом, поскольку повторяются и сочетаются не случайные слова, а слова “ключевые” для данного текста, основные по смыслу» [Лихачев 1979: 118]⁷.

Целесообразно рассмотреть функционирование цитаты в житийном тексте на примере бинарных (парных) сочетаний – традиционных агиографических формул («микротопосов»), составляющих значительную часть «цитатного фонда» Священного Писания⁸.

Исходная формула **радость и веселие** активно используется и так же активно преобразуется в разных текстах Священного Писания:

прв(д)нын же въ радости и въ веселіи вѣдетъ (Пр. 29: 6);

гласъ веселіа и гласъ радости (Иер. 33: 11);

радѣйсѧ дщи сѣнова... веселісѧ... дщи іер(с)лімла (Соф. 3: 14);

да возрадуютсѧ и возвеселѧтсѧ ѡ тебѣ вси (Пс. 39: 17);

радѣисѧ и веселісѧ дщи идѣмѣйсѧ (Плач. 4: 21);

радѣитесѧ и веселітесѧ, іакѡ мзда ваша многа на небѣхъ (Мф. 5: 12);

ѡ(т)пѣсти люди... веселѧщихсѧ и радѣющихсѧ (2 Пар. 7: 10).

В качестве иллюстрации приведем одно из типичных «общих мест» агиографического текста – «пассаж с мотивом похвалы святому – в двух вологодских житиях: Житии Корнилия Комельского (фрагмент I) и Житии Иоасафа Каменского (фрагмент II).

I. ...вгѡ(м) дарованны(и), ра(д)остнын достохвалнын красны днѣ. просвѣщаемъ свѣтозарнымъ слнце(м) веселіе намъ дарова

и радость. в памл(ть) свѣтлаго, и ч(с)тнаго добраго торжества...

възрадоуемсѧ того праз(д)нествѣ радостною дшѣю возвесели(м)сѧ веселіемъ ср(д)ца наше(г)...

ра(д)ѣитє(с) правє(д)ніи ѡ гѣѣ, правє(д)ны(м) по(д)обаєтъ похвала, и паки веселитє(с) ѡ гѣѣ, и ра(д)ѣитєсѧ правє(д)ніи... похваллємѣ правє(д)никѣ возвеселѧтсѧ людѣ (КК, 160–161 об.).

Увеличение синтаксического объема исходной формулы осуществляется за счет распространителя к каждому из ее компонентов (**веселіемъ ср(д)ца, радостною дшѣю**), что может сопровождаться и грамматическими преобразованиями (**радость – радоватисѧ – возрадоватисѧ; веселіе – веселитисѧ – возвеселитисѧ**).

Одним из свидетельств разрушения исходной формулы может служить возникновение новой структуры, в которой совмещены компоненты различных исходных синтагм (**радость и веселіе; душа и сердце**): **возрадѣемсѧ радостною дшѣю; возвеселимсѧ веселіемъ ср(д)ца**.

Расширение текста приводит к развертыванию антитезы, имплицитно представленной уже новой (развернутой) структурой, создание которой на базе ключевых слов исходной синтагмы (путем деривации) является несомненным свидетельством разрушения исходной синтагмы. Структурное преобразование текста неизбежно влечет за собой его семантическую экспликацию⁹. Очевидно, что в результате подобного синтаксического распространения происходит перераспределение смысловых акцентов.

II. и всакоѡ почести ѡ вѣѣ, и радости достоина. имѣже ваши(х) вѣлюбивыхъ дшѣѣ, іако возлюбленныхъ чадъ ѡ(т)цѣ к дѣховномѣ веселію ннѣѣ возвавше. и іако любителѧ ѡ(т)ца во свѣтлей сей цркви радостно прѣемлюще, и любовію веселѧщесѧ... исполнь радости дѣховнаго веселіа, исполнь радости вж(с)твенныхъ словєѣ (Ио.К, 49–49 об.).

Каждый из компонентов устойчивого сочетания может включаться в новые синтаксические структуры, при этом происходит и грамматическая перемаркировка лексемы (**почести и радости достоина, дѣховномѣ веселію, радостно прѣемлюще, любовію веселѧщесѧ**).

Преобразование исходной синтагмы осуществляется в том случае, когда в нее включается в качестве третьего члена (расширяя ее границы) компонент другой синтагмы: **радости дѣховнаго веселіа**.

При таком сопряжении компонентов исходной структуры происходит разрыв прежних смысловых отношений и возникает новая смысловая перспектива. Словосочетание **ДѢХОВНОЕ ВЕСЕЛІЕ**, выступающее в качестве атрибутивного распространителя по отношению к компоненту традиционной формулы, можно трактовать как своего рода экспликатор стряжнего слова – компонента исходной структуры, расширяющий, обогащающий объем исходного понятия [Колесов 1989: 138–164].

Особый тип развертывания традиционной формулы представляют структуры в последней части фрагмента, демонстрирующие случай так называемого синтаксического параллелизма: (см.: [Лихачев 1979: 169–175]).

исполнь радости дѣховнаго веселіа = исполнь радости бж(с)твенныхъ словесъ (т. е. “высшей радости”).

Как показывает материал, текстообразование происходит в результате трансформации традиционных формул-синтагм, репрезентирующих отношения синонимического характера.

Общее направление преобразования традиционных формул, механизм такого преобразования в целом одни и те же. Однако в каждом житийном тексте имеются и оригинальные текстовые структуры.

Рассмотренный материал вполне наглядно демонстрирует две существенно важные и взаимосвязанные функции цитаты в агиографическом тексте: стилистическую и текстообразующую. Специфика круга вологодских житий не только в их многочисленности, но также в том, «что все эти жития, сохранившиеся в многочисленных редакциях и вариантах и представленные... значительным количеством списков, обладают удивительной текстуальной связностью» [Семячко 2005: 125]. С несомненностью прослеживается влияние одних житий на другие. Выявлен ряд текстуальных совпадений; причем не только там, где подобного рода проявления были возможны и, более того, в связи с требованиями житийного жанра в известной степени регламентированы, но и в тех случаях, когда это не обязательно могло быть обусловлено требованиями агиографического канона. Характер совпадений различен: довольно значительное количество текстовых фрагментов имеет определенное сходство, в других случаях обнаруживается существенная близость, а иногда они почти идентичны.

Совершенно очевидно: характер использования цитатного материала в агиографическом тексте заслуживает изучения и с точки зрения текстологической и источниковедческой – для исследования истории агиографического текста или

«реконструкции текстологической традиции самих библейских текстов» [Алексеева 2002: 8], и с точки зрения собственно филологической – для исследования языка и стиля житий как памятников определенной жанровой принадлежности.

Примечания

¹Д. С. Лихачев, которому принадлежит заслуга введения в науку понятия «литературный этикет», отмечает: «Литературный этикет и выработанные им литературные каноны – наиболее типичная средневековая условно-нормативная связь содержания с формой» [Лихачев 1979: 80–81].

Литературный этикет «слагается из представлений о том, как должен был совершаться тот или иной ход событий; из представлений о том, как должно было вести себя действующее лицо сообразно своему положению; из представлений о том, какими словами должен описывать писатель совершающееся. Перед нами, следовательно, этикет миропорядка, этикет поведения и этикет словесный» [Лихачев 1979: 90].

²Ранее подобное исследование было предпринято на материале севернорусских (в основном новгородских, псковских, поморских) житий по спискам XVI в. (см. подробнее: [Аверина 2007]).

Материалом для настоящего исследования послужили 14 севернорусских (оригинальных) житий, изданных по рукописям XVI–XVIII вв. Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, Библиотеки Академии наук и Вологодского областного музея-заповедника в серии «Памятники русской агиографической литературы» совместно Санкт-Петербургским государственным университетом и Вологодским государственным педагогическим университетом под редакцией профессора А. С. Герда (см. список источников исследования и их сокращенные названия).

Иллюстративный материал воспроизводится с сохранением орфографии источника, за одним исключением: выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках; после цитаты дано сокращенное название источника и указывается лист рукописи. Текст Священного Писания цитируется по Синодальному изданию церковнославянской Библии [Библия 2005].

³См.: [Рогачевская 1989: 16]. Имеются также интересные теоретические разработки на современном и на историческом материале (см.: [Смирнов 1977: 98 и далее; Рогачевская 1990: 2–3; Рогачевская 1992: 181–199; Вигзелл 1971: 232–241; Двинятин 1995: 80–101 и др.]).

⁴Функциональная классификация цитаты была сделана С. Моравским [Morawski 1970: 670–705].

⁵В качестве аргументации ограничимся ссылкой на высказывание С. Моравского: «Цитата не только семантическая, но и семиотическая единица. Она принадлежит к диахронной структуре, в которой с помощью регулярной перестановки знаков (а цитата несомненно является таковым), устоявшихся или появившихся вновь, – имеет место проверка временем. Но поскольку цитата принадлежит также и к синхронной структуре, эта семиотическая единица функционирует в особом ситуативном контексте, выражая определенную интенцию, заложенную адресантом, которая реализуется в зависимости от специальных нужд различных адресатов» [Mogawski 1970: 670] (цит. по: [Рогачевская 1989: 19]).

⁶Характер орнаментальной прозы очень точно определен Н. А. Кожевниковой: «Слово в орнаментальной прозе легко выходит за границы, поставленные ему языковой нормой...» [Кожевникова 1976: 58]. Между словом и его окружением возникают неустойчивые (подвижные) отношения: отношения притяжения–отталкивания. «Сталкиваются два стремления: с одной стороны, стремление к слитности, нерасчлененности, продиктованное общей ассоциативностью орнаментальной прозы, с другой – противоположное стремление, стремление к изоляции слова, его... выделению» [там же: 58–59].

⁷«Все приемы “орнаментальной прозы” рассчитаны на различные “приращения смысла”, на создание в тексте некоего “сверхсмысла”, который не противоречит “смыслу”, а “углубляет его, придает ему новые оттенки, объединяет слова с разным значением, требует осознания читателем глубинного значения» [Лихачев 1979: 118].

⁸ В дальнейшем при изложении материала используются термины «синтагма», «словосочетание», «формула» – как правило, с уточнением: устойчивая формула, исходная формула, исходное словосочетание, устойчивое словосочетание – в зависимости от потребности подчеркнуть или функциональное назначение словесного комплекса, или его ритмо-мелодическое и смысловое единство, т. е. грамматическую цельность, или акцентировать внимание на динамической характеристике процесса.

⁹Несомненно, подобным структурам принадлежала особая роль в создании целостного текста.

Их текстообразующая функция реализуется в процессе структурного преобразования, которое может иметь двоякий характер. Во-первых, это экспликация (развертывание синтагмы), проявляющаяся не только на структурном (структурное усложнение), но и на семантическом (обогащение добавочными смыслами) уровне. Во-вторых, разложение (своего рода усечение) син-

тагмы, что находит выражение в утрате одного из компонентов первоначальной синтаксической структуры. При этом могут возникать вторичные синтаксические структуры в результате актуализации новой сочетаемости у оставшегося компонента.

Список источников

АК – Житие Александра Куштского, по рукописи БАН, XVII в., Архангельское собр., д. 235, л. 371–403 об. Изд.: Жития Иоасафа Каменского, Александра Куштского и Евфимия Сянжемского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 216 с.

АТ – Житие Андрея Тотемского, по рукописи РНБ, кон. XVII – нач. XVIII вв., собр. Колобова, № 189, л. 1–8 об. Изд.: Жития Феодосия Тотемского, Вассиана Тиксенского и Андрея Тотемского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. 176 с.

ВТ – Житие Вассиана Тиксенского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., собр. Колобова, № 189, л. 35–43 об. Изд. то же.

ГП – Житие Григория Пельшемского, по рукописи РНБ, XVI в., собр. Погодина, № 853, л. 301–326 об. Изд.: Жития Димитрия Прилуцкого, Дионисия Глушицкого и Григория Пельшемского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 296 с.

ДГ – Житие Дионисия Глушицкого, по рукописи РНБ, 20-е гг. XVI в., Софийское собр., № 438, л. 22–68 об. Изд. то же.

ДП – Житие Димитрия Прилуцкого, по рукописи РНБ, XVI в., Софийское собр., № 1361, л. 201–221 об. Изд. то же.

Ин.К – Житие Иннокентия Комельского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., собр. Погодина, № 647, л. 205–218 об. Изд.: Жития Иннокентия Комельского, Арсения Комельского и Стефана Комельского / под ред. А. С. Герда. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2010. 182 с.

Ио.К – Житие Иоасафа Каменского, по рукописи РНБ, нач. XVIII в., Соловецкое собр., № 227/227, л. 1–75 об. Изд.: Жития Иоасафа Каменского...

КК – Житие Корнилия Комельского, по рукописи РНБ 1606 г., собр. Погодина, № 647, л. 68–180. Изд.: Житие Корнилия Комельского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. 182 с.

СН – Житие Сергия Нуромского, по рукописи РНБ, XVI в., Софийское собр., № 1470, л. 89–139 об. Изд.: Жития Павла Обнорского и Сергия Нуромского / под ред. А. С. Герда. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. 336 с.

ФТ – Житие Феодосия Тотемского, по рукописи ВОКМ, кон. XVIII в., № 2011, л. 51 об. – 82 об. Изд.: Жития Феодосия Тотемского...

Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке с параллельными местами. М.: Росс. библейское общество, 2005. 1658 с.

Список литературы

Аверина С. А. Цитата в житийном тексте // Грани русистики: Филологические этюды: сб. ст., посвящ. 70-летию проф. В. В. Колесова. СПб: Филол. фак-т С.-Петербур. гос. ун-та, 2007. С. 217–222.

Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. 184 с.

Алексеев А. А. Текстология Славянской Библии. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 254 с.

Алексеев А. А., Лихачева О. П. Библия // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI – первая половина XIV в.) / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 68–83.

Алексеева Е. Л. Текстологическое значение структуры цитат из Священного Писания в оригинальных древнерусских житиях // Материалы XXXI Всеросс. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. Вып. 4: Секция прикладной и математической лингвистики. СПб.: Филол. фак-т С.-Петербур. ун-та, 2002. Ч. 1 С. 8–13.

Берман Б. И. Читатель жития (Агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык Средневековья / отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 159–183.

Вигзелл Ф. Цитаты из Священного Писания в сочинениях Епифания Премудрого // Труды Отдела древнерусской литературы. М., 1971. Т. XXVI. С. 232–241.

Двинятин Ф. Н. Традиционный текст в торжественных словах св. Кирилла Туровского. Библейская цитация // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1995. Сб. 8. С. 81–101.

Коновалова О. Ф. Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1970. Т. XXV. С. 73–80.

Конявская Е. Л. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 357 с.

Наумов А. Е. Кирилл Туровский и Священное Писание // Philologia Slavica: к 70-летию акад. Н. И. Толстого. М., 1993. С. 114–124.

Панченко А. М. Топика и культурная дистанция // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 236–250.

Рогачевская Е. Б. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1989. № 3. С. 16–20.

Рогачевская Е. Б. Принципы использования текстов Священного Писания в произведениях русских ораторов XI и XII вв.: Митрополит Иларион и Кирилл Туровский // Проблемы развития русской литературы XI–XX вв. М., 1990. С. 2–3.

Рогачевская Е. Б. Библейские тексты в произведениях русских проповедников: К постановке проблемы // Герменевтика русской литературы X–XV вв. Сб. 3. М., 1992. С. 181–199.

Руди Т. П. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 59–101.

Семячко С. А. Проблема изучения региональных агиографических традиций (на примере вологодской агиографии) // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика / отв. ред. С. А. Семячко. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. С. 122–142.

Смирнов И. П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977. С. 98–99.

Arbusow L. Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten. 2. Aufl. / Hrsg. von Helmut Peter. Göttingen, 1963. S. 91–95.

Čyževskýj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. S. 105–112.

Morawski S. The basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. The Hague – Paris, 1970. P. 670–705.

Pichio R. The Function of Billical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Prtodoxa // Slavica Hierosolymitana. 1977. Vol. 1. P. 1–16.

References

Averina S. A. Tsitata v zhitijnom tekste [Quotation in hagiography]. *Grani rusistiki: filologicheskie etjudy: Sbornik statej, posvjashhjonnyj 70-letiju professora V. V. Kolesova* [Faces of Russian studies: Philological sketches: collected articles devoted to the 70th anniversary of prof. V. Kolesov]. St. Petersburg, 2007. P. 217–222.

Adrianova-Peretts V. P. *Očerki poetičeskogo stilja Drevnej Rusi* [Essays on poetic style of the Old Rus]. Moscow; Leningrad, 1947. 184 p.

Alekseev A. A. *Tekstologija Slavjanskoj Biblii* [Textology of the Slavic Bible]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1999. 254 p.

Alekseev A. A., Likhachjova O. P. *Biblija* [The Bible]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Lexicon of scribes and book-learning of the Old Rus. Vol. 1. From the 11th to the first half of the 14th c.]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. P. 68–83.

Alekseeva E. L. *Tekstologičeskoe značenie struktury tsitat iz Svjashennogo pisanija v original'nykh drevnerusskikh zhitijakh* [Textological meaning of the structure of quotations from the Holy Writ in the original Old Russian hagiography]. *Materialy 31-j Vserossijskoj naučno-metodičeskoj konferentsii prepodavatelej i aspirantov. Vyp. 4: Sektsija prikladnoj i matematičeskoj lingvistiki* [Proceedings of the 31st All-Russian Scientific Conference for lecturers and postgraduate students]. St. Petersburg, Philological Faculty of St. Petersburg State University Publ., 2002. P. 8–13.

Berman B. I. *Chitatel' zhitija* (Agiographičeskij kanon russkogo srednevekovja i traditsii ego vosprijatija) [The reader of hagiography (hagiographical canon of the Russian Middle Ages and traditions of its perception)]. *Khudozhestvennyj jazyk Srednevekovja* [Artistic Language of the Middle Ages]. Ed. by V. A. Karpushin. Moscow, 1982. P. 159–183.

Vigzell F. *Tsitaty iz Svjashennogo pisanija v sočinenijakh Epifanija Premydrego* [Quotations from the Holy Writ in works of Epifanij Premydryj]. Moscow, 1971. Vol. 26. P. 232–241.

Dvinjatin F. N. *Traditsionnyj tekst v torzhestvennykh slovakh sv. Kirilla Turovskogo. Biblejskaja tsitatsija* [Traditional text in the ceremonial words by St. Kirill Turovsky. The Bible quotation]. Moscow, 1995. Vol. 8. P. 81–101.

Konovalova O. F. *Ob odnom tipe amplifikatsii v zhitii Stefana Permskogo* [On one type of amplification in hagiography of Stephan Permsky]. *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad, 1970. Vol. 25. P. 73–80.

Konjavskaja E. L. *Problema obshhikh mest v drevneslavjanskikh literaturakh (na materiale agiografii)* [The problem of commonplace in Old Slavonic literature (a case study of hagiography)]. *Ruthenica*. Kiev, 2004. P. 80–92.

Likhachjov D. S. *Poetika drevnerusskoj literatury* [Poetics of Old Russian literature]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 357 p.

Naumov A. E. *Kirill Turovskij i svjashhenoe pisanie* [Kirill Turovsky and the Holy Writ]. *Philologia slavica: k 70-letiju akademika N. I. Tolstogo*

[Philologia Slavica: in commemoration of the 70th anniversary of the academician N. I. Tolstoy]. Moscow, 1993. P. 114–124.

Panchenko A. M. *Topika i kul'turnaja distantsija* [Topic and cultural distance]. *Istoričeskaja poetika: itogi i perspektivy izučenija* [Historical poetics: results and prospects of studying]. Moscow, 1986. P. 236–250.

Rogachevskaja E. B. *Biblejskie teksty v proizvedenijakh russkikh propovednikov: k postanovke problemy* [The Bible texts in works of Russian preachers: problem statement]. *Germenevtika russkoj literatury X–XV vv.* [Hermeneutics of Russian literature of the 10th–15th cent.]. Moscow, 1992. P. 181–199.

Rogachevskaja E. B. *Principy ispol'zovanija tekstov svjashennogo pisanija v proizvedenijakh russkikh oratorov XI i XII vv.: mitropolit Ilarion i Kirill Turovskij* [The principles of the Holy Writ texts usage in works by Russian orators of the 11th–12th cent.: Metropolitan Ilarion and Kirill Turovsky]. *Problemy razvitija russkoj literatury XI–XX vv.* [The problems of Russian literature development in the 11th–20th cent.]. Moscow, 1990. P. 2–3.

Rogachevskaja E. B. *O nekotorykh osobennostjakh srednevekovoj tsitatsii (na materiale oratorskoj prozy Kirilla Turovskogo)* [On some peculiarities of the medieval citation (a case study of oratorical prose by Kirill Turovsky)]. *Naučnyje doklady vyssšej shkoly. Filologičeskie nauki* [Philological sciences. Scientific essays of higher education]. 1989. Vol. 3. P. 16–20.

Rudi T. R. *Topika russkikh zhitij (voprosy tipologii)* [Topic of Russian hagiography (questions of typology)]. *Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography: Researches. Publications. Polemics]. Ed. by S. A. Semjachko. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 59–101.

Semjachko S. A. *Problema izučenija regional'nykh agiografičeskikh traditsij (na primere vologodskoj agiografii)* [The problem of studying regional hagiographic traditions (a case study of Vologda hagiography)]. *Russkaja agiografija: Issledovanija. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography: Researches. Publications. Polemics]. Ed. by S. A. Semjachko. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2005. P. 122–142.

Smirnov I. P. *Khudozhestvennyj smysl i evoljutsija poetičeskikh sistem* [Artistic sense and evolution of poetic systems]. Moscow, 1977. P. 98–99.

Arbusow L. *Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten* [Colores rhetorici. A selection of of speech and common truth as a tool for

academic exercises in medieval texts]. 2nd edition. Göttingen: Helmut Peter, 1963. P. 91–95.

Čyževskýj D. Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Topik. [On stylistics of Old Russian literature]. *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956* [Anniversary edition in commemoration of the 70th Max Fasmer's anniversary]. Wiesbaden, 1956. P. 105–112.

Morawski S. The basic Functions of Quotation. *Sign. Language. Culture*. The Hague – Paris. 1970. P. 670–705.

Pichio R. The Function of Billical Thematic Clues in the Literary Code of Slavia Prtodoxa. *Slavica Hierosolymitana*. 1977. Vol. 1. P. 1–16.

QUOTATION IN HAGIOGRAPHY (a case study of written records of the late north russian hagiographical tradition)

Svetlana A. Averina

**Associate Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University**

The article considers functioning of quotations from the Holy Writ texts in hagiographies belonging to the late North Russian tradition. The quotations, revealed through the analysis of characteristic features typical of quotes, demonstrate different methods of their introduction into the textual structure of hagiographies. They appear to be made with either a direct reference to the quotation source (sacramental text) or to the person stating the idea. Double marking is also possible. In most cases there are no clarifying indications and quotations are only marked with speech verbs. A considerable number of quotations are not marked in a special way but included into the text as if they come from the author. It is especially difficult to identify such unmarked quotations because their lexis, grammar and syntax are usually transformed. Cases and methods of combining different types of quotations (citation blocks) within one hagiographical text are of special interest. The quotations analyzed clearly demonstrate that citation has two important (and interrelated) functions in hagiography – stylistic and text-forming. From the quotations it is also possible to get a clear idea of the features of North Russian, in particular Vologda region, hagiography.

Key words: hagiography; canon; topoi; quotation; Northern Russian hagiographical tradition.

ОТ ЦИТИРОВАНИЯ К «КОЛЛАЖИРОВАНИЮ»: АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В РАННИХ ХРИСТИАНСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

Александр Юрьевич Братухин

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Bratuch@yandex.ru

Климент Александрийский и Тертуллиан часто вплетают в текст своих сочинений цитаты или парафразы творений античных поэтов и философов. А. Меа, рассматривая эту методику Климента, говорит об использовании им жанра центона и полагает, что александрийский богослов, соединяя классические и библейские фразы, стремится приучить эллинов к «этому варварскому языку». В данной статье высказывается предположение, что Климент и Тертуллиан каскадом классических аллюзий и реминисценций стремились сделать свои трактаты похожими на произведения современных им языческих авторов, для того чтобы опровергнуть распространенное мнение о необразованности и невежестве представителей новой религии и привлечь к христианству ищущих истину интеллектуалов. Более ранние церковные писатели не решались использовать подобные включения для украшения своих сочинений и обращались к классическим цитатам только как к уликам, обличающим язычество. Способ, которым пользуются Климент и Тертуллиан, нами предлагается называть «коллажированием»; при этом мы подчеркиваем различие между коллажами в стихах авангардистских поэтов (например, в «Cantos» Паунда) и «коллажами» в протретиках, диатрибах, инвективах ранних христианских богословов.

Ключевые слова: раннехристианская литература; античная литература; Климент Александрийский; Тертуллиан; цитирование; коллаж; центон.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-17-26

Два автора рубежа II–III вв., Климент Александрийский и Тертуллиан, в своих трактатах достаточно часто объединяли цитаты из классических авторов и заимствованные у них образы с библейскими цитатами и образами, составляли целые главки из парафраз произведений великих поэтов и писателей древности и намеков на известные события. Более ранние апологеты на создание такой мозаики не отваживались, находя, очевидно, фрагменты из языческих авторов не подходящими для соединения их со словами Св. Писания или для формирования из них собственного текста. Эти христианские писатели не считали стихи поэтов и мнения философов достойными быть чем-то иным, чем аргументами в полемике с язычниками. По словам В. В. Бычкова, «Раннее христианство, осознавшее себя целью человечества, стремилось лечить его, забыв на первых порах древнюю медицинскую истину о том, что горькое лекарство должно быть подслащено медом. Поздний Рим слишком ув-

лекся “сладостями”, чтобы помнить об истине. Поэтому раннее христианство и вынуждено было выступить против этого опасного увлечения, т. е. против чрезмерной эстетизации культуры» [Бычков 1995: 166]. Из этих слов не следует, что апологеты не стремились продемонстрировать свою образованность. Даже Татиан, один из самых непримиримых критиков античной культуры, по словам Молли Уиттейкер, «желал показать, что он, подобно другим софистам, является мастером литературного спора и инвективы, и представить себя путешествующим эрудитом (polymath), действительно образованным человеком» [Whittaker 1975: 59]. Не отказывая апологетам в высоком уровне культуры, мы говорим лишь о том, что до Климента и Тертуллиана христианские полемисты не были озабочены созданием труда, напомиравшего словесным оформлением труды языческих авторов.

Андре Меа посвящает несколько страниц [Méhat 1966: 335–339] своей монографии иссле-

дованию «центонирования» (лат. *cento* – литературное произведение, составленное из фрагментов чужих текстов) классиков и Св. Писания у Климента. Французский ученый ссылается на его слова из «Стромат», где тот утверждает: «В любом случае очерку с воспоминаниями подходит изящность исследования (τὸ γλαφυρὸν τῆς θεωρίας). Например, избыток хрестоматийного (τῆς χρῆστομαθίας) – словно некая приправа (ἥδυσμα), примешанная к пище атлета, не роскошествующего, но приобретающего хороший аппетит благодаря стремлению к славе» (*Clem. Alex. Strom.* I, 1, 16, 1). Далее Меа говорит: «Аллюзии и реминисценции, так же как и цитаты, являются обычно “свидетельствами” для поддержки тезиса, но иногда они приобретают тенденцию формировать речь из самих себя. <...> Евсевий Кессарийский спустя один век после Климента будет составлять “Приготовление Евангелия” и “Доказательство Евангелия” из отрывков гораздо более длинных, чем <Климент> – “Строматы” <...>. Примерно в эту же эпоху Ямвлих составит свое “Увещевание” из длинных кусков, заимствованных у более известных философов» [ibid.: 336]. Исследователь, обращаясь к возникшим во времена Ириней и Тертуллиана центонам, констатирует, что, хотя этот жанр и был тогда лишь легкомысленной игрой (*jeu frivole*), он имел некую привлекательность благодаря использованию классических текстов [ibid.: 337]. По мнению Меа, Климент весьма склонен «центонизировать» («centoniser») именно Писание (напр., в *Str.* I, 27, 173, 6); при этом Меа замечает, что первоисточник и образец этого стиля следует искать за пределами классического центона и что выражения такого рода естественны для людей, воспитанных на Писании [ibid.: 338 et note 83]. Действительно, и более ранние авторы при составлении своих апологий использовали библейские фразы. Почти сплошным текстом следуют цитаты из Исаяи и псалмов в *Iust. Apol.* I, 44:8.

У свт. Феофила Антиохийского в 8-й главе второй книги «К Автолику» подряд идут цитаты из Арата, Софокла, Гомера, Симонида, Еврипида, Менандра (*Theoph. Ad Aut.* II, 8). Но цитаты эти, как свидетельские показания, призваны обличить язычников, но не украсить создаваемый текст или превратить его в центон.

По мнению Меа, Климент пытался приучить «ухо эллинов» «к этому варварскому языку»: «“Увещевание” с этой точки зрения представляет собой ученическую работу. В “Педагоге” приведенное в систему расположение рядом <библейских и классических> цитат имеет отношение к тому же начинанию. В “Строматах” библейские

тексты, служа, как правило, “доказательством”, в меньшей степени связаны с контекстом, но сопоставления, данные под рубрикой “кражи <эллинами еврейской мудрости>”, несомненно, приводят, и, разумеется, не без умысла <автора>, к объединению в памяти и в чувствах слушателей греческой “хрестоматии” и варварского “корпуса Писаний”» [ibid.: 338–339].

Соглашаясь с французским ученым в том, что Климент, располагая рядом цитаты из сочинений языческих поэтов и философов и стихи Библии, желал повысить в глазах читателей статус Св. Писания, выскажем предположение, что александрийский автор, облекая горькую пилюлю учения в сладкую обертку аллюзий и реминисценций, желал создать труд, который по своему внешнему виду не отличался бы от сочинений его нехристианских современников и предшественников.

Эта задача тоже была миссионерской, но только более амбициозной, чем простая пропаганда Библии. Христиан в эпоху Климента все еще считали необразованными, чуждыми философии простолюдинами. «В произведениях Лукиана, Цельса <...> и Фронтона <...> учение христиан уже не просто называется отвратительным суеверием, а разбирается более подробно. Оно противопоставляется античной философии и образованности» [Свенцицкая 1987: 166]. Это предубеждение мог рассеять только написанный христианином философский трактат, формально не уступавший вещам Плутарха, Платона и других древних и современных Клименту любомудров, которые любили вставлять в свой текст цитаты из Гомера и иных великих творцов. Как замечает Генри Чэдвик, Климент видел свою задачу в том, чтобы вслед за своим учителем Пантемом доказывать, «что аутентичное христианство не является обскурантизмом» и что Церковь способна положительно оценивать «человеческие ценности» греческой литературы и философии [Chadwick 1982: 168]. Похожую мысль еще ранее высказал Макс Поленц, утверждавший, что «цель, являвшаяся для Климента очевидной, заключалась в том, чтобы христианскую веру с помощью эллинистического образования (*Bildung*) превратить в научно обоснованное, всестороннее мировоззрение» [Pohlenz 1943: 175].

Очевидно, определение такой цели было обусловлено и субъективным фактором – отношением к классическому наследию этого александрийского богослова, являвшегося, по словам Петра Ашвин-Сиейковского, «истинным, подлинным любителем культуры, литературы и поэзии» [Ashwin-Siejkowski 2010: 111]. Заметим, что в сочинениях Климента, согласно Вильгель-

му Краузе, 966 цитат из древнегреческой литературы. Для сравнения: у Иустина – 12, Татиана – 5, Афинагора – 57, Феофила – 39, Иринея – 16, Ипполита – 118, Оригена – 39 [Krause 1958: 126].

При чтении Климента мы неоднократно встречаем отрывки, в которых он использует античное наследие, но не привлекает библейские цитаты, аллюзии и реминисценции (на эти античные вкрапления указывают издатели сочинений Климента, например Марру [Clément d'Alexandrie 1960: passim]). Таким образом, использование классиков здесь никак не связано с желанием этого автора «объединить в памяти и в чувствах слушателей греческую “хрестоматию” и варварский “корпус Писаний”». Например, в Paed. II, 2, 22, 1–4 дается совет, когда, кому и как можно пить вино. Мозаика парафраза из комедий Менандра (*Men. Fragm.* 512; 779), Евбула (*Eubul. Fragm.* 94), неизвестного комедиографа, трактатов Платона (*Plato. Leg.* II, 666b) и Плутарха (*Plut. Quaest. Conv.* III, 656c–657a), не имеющая библейских вкраплений, очевидно, не была призвана уравнивать тексты Писания с текстами классиков, а имела целью придать создаваемому отрывку большую изысканность: речения античных авторов здесь не выполняют функцию улик против язычества, как это было у апологетов.

Ниже встречаем пассаж, который представляет собой каскад классических цитат из речи Исократы, «Илиады» Гомера и «Государства» Платона; здесь также нет никаких отсылок к Св. Писанию: «Но человек, с другой стороны, должен быть не *угрюмым, но задумчивым* (ср. *Isocr. Orat.* I (ad Dem.), 15). Ибо я полностью одобряю того, который, казалось, *грозным лицом улыбался* (ср. *Pl. VII*, 212), ибо *смех у него, пожалуй, будет менее уморительным* (ср. *Plat. Res.* VII, 518b)» (*Clem. Alex. Paed.* II, 5 47, 1). Однако в строгом смысле слова и этот отрывок не может быть назван центоном.

В 48-й главке Климент снова «балует» читателей двумя цитатами из Гомера, на сей раз – из «Одиссеи», и выражением из Платона, встречающимся также у Плутарха. В 70-й главке приводятся две поэтические цитаты, вплетенные в авторский текст, как цветы в волосы: «Таково и употребление венков, неотъемлемое от гулянок и попоек: *Υἱδὲ! Ἦε возлагай мне на главу венок!* (ср. *Tragica adespota. Fragm.* 108) Ведь весною на росистых и нежных лугах, когда распускаются разнообразные цветы, прекрасно проводить время, питаясь, как пчелы, неким естественным и чистым благоуханием; но не подобает разумным, сделав *венки сплетенный, с луга, что не скошен* (ср. *Eur. Hipp.* 73–74), носить его дома» (*Clem. Alex. Paed.* II, 8, 70, 1–2). В стихотворных строч-

ках из неизвестного трагика и еврипидовского «Ипполита» не содержится аргументов в пользу слов Климента, они призваны воздействовать не на разум любознательного читателя, а на его чувства. Есть и другие примеры подобного использования классических отрывков (см.: *Clem. Alex. Paed.* I, 6, 39, 5–40, 1; I, 8, 64, 1–4 и др.).

Интересно место, в котором соединены два известных утверждения, заимствованные, соответственно, у Геродота и Платона: «Всегда же позволено чистому прикасаться к чистому (*καθαρῷ καθαροῦ θέμις θγγάνειν*); да не совлечем с себя никогда вместе с совлекаемым хитоном и стыд (*μη δὴ ἅμα χιτῶνι ἀποδυομένῳ ἀποδυσόμεθα καὶ τὴν αἰδῶ*), так как никогда не позволено праведному совлекать с себя целомудрие» (*Clem. Alex. Paed.* II, 10, 100, 2). Платон в «Федоне» пишет: «А нечистому касаться чистого не позволено (*μη καθαρῷ γὰρ καθαροῦ ἐφάπτεσθαι μη οὐ θεμιτὸν ἦ*)» (*Plat. Phaed.* 67b, пер. С. П. Маркиша). У Геродота копьеносец Гиг, пытаясь образумить царя Кандавла, который, гордясь красотой своей жены, хотел показать ее ему обнаженной, говорит: «Вместе со снимаемым хитоном снимает женщина и стыд (*ἅμα δὲ χιτῶνι ἐκδυομένῳ συνεκδύεται καὶ τὴν αἰδῶ γυνή*)» (*Her.* I, 8). Это же место дважды использует Плутарх, указывая Геродота как источник (*Plut. De recta ratione audiendi.* 37d; *Plut. Conjug. praec.* 139c). Переиначивая используемые для придания изысканности своему тексту античные пассажи, Климент показывает этим, что они были для него средством красиво, рельефно выразить свою мысль, довести ее не только до сознания, но и до сердца читателей.

А. Меа заканчивает свою главку «От хрестоматии к центону» словами: «Это искусство – более не софистическое искусство очаровывать ухо и пленять воображение, это искусство выражать идеи <...>» [Méhat 1966: 339]. Это осознание того, что христианин может выражать их языком Плутарха, добавим мы.

Примеры «мозаичных» текстов, в которых библейское и античное переплетаются, находим в *Clem. Alex. Paed.* I, 4, 11, 1–2, где слова из Псалма (Пс. 22:1) появляются в окаймлении цитат из Менандра (*Men. Fragm.* 361 Körte) и Платона (*Plat. Leg.* VII. 808d).

Порой Климент составляет текст, который содержит отсылки к произведениям разноязычных авторов (латинских и греческих). Так в *Clem. Alex. Paed.* I, 6, 28, 1–4 слова об устранении помехи с глаз напоминают слова из 94-го письма Сенеки к Луцилию (*Sen. Epist.* 94, 5 et 18), термин *ἐποπτεῖομεν* взят из языческой мистериальной практики (ср.: *Plat. Phaedr.* 250c); утвержде-

ние о том, что подобное любезно подобному, встречаясь у Платона (*Plat. Gorg.* 510b), восходит к Гомеру (*Od.* XVII, 218). Далее следуют цитаты из Нового Завета и Филона.

Мы намеренно рассматривали отрывки из «Педагога», а не из «Стромат», так как «Педагог», первый христианский «домострой», должен был бы содержать меньше отсылок к языческой культуре, чем философичные «Строматы».

Современник Климента Тертуллиан достаточно часто заимствует информацию из нескольких источников. Во второй книге «К язычникам» он приводит целую цепь исторических и мифологических примеров: «Отцом Индигетом сочли Энея, который, раненный камнем (*lapide debilitatum*), никогда не был славным воином. Насколько это оружие простонародное и пригодное для собак (*volgare atque caninum*), настолько позорна от него рана. Но и предателем отечества (*proditor patriae*) оказывается Эней, столь же Эней, сколь и Антенор. И пусть не хотят считать это правдой, Эней действительно оставляет товарищей, когда отечество было в огне. Ему надо предпочесть пунийскую женщину, которая, не сопровождала мужа Гасдрубала, умолявшего врага с робостью Энея (*Aeneae timiditate*) (ср. *Verg. Aen.* II, 559; 728–729), но, схватив сыновей, не думала сберечь красоту и отца в бегстве, а бросилась в огонь пылающего Карфагена, словно в объятия гибнущей отчизны. Эней благочестив (*pius Aeneas*) из-за единственного ребенка и обессиленного старика, несмотря на оставленных Приама и Астианакта? Но он тем более должен быть ненавистен римлянам, которые клянутся благополучием императоров и их домов в ущерб детям и женам и всему, что у них есть дорогого. Обожествляют сына Венеры, а Вулкан, зная об этом, терпит, и Юнона смиряется. Если носильщики родителей (*baiuli parentum*) попадают на небо, почему, скорее, не считать богами аргивских юношей из-за того, что они повезли мать, дабы она не совершила кощунства, вопреки людским обычаям запрягшись в повозку? Почему не более богиня та, которая более благочестива, та дочь, кормящая в темнице изможденного голодом отца своей грудью? Что иное прославляет Энея, если не то, что он нигде не появился во время Лаврентийского сражения? Опять, пожалуй, по своему обыкновению бежал из сражения, словно дезертир» (*Tert. Ad nat.* II, 9, 12–18).

Рассмотрим источники Тертуллиана, использованные им при написании этого отрывка. Слова «Отцом Индигетом сочли Энея» и информация о его исчезновении во время Лаврентийского сражения, вероятно, восходят к Варрону [Agahd

1898: 81, 191]. Заметим, что Тертуллиан, любивший использовать игру слов, написал *indigentem* («нуждающимся», «лишенным»), а не *Indigetem* («туземным», «Индигетом»). Эпитет «благочестивый» восходит к Вергилию [*ibid.*: 81]. См., напр.: *Verg. Aen.* I, 220, 305; V, 685; VI, 9; 176; 232. В 378-м стихе первой книги сам Эней скромно говорит: «Я зовусь благочестивым Энеем». О том, что сей сын Афродиты был ранен камнем (*χερμάδιον*), сообщает Гомер (*Il.* V, 302–318). Ссылкой на хрестоматийный факт Тертуллиан подкрепляет свой тезис о бесславии родоначальника римского народа. Далее апологет называет камень «простонародным и собачьим» оружием. Камни, действительно, рассматривались как *telum volgare*. В одном из сравнений Вергилий приводит такое наблюдение: «Так иногда среди огромной толпы возникает внезапно / Бунт, и безродная чернь, ослепленная гневом, мятется. / Факелы, камни летят, превращенные буйством в оружие» (*Verg. Aen.* I, 148–150, пер. С. Ошерова). У Ювенала камни (*saxa*) характеризуются как «обычное оружие во время бунтов» (*domestica seditioni tela*) (*Iuv. Sat.* V 15, 64–65). Обозначение же камня *telum caninum* весьма редкое. Оно встречается во фрагменте трагедии Пакувия «Спор об оружии»: «Если в пса швырнули камнем, пес скорее набросится / Не на брошенный камень, а на камень брошенный» (*Pac. Armorum iudicium*, 38–39, пер. М. Л. Гаспарова). Тертуллиан, упомянувший однажды «Пакувиеву черепаху» (*testudo Pacuviana*) (*Tert. De pal.* 3,3), при написании разбираемого отрывка мог иметь в виду этот хрестоматийный стих.

Дохристианскую критику Энея можно проследить вплоть до эллинистического времени. Главным обвинением, выдвигаемым против него, было обвинение в измене родному городу Трое и в сотрудничестве с греками [Wlosok 1990: 437, n. 1]. Христианской же критике Энея, как считается, положил начало именно Тертуллиан. Материал для нее латинский апологет не мог заимствовать у своих греческих предшественников: у них мы не находим собственно критики Энея, который, будучи римским героем, не привлекал их внимания. Существует несколько версий спасения Энея. Наиболее известным был восходящий к Тимею рассказ, согласно которому Эней получил разрешение на беспрепятственный выход из Трои, а в обмен на золото и серебро – право спасти своего престарелого отца. Растроганные сыновней преданностью ахейцы предложили ему сделать еще один выбор, и он взял истуканы родных богов. Покоренные благочестием противника греки дали ему возможность уйти вместе со всем его богатством и даже предоставили

судно [Heinze 1903: 29]. Ксенофон так пишет об этом: «Эней же, спасши отеческих и материнских богов, спасши и самого <своего> отца, стяжал славу благочестивого человека, так что враги одному ему из всех, кого они одолели в Трое, дали уйти неограбленным» (*Xen. Cyn. I, 15*).

Тертуллиан, не следуя ни тимеевской версии мифа, ни той, что находим, например, у Тита Ливия (согласно которому Эней и Антенор были пощажены греками по закону старинного гостеприимства и по той причине, что советовали возвратить Елену (*Liv. I, 1, 1*)), придерживается легенды, которую находим у Псевдодиктиса и Псевдодарета. В «Дневнике Троянской войны» (V, 16) первого говорится о том, греки за оказанную услугу предлагали Энею отплыть с ними в Грецию и получить там царскую власть. В «Истории о разрушении Трои» второго сообщается о заговоре Антенора (39-я глава); в этом заговоре принимал участие также Эней (гл. 39–41). Именно Антенор и Эней открыли ахейцам ворота (гл. 41).

Раскритиковав Энея, Тертуллиан обращается к событиям Третьей Пунической войны. Информация о жене Гасдрубала была либо заимствована карфагенским апологетом из какого-либо исторического трактата, либо почерпнута из собственной памяти. Полибий упоминает о гневных упреках, обращенных Гасдрубалу его женой (*Polyb. Hist. XXXVIII, 20, 7–10* [=XXXIX 4, 7–10]). Аппиан в книге «События в Ливии» рассказывает, что, прежде чем броситься в огонь, жена Гасдрубала зарезала и бросила в пламя своих детей (*App. Lybic. 627* [=131]). В периферии 51-й книги «Истории» Ливия говорится: «При последнем натиске Гасдрубал сдается Сципиону, а жена Гасдрубалова, за несколько дней до того тщетно убеждавшая мужа передаться победителю, с двумя детьми бросилась с крепостной стены в самое пламя горящего города» (пер. М. Л. Гаспарова). После отсылки к вергилиевской «Энеиде» («благочестивый Эней») и использования устойчивого выражения «дети и жены и все, что есть дорогого (*liberos et coniuges et <omne> pignus suum*)» (ср. *pignera coniugum ac liberorum* в *Liv. II, 1, 5*), Тертуллиан вспоминает о богах, высмеивая ревность Вулкана и немощь Юноны. Затем он обращается к упомянутым Геродотом аргосцам Клеобису и Битону (*Her. I, 31*; ср. Первый Ватиканский мифограф, I 29, 1–3) и к некоей дочери, кормящей отца грудью (*filia patris in carcere fame defecti uberibus suis educ<atrix>*). Согласно Валерию Максиму, «<...>Пожалуй, можно высоко оценить то, что сообщают также о благочестии Перо, которая своего отца Кимона, испытывавшего подобное несчастье и также за-

ключенного под стражу, уже очень старого кормила грудью, словно младенца» (V 4, ext. 1). В рассказе Гигина на месте Перо и Кимона появляются Ксантиппа и Микон (*Hug. Myth 254*). Любопытно, что чуть ниже этот мифограф говорит об Энее, вынесшем из пожара отца Анхиза и сына Аскания, и о Клеобисе и Битоне. Вероятно, при написании разбираемого отрывка Тертуллиан, кроме прочего, воспользовался одним из распространенных в античности каталогов, в котором речь шла о преданности детей родителям.

Итак, в *Ad nat. II, 9, 12–18* Тертуллиан, развенчивая Энея, использует образы, эпитеты, сюжеты, восходящие к совершенно разным источникам: Гомеру (ранение Энея камнем), Пакувию (обличение камня как «собачьего» оружия), античным критикам Энея (его предательство Трои), Вергилию (эпитет «благочестивый»), Геродоту (намек на Клеобиса и Битона). Возможно, геродотовские образы он взял из каталогов верных детей, как и образ дочери, кормящей отца своим молоком.

Подобный каскад классических реминисценций появляется и в трудах, обращенных и не к язычникам. В первой главе своего самого обширного трактата «Против Маркиона» Тертуллиан, пытаясь опорочить Понт, родину Маркиона, пишет: «В названии моря, которому быть Евксинским (т. е. “Гостеприимным”) не позволяет природа, содержится насмешка. <...> На его берегах обитают совершенно дикие племена, если только можно говорить об обитании про тех, которые проводят свой век в повозках. У них нет определенного жилища, жизнь их груба, их похоть обращена на кого попало и по большей части неприкрыта. Даже пытаясь сохранить ее в тайне, они, чтобы никто не вошел в соответствующий момент, указывают на нее подвешенными на ярмо колчанами. Они, стало быть, и оружия своего не стыдятся. Трупы родителей, изрубленные вместе с мясом скота, они поедают во время пира. Смерть тех, которые оказались не годными в пищу, считается у них проклятой. И женщины там лишены присущей их полу кротости, предписываемой стыдливостью: они оставляют неприкрытыми свои груди, прядут с помощью боевых топоров, предпочитают войну замужеству (*malunt militare quam nubere*). Суров там также и климат: день никогда не бывает безоблачным, солнце никогда не блещет, вместо воздуха – туман, целый год – зима, из ветров известен лишь аквилон. Жидкости возвращаются в прежнее состояние благодаря огню (*liquores ignibus* [конъектура: *nivibus*] *redeunt*), реки из-за льда перестают быть реками, горы завалены снегом, все коченеет, все цепенеет. Там нет ничего

горячего, кроме дикости, той самой, что дала театральным сценам трагедийные сюжеты о Таврических жертвоприношениях, колхидских любовных страстях и о кавказских распятиях. Однако из всего варварского и скорбного, что есть на Понте (*Sed nihil tam barbarum ac triste apud Pontum*), ничто не может сравниться с тем фактом, что там родился Маркион. Он ужаснее скифа, более непостоянный, чем обитатель повозок, бесчеловечнее массагета, необузданнее амазонки, непрогляднее тумана, холоднее зимы, более ненадежный, чем лед, обманчивее Истра, обрывистее Кавказа. Разве не так? Своим богохульством он терзает истинного Прометея – Всемогущего Бога. Да и зверей этого варварского края Маркион хуже. <...> Право же, ты, Понт Евксинский, произвел на свет зверя более приемлемого для философов, чем для христиан. Ведь знаменитый собакопоклонник Диоген, нося в полдень зажженный светильник, желал найти человека. Маркион же Бога, Которого нашел, утратил, потушив светильник своей веры» (*Tert. Adv. Marc. I, 1, 3–5*).

Информация о колчане на повозке и о поедании трупов родителей восходит к рассказу о скифах Геродота (*Her. I, 216*). Слова о предпочтении женщин войны замужеству представляют собой аллюзию на послание апостола Павла к коринфянам: «<...> если <безбрачные и вдовы> не могут воздерживаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться (*melius est enim nubere quam uri*)» (*I Кор. 7:9*).

Наблюдение, касающееся жидкостей (*liquores ignibus redeunt*), также, скорее всего, позаимствовано у Геродота. Т. Д. Барнес по этому поводу писал: «<...> Подробно описан ледяной холод края. Но возникает несоответствие: наряду с ледяными потоками и снежными горами там появляются огненные озера (*fiery lakes*). Издатели исправляют текст, заменяя огонь снегом. В действительности, Тертуллиана снова подвела его память» [Barnes 1985: 199]. По мнению английского ученого, Тертуллиан неправильно передает слова Геродота (*Her. IV, 28*). Нам, однако, представляется, что Тертуллиан здесь весьма точно, хотя и несколько лапидарно, передает мысль «отца истории»: Геродот рассказывал о появлении грязи при разведении огня.

Упоминание о таврических жертвоприношениях, колхидских любовных страстях и о кавказских распятиях отсылает нас соответственно к «Ифигении в Тавриде» и «Медее» Еврипида и к эсхиловскому «Прикованному Прометею».

Кульминационное утверждение о скорбном на Понте (*triste apud Pontum*) вызывает ассоциации с названиями написанных Овидием в ссылке

«Скорбных элегий (*Tristia*)» и «Писем с Понта (*Epistulae ex Ponto*)». Э. Нельдехен считает, что Тертуллиан в этом месте «оглядывался на Овидия» (Noeldechen 1886: 320).

Упоминание Диогена со светильником (ср. *Diog. Laert. VI, 41*), являвшегося, как и Маркион, уроженцем Синопы, знаменует переход Тертуллиана, начавшего свое обличение Понта с отсылок к Геродоту, использовавшему поэтические образы греческих трагиков и Овидия, к философскому сюжету.

Такое обращение с античными текстами, не характерное, как было сказано выше, для более ранних авторов, свидетельствует, по нашему мнению, об изменении точки зрения как Климента, так и Тертуллиана на то, как можно и нужно христианам писать свои сочинения.

Климент в большей степени, Тертуллиан – в меньшей начинают рассматривать свое творчество как более тесно связанное с работами классических авторов, цитаты из которых были призваны не только обличать язычество, но и лучше, красочнее, глубже раскрыть мысль защитников новой религии. Остается уже один шаг до использования философской терминологии при изложении нового учения, шаг, сделанный Великими каппадокийцами и, прежде всего, свт. Василием Великим. Как было замечено Меа, в более позднюю эпоху метод использования классических текстов получит развитие у Евсевия Кесарийского.

Итак, в трудах таких авторов, как Климент Александрийский и Тертуллиан, мы можем констатировать наличие своеобразных «коллажей», «склеенных» из фрагментов трудов предшественников. По нашему мнению, говорить применительно к их творениям о центоне в полной мере непозволительно: библейский «центон» не есть центон в строгом смысле этого слова: это не литературная игра, а следование древней традиции, восходящей к дохристианским временам. Маловероятно, что Климент и Тертуллиан желали подражать легкомысленным представителям этого жанра; скорее, они ощущали потребность для придания своим сочинениям особой изысканности пользоваться тем же приемом, что и современные им языческие авторы.

Нам кажется, что точнее, чем *центон*, который, как правило, составлялся только из фрагментов чужого текста, методику работы с источниками Климента (и Тертуллиана) описывает термин *коллаж*. Очевидно, что «коллажирование» Климента весьма отлично от коллажирования, например, имажиста Эзры Паунда. Перед Климентом стояли утилитарные цели миссионера, видевшего в античной традиции кусочки ис-

тины, которые нужно найти и использовать; для Паунда же традиция – это то, что нужно искусственно восстанавливать. И. И. Гарин отмечает, что главное в «The Cantos», наиболее значительном творении англо-американского поэта, – «“создать” культуру из осколков старых культур, из тех великих, по мнению Паунда, культурных традиций прошлого, которые в современном мире существуют в виде дискретных фрагментов и утратили смысл в глазах большинства людей» [Гарин 2005: 14]. Тем не менее формально стихи Паунда напоминают прозу Климента. Для наглядности сопоставим два отрывка: из *The Cantos* Паунда и «Увещевания» Климента.

Текст *The Cantos* изобилует иноязычными вставками, среди которых преобладают древнегреческие фрагменты. Древнегреческие цитаты бывают представлены либо отдельными фразами, либо большими фрагментами, повторяющимися иногда в нескольких Cantos. Кирка у Паунда напутствует Одиссея, говоря о том, что ему следует плыть к Тересию за познанием: «*Yet must thou sail after knowledge / Knowing less than drugged beast*» (Canto XLVII). Далее приводится цитата из десятой книги «Одиссеи» (Od. X, 228): φθεγγόμεθα θᾶσσον – «скорее подадим голос». Еще ниже идут слова τὸ Διώνη καὶ Μοῖρα τὸν Ἄδωνιν <...> – «ты, Диона, и Мойры Адониса <...>». Последняя фраза, повторяющаяся в конце Canto, – фрагмент «Плача об Адонисе» греческого поэта II в. до Р. Х. Биона, подражателя Феокрита. Таким образом, здесь в авторский текст оказываются вплетенными цитаты из Гомера и Биона.

В заключительной части «Увещевания к язычникам» Климент Александрийский призывает своих читателей: «Итак, убежим от обычая, убежим от него, как от опасного мыса, как от угрозы Харибды или как от мифических сирен: он душит человека, является западней, пропастью, бездной; он ненасытен: “Судно свое на большом расстоянии от волн тех и дыма / Ты удержи” (ср. Od. XII, 219–220). Убежим, убежим, о спутники, от той волны: она извергает огонь. Остров зловещ: он завален костями и трупами (ср. Od. XII, 45–46). Смазливая потаскуха, наслаждение, поет на нем, прельщает вульгарной музыкой: “Эй, Одиссей многославный, великая сила ахейцев, / Чтобы услышать чудесное пенье, направь к нам корабль свой!” (ср. Od. XII, 184–185). Блудница восхваляет тебя, о моряк, и называет многославным; пытается завладеть славой эллинов. Позволь ей питаться мертвецами. Тебе помогает божественное дуновение: пройди мимо удовольствия – оно вводит тебя в заблуждение. “Да не обманет твой ум вертихвостка, что шепчет

лукаво / Милые сердцу слова, чтоб в амбаре твоём покопаться” (ср. *Hes. Op.*, 373–174). Проплыви мимо пения – оно вызывает смерть. Если только захочешь, одолеешь погибель и, привязанный к древу (τῷ ξύλῳ προσδεδεμένος), будешь освобожден от всякой скверны. Слово Божье будет управлять тобой, и Святой Дух введет тебя в небесный порт. Тогда узришь моего Бога и будешь посвящен в святые таинства, и вкусишь от сокрытого в небесах, сбереженного у меня, “о чем не слышало ухо, и что никому не приходило в сердце” (ср. 1 Кор. 2:9). “И кажется, что два я вижу солнца, Фив / Двойных виденье предо мной” (ср. *Eur. Vasc.*, 918–919) – сказал некто, приведенный в иступление идолами, опьяненный неразбавленным вином невежества. Я, скорее всего, пожалею его, буйствующего во хмелю, и призову находящегося не в своем уме к трезвому спасению, потому что и Господь радуется раскаянию, а не смерти грешника» (ср. *Iez.* 18:23 и 32; 33:11) (*Clem. Alex. Protr.* 12, 118, 1–5). Мы видим, что в одной главе перед нами проходят чередой образы, заимствованные у Гомера, Гесиода, Еврипида, цитаты из творений которых перемежаются с цитатами из Нового и Ветхого Заветов. Отметим также двойной смысл слов «привязанный к древу»: Одиссея спасло от гибели то, что он был привязан спутниками к мачте (Od., XII 178–179); но под деревом у христианских авторов разумеется крест Христа.

И у Паунда, и у Климента в авторский текст вставлены фрагменты стихов древнегреческих авторов, причем несколько измененные. Чтобы не «умножать сущности», предлагая новый термин, и не приписывать Клименту, в тексте которого всегда присутствуют и авторские слова, «центонирование», мы предлагаем при описании использования им античных текстов употреблять термин *коллаж* с тем же дерзновением, с каким, например, термин *лирика* используется по отношению и к архаической лирике Гиппонакта и Тиртея, и к стихам С. Есенина и М. Цветаевой.

Стремление таких доникейских церковных авторов, как Климент и Тертуллиан, при создании своих творений писать «высоким штилем» не угаснет и у более поздних богословов. Здесь можно вспомнить, например, гексаметрические поэмы свт. Григория Великого. Приведем первые две строчки из его «Поэмы догматической», начинающейся словами, выражающими осознаваемую автором опасность и сложность предпринимаемой им попытки говорить о Боге и вызывающими в памяти гомеровскую «Одиссею»: «Знаю, что на плоту (σχεδίῃσι) мы проходим (ἐκτέρωμεν) по морю путь длинный, / Или на малых крылах (πτερύγεσσι) устремляемся к

звездному небу (πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα) <...>» (*Greg. Naz. Carm. dogm.*). В самом деле, словосочетание πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα встречается у Гомера (*Od. XI, 17*). На плоту (σχεδίη), плыть на котором Одиссей сначала опасался (*Od. V, 174, 177*), он отправился от нимфы Калипсо к феакам. Это слово, кроме упомянутых случаев, появляется в поэме еще 12 раз (*Od. V, 33, 163, 251, 314, 315, 324, 338, 343, 257, 363, 364; VII, 274*). LSI, приводя значение данного слова (raft, float), ссылается в первую очередь на 33-й и 174-й стихи пятой песни «Одиссеи» [Liddell, Scott, Jones 1996: 1744]. Глагол ἐκτεράω в «Одиссее» встречается трижды (*VII, 35; VIII, 561; IX, 323*). Форма πτερύγεσσι встречается один раз в «Илиаде» и по два раза в «Аргонавтике» Аполлония Родосского и «Гомеровских гимнах». Любопытно, что свт. Василий Великий в небольшом сочинении «К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями (беседа 22)» приводит слова некоего гомеровского истолкователя, который видит в эпизоде со спасением Одиссея на острове феаков после кораблекрушения (поломки плота) раскрытие идеи о важности добродетели. Таким образом, образ царя Итаки владел мыслями и посленикейских авторов.

Мы видим, что два из трех великих Вселенских учителей Восточной Церкви (свт. Василий Великий и Григорий Богослов) в своих творениях так или иначе следовали принципу Климента Александрийского, видевшего необходимость христианам ориентироваться на классические образцы. Если в этом контексте говорить о третьем Вселенском учителе, свт. Иоанне Златоусте, то можно вспомнить, что послушать его проповеди приходили даже невоцерковленные люди, которые потом устраивали ему оvationи, что было бы невозможно, если бы эти его гомилии не соответствовали бы самым высоким требованиям данного жанра.

В Средневековье элементы стиля, появившиеся в христианской литературе первых веков, так или иначе, давали о себе знать. Одной из основных особенностей Климента Александрийского и подобных ему авторов (унаследованной позднейшими богословами), на наш взгляд, является стремление создавать тексты, которые бы отвечали формальным требованиям, предъявляемым к литературным произведениям в конкретную эпоху. Эти тексты должны были восприниматься как ничем не уступающие светским.

Размеры статьи не позволяют проследить развитие традиции ранних Отцов Церкви конструировать свои сочинения из отрывков античных поэм. Приведем как пример стихотворение латинского автора VIII в. Флакка Альбина Алкуи-

на. Он, обращаясь к молодежи элегическим размером, пишет: «Юноши, возраст которых подходит для чтения, учитесь: / Годы бегут, как вода, быстро текущая прочь (discit(e): eunt anni more fluentis aquae). / Нужных дней для наук не губите пустыми делами: / Не возвратятся волна и ускользающий час (nec redit unda fluens, nec redit hora ruens) <...> / Требуешь если убрать, читатель, соломинку нашу, / Прежде дубы убери из ока ты своего (si nostram, lector, festucam tollere quaeris, / robora de proprio lumine tolle prius) <...>». Здесь очевидны заимствования из овидиевского «Искусства любви»: «Резвитесь: годы бегут, как вода, быстро текущая прочь» (*ludite: eunt anni more fluentis aquae*) (*Ov. Ars. 3, 62*); «И волну миновавшую вызвать назад невозможно, / И тот час, что прошел, не возвратится назад (nec, quae praeteriit, iterum revocabitur unda, / nec, quae praeteriit, hora redire potest)» (*Ov. Ars. 3, 63–64*). Замыкает пассаж евангельская аллюзия о соломинке в глазу брата и бревне в собственном оке (ср. *Мф. 7:3; Лк. 6:41*) [Sidwell 1995: 138]. В элегических дистихах этого представителя Каролингского Возрождения продолжается осуществляться синтез христианской и светской культур.

Заметим, что в эпоху схоластики обращения к античным текстам стали крайне редкими. Доминировали же в сочинениях авторов этого времени библейские цитаты, вытеснившие из сознания их современников стихи древних поэтов и апофегмы языческих философов. При этом обращение с текстом Писания, как и в первые века христианства, оставалось достаточно вольным. Фома Аквинский, например, не считал себя обязанным скрупулезно точно передавать слова Библии. На это обратил внимание восхищавшийся Фомой Г. К. Честертон, поставив такой подход ему в заслугу: «Он понял, что смысл Писания далеко не очевиден, и нередко мы должны толковать его в свете других истин» [Честертон 1991: 302].

Список литературы

Бычков В.В. *Aesthetica patrum*. Эстетика Отцов Церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир, 1995. 593 с.

Гарин И. И. Возвращение // Паунд Э., Элиот Т.С. Паломничество волхвов. Избранное / пер. с англ.; предисл. И.И. Гарина, ред. К. Чухрукидзе. М.: Ессе homo, 2005. 328 с.

Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1987. 336 с.

Честертон Г.К. Святой Фома Аквинский // Честертон Г.К. Вечный человек / пер. с англ. Н.Л. Трауберга и Л.Б. Сумма. М.: Политиздат,

1991. С. 265–356.

Agahd R. M. *Terenti Varronis Antiquitatum rerum divinarum libri I, XIV, XV, XVI / Praemissae sunt quaestiones Varronianae auctore R. Agahd.* Lipsiae, 1898. 381 p.

Ashwin-Siejkowski P. *Clement of Alexandria on Trial. The evidence of 'heresy' from Photius' Bibliotheca.* Leiden; Boston: Brill, 2010. XVII. 185 p.

Barnes T.D. *Tertullian: a historical and literary study.* 2nd ed. Oxford, 1985. XI. 339 p.

Chadwick H. *Clement of Alexandria // History and thought of the early Church.* London, 1982. P. 168–181.

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I / Introduction et notes de H.-I. Marrou, traduction de M. Harl.* Paris, 1960. 298 p.

Heinze R. *Virgils epische Technik.* Leipzig: Teubner, 1903. VIII. 48 S.

Krause W. *Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur.* Wien: Herder, 1958. 320 S.

Liddell H. G., Scott R., Jones H. S. *A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott. A new edition revised and augmented throughout by H. S. Jones.* Oxford, 1996.

Méhat A. *Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie.* Paris: Editions du Seuil, 1966. 580 p.

Noeldechen E. *Tertullian's Erdkunde // Zeitschrift fuer kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben.* 1886. 6.

Pohlenz M. *Klemens von Alexandria und sein hellenisches Christentum // Nachrichten von Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse.* 1943. № 3. S. 103–180.

Schmoller A. *Handkonkordanz zum griechischen Neuen Testament.* Stuttgart, Deutsch Bibelgesellschaft, 1994. 534 S.

Sidwell K. *Reading Medieval Latin.* Cambridge, 1995. XVIII, 398 p.

Whittaker M. *Tatian's educational background // Studia patristica.* 1975. Vol. XIII. Part. 2. P. 57–59.

Wlosok A. *Res humanae – res divinae. Kleine Schriften.* Heidelberg: Winter, 1990. 550 S.

References

Bychkov V. V. *Aesthetica partum. Estetika Otsov. I. Apologety. Blazhennyj Avgustin [Aesthetica partum. Aesthetics of the Fathers of the Church. I. The apologists. St. Augustine].* Moscow, Lodomir Publ., 1995. 593 p.

Garin I. I., ed. K. Chukhrukidze. *Vozvrashhenie [The Return]. Pound E., Eliot T.S. Palomnichestvo volkhvov. Izbrannoe [Journey of the magi. Selected poems].* Transl. from Engl., preface by I.I. Garin, ed. by K. Chukhrukidze. Moscow, Ecce homo Publ., 2005. 328 p.

Svetsitskaja I. S. *Ranee khristianstvo: stranitsy istorii [The early Christianity: the pages of history].* Moscow, Politizdat Publ., 1987. 336 p.

Chesterton G. K. *Svjatoj Foma Akvinskij [St. Thomas Aquinas].* Chesterton G. K. *Vechnyj chelovek [The Everlasting Man].* Transl. from Engl. by N. L. Trauberg and L. B. Summ. Moscow, Politizdat Publ., 1991. P. 265–356.

Agahd R. M. *Terenti Varronis Antiquitatum rerum divinarum libri I, XIV, XV, XVI. Praemissae sunt quaestiones Varronianae auctore R. Agahd [Books I, XIV, XV, XVI of the Antiquities of things divine by Terentius Varro. Varronian research by R. Agahd precedes].* Lipsiae, 1898. 381 p.

Ashwin-Siejkowski P. *Clement of Alexandria on Trial. The evidence of 'heresy' from Photius' Bibliotheca.* Leiden, Boston, Brill Publ., 2010. XVII, 185 p.

Barnes T.D. *Tertullian: a historical and literary study.* 2nd ed. Oxford, 1985. XI. 339 p.

Chadwick H. *Clement of Alexandria. History and thought of the early Church.* London, 1982. P. 168–181.

Clément d'Alexandrie. *Le Pédagogue. Livre I [The Instructor. Book I].* Introduction and notes by H.-I. Marrou, translation by M. Harl. Paris, 1960. 298 p.

Heinze R. *Virgils epische Technik [Vergil's epic technique].* Leipzig, Teubner, 1903. VIII, 48 p.

Krause W. *Die Stellung der frühchristlichen Autoren zur heidnischen Literatur [Position of the early Christian authors towards the pagan literature].* Wien, Herder, 1958. – 320 p.

Liddell H. G., Scott R., Jones H.S. *A Greek-English Lexicon compiled by H. G. Liddell and R. Scott. A new edition revised and augmented throughout by H.S. Jones.* Oxford, 1996.

Méhat A. *Étude sur les 'Stromates' de Clément d'Alexandrie [Study on the Stromates of Clement of Alexandria].* Paris, Editions du Seuil, 1966. 580 p.

Noeldechen E. *Tertullian's Erdkunde [Tertullian's geography].* *Zeitschrift fuer kirchliche Wissenschaft und kirchliches Leben.* 1886. 6.

Pohlenz M. *Klemens von Alexandria und sein hellenisches Christentum [Clement of Alexandria and his Hellenic Christianity].* *Nachrichten von Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philologisch-historische Klasse.* Iss. 3. 1943. S. 103–180.

Sidwell K. *Reading Medieval Latin.* Cambridge, 1995. XVIII, 398 p.

Whittaker M. *Tatian's educational background. Studia patristica.* 1975. Vol. 8. Part. 2. P. 57–59.

Wlosok A. *Res humanae — res divinae. Kleine Schriften* [Things human – things divine. Small works]. Heidelberg, Winter Publ., 1990. 550 p.

**FROM QUOTATION TO “COLLAGING”:
THE ANCIENT HERITAGE IN THE EARLY CHRISTIAN WRITINGS**

Alexander Ju. Bratukhin

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

Clement of Alexandria and Tertullian often weave into the text of their works quotations or paraphrases from writings by ancient poets and philosophers. A. Mehat, considering this Clement's technique, attributes to him the use of the genre of cento and believes that the Alexandrian theologian, combining classical and biblical phrases, tries to accustom the Greeks to “this barbarous language”. The article suggests that with the help of a cascade of classical allusions and reminiscences Clement and Tertullian sought to make their treatises similar to works of the contemporary pagan authors in order to refute the common opinion about the lack of education and ignorance of representatives of the new religion and to bring Christianity to the truth-seeking intellectuals. The earlier Church writers did not dare to use such inclusions for decorating their works and appealed to classical quotations only as evidence of paganism. To denote the method applied by Clement and Tertullian, the author of the article uses the term *collaging* and shows the difference between collages in the poetry of avant-garde poets (for example, in *The Cantos* by Ezra Pound) and collages in protrepticos, diatribes, invectives, etc. of early Christian theologians.

Key words: early Christian literature; Ancient literature; Clement of Alexandria; Tertullian; quoting; collage; cento.

УДК 81'27

ЛОКАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ ЖАРГОННОГО СЛОВА¹

Елена Валентиновна Ерофеева

д. филол. н., заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Пермь, ул. Букирева, 15. elevaer@gmail.com

Марина Александровна Кропачева

к. филол. н., старший преподаватель кафедры иностранных языков
и методики преподавания

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко
427621, Удмуртская республика, Глазов, ул. Первомайская, 25. kropacheva.ma@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению проблемы локальной вариативности жаргонного слова (на материале слов студенческого жаргона). Наряду с прочими аспектами локального варьирования жаргона особое внимание обращается на семантические варианты жаргонной лексемы в разных регионах; при этом делается акцент не просто на освоенность жаргонной единицы в том или ином регионе, а на локальную лексико-семантическую вариативность. Авторы приходят к выводу о наличии развитой лексико-семантической вариативности жаргонных единиц, которая проявляется в актуализации в сознании студентов из разных регионов локальных вариантов жаргонной лексемы. Такие семантические варианты могут быть близки друг другу по смыслу, а могут и не обнаруживать общего семантического компонента. Исследуемая вариативность проявляется в том, что некоторые жаргонные лексические варианты свойственны только одному или нескольким регионам; в то же время другие варианты того же слова могут употребляться на всей территории страны, что свидетельствует о единстве жаргона.

Ключевые слова: лексико-семантическая вариативность; лексический вариант; локальная вариативность; социолект; студенческий жаргон.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-27-37

Введение

Еще в начале XX в. С.И. Карцевским был описан один из базовых языковых механизмов – механизм «асимметрического дуализма языкового знака», раскрывающий образование семантических вариантов знака. Примечательно, что в своей программной статье «Об асимметрическом дуализме языкового знака» С.И. Карцевский связывает это явление с таким важным аспектом сущности языка, как соотношение и сочетание в нем индивидуального и социального: «Будучи семиологическим механизмом, язык движется между двумя полюсами, которые можно определить как общее и отдельное (индивидуальное)... С одной стороны, язык должен служить средством общения между всеми членами лингвистической общности, а с другой стороны, он должен

также служить для каждого члена этой общности средством выражения самого себя, и какими бы “социализированными” ни были формы нашей психической жизни, индивидуальное не может быть сведено к социальному... Призванный приспособиться к конкретной ситуации, знак может измениться только частично; и нужно, чтобы благодаря неподвижности другой своей части знак оставался тождественным самому себе» [Карцевский 1965: 85].

Таким образом, полисемия, с одной стороны, обусловлена семиотической природой языка, а с другой – индивидуальным и, что не менее важно, социальным варьированием носителей языка. В связи с этим можно рассматривать вопросы полисемии в аспекте реализации нормы.

Норма является сложным многоаспектным явлением. Во-первых, она имеет социальную природу. «Норма – категория внутриязыковая, она присуща языку как системе и связана с наличием в любом языке потенциальных возможностей разного обозначения одного и того же явления. При этом, безусловно, норма – результат действия социальных факторов, связанных с существованием данного языка в определенном речевом коллективе в определенный период времени, т.е. категория социолингвистическая» [Вербицкая 1997: 105]. Во-вторых, это не только и не просто социолингвистический, но и психологический феномен, поскольку норма – это только те языковые реализации, которые, по мнению носителей языка, являются желательными и престижными [Ерофеева 2005]. Таким образом, норма обусловлена одновременно 1) языковой системой, которой пользуется данный коллектив; 2) социальной средой, в которой функционирует данная языковая система; 3) оценкой средств этой языковой системы ее носителями, т.е. психологическим, субъективным фактором [Ерофеева 2011].

Все изменения и вариации языкового выражения, в том числе и вариации лексического значения, пропускаются через фильтр языковой нормы. При этом характер нормы неодинаков в разных формах существования языка. Так, различают разные степени строгости нормы: от наиболее строгой нормы в литературном языке до ее полного отсутствия в просторечии.

Возможность вариативности нормы, присущая всем формам существования языка, позволяет Л.П. Крысину говорить об особом качестве нормы – ее толерантности [Крысин 2008]. Поскольку норма в разных формах существования языка обладает разной степенью строгости и толерантность норм форм существования языка различна, то различны и границы колебаний варьирования их языковых средств: возможность и диапазон варьирования языковых средств в разговорной литературной речи, территориальных и социальных диалектах значительно выше, чем в литературном языке.

Особое внимание следует обратить на проблему нормы и ее толерантности в социальных диалектах. Принято считать, что нормы социальных диалектов, или социолектов, – это нормы особого типа. Такая норма гораздо слабее, чем норма литературного языка, литературной разговорной речи или территориального диалекта; она менее устойчива и слабо выражена (см.: [Гавранек 1967; Ицкович 1968; Крысин 2004, 2007; Ларин 1931, 1977; Успенский 1985 и др.]). При этом

норма социолекта выступает в том числе и как «норма-шиболет» [Касевич 2008]: носители того или иного социального диалекта могут отличить по речи человека, который входит в круг «своих», потому что он говорит каким-то определенным способом, который не противоречит внутреннему пониманию слушающего о правильности речи. Это внутреннее понимание и есть норма данного социального диалекта.

Локальная вариативность социолектов

Частичная нормированность социальных диалектов позволяет говорить об относительной строгости нормы в некоторых пластах лексики внутри социальных диалектов (профессиональная терминология), с одной стороны, и о восприимчивости лексических систем социолектов к воздействиям со стороны иных форм существования языка, с другой стороны. В целом норма в социолектах характеризуется слабостью, а значит, обладает высокой толерантностью, поэтому диапазон вариативности языковых средств в социолектах достаточно велик. Таким образом, можно сказать, что жаргонные (социолектные) слова могут обладать большим количеством значений, так как эталонность того или иного значения в случае с социолектом определяется в зависимости от социальных предпочтений говорящих и нигде не зафиксирована.

Вариативность языковых средств часто возникает под действием определенных социальных факторов, среди которых выделяют следующие: пол/гендер; возраст; место, где прошло детство; место постоянного жительства; образование; профессию; специальность; социальный класс; социальное положение родителей; место рождения родителей; образование и место, где оно получено; социальное положение; место наиболее длительного проживания; регулярность, с которой говорящие слушают радио или смотрят телепередачи, и др. [Ерофеева 2005; Ерофеева 2010; Игнаткина, Литвачук 1989; Крысин 1973; Панов 1960; Русский язык по данным массового обследования 1974; Социально-лингвистические исследования 1976; Fisher 1964; Fishman 1980; Labov 1966, 1970, 1972; Trudgill 1974, 1978 и мн. др.].

Вариативность такой формы существования языка, как студенческий жаргон, рассматривалась ранее в зависимости от фактора «пол», причем исследовался в основном уровень владения жаргонной лексемой как таковой [Ерофеева 2009]. В данной статье рассматривается **локальная вариативность** студенческого жар-

гона, т. е. зависимость жаргона от фактора «место жительства».

О территориальных различиях социальных диалектов писали еще Б.А. Серебренников [1970] и Е.Д. Поливанов [1931], но они не дали развернутых характеристик этих различий. И до сих пор работы, содержащие более или менее подробные характеристики локальной вариативности жаргона, малочисленны (см., например: [Миралаева 1994; Никитина 1998]). В словаре Т.Г. Никитиной «Так говорит молодежь» даются пометы, указывающие на города или местности, в которых употребляется то или иное жаргонное слово. О.Д. Миралаева на примере заимствований из английского языка показывает, что произношение заимствованных жаргонизмов различается у московской молодежи и молодежи Казахстана. Кроме того, сравнив степень знания и частоту употребления английских заимствований обеими группами молодежи, она делает вывод о том, что столичная молодежь лучше знает и чаще употребляет эти заимствования. Полученные данные позволили О.Д. Миралаевой сделать следующее предположение: «Заимствование каждой конкретной лексемы происходит не спонтанно, одновременно в нескольких регионах, а с появлением какого-либо явления, стиля заимствование осваивается языком, а затем распространяется через молодежные средства массовой информации. Причем процесс, по-видимому, идет от центра к периферии» [Миралаева 1994: 88].

Очевидно, что вариативность жаргона зависит от степени интенсивности контактов между носителями жаргона разных регионов. Таким образом, с одной стороны, территория является одним из препятствий распространения единого жаргона. С другой стороны, в жизни современных молодых людей важную роль играет Интернет, который позволяет им общаться на расстоянии. Интернет в данном случае выступает как средство объединения всех локальных вариантов молодежного жаргона и в какой-то мере способствует стиранию различий между ними, хотя интенсивность контактов между людьми в рамках одной территории выше и в интернет-пространстве. Следовательно, действует целый ряд факторов, способствующих как интеграции жаргона в единое целое, т. е. образованию так называемого «общего жаргона» [Мокиенко, Никитина 2000; Хорошева 1998 и др.], так и его дезинтеграции, образованию вариантов, в том числе и локальных.

Проблема локального варьирования жаргонного слова, конечно же, далеко не исчерпывается названными выше аспектами: описанием ло-

кальной привязки жаргонных слов и вопросом их появления и распространения. В ряду прочих аспектов локального варьирования жаргона интересно исследовать и семантическую вариативность жаргонной лексики в разных регионах.

Дизайн исследования

Итак, предметом анализа в данной статье является не просто освоенность жаргонной единицы в том или ином регионе, а ее локальная лексико-семантическая вариативность.

В качестве материала использовались данные лингвистического эксперимента, проведенного со студентами г. Глазова, населенных пунктов Глазовского района, г. Перми и г. Санкт-Петербурга.

Эксперимент проходил в три этапа:

- 1) отбор материала;
- 2) анкетирование;
- 3) социолингвистический эксперимент.

1. На первом этапе был получен словник актуальных для сознания носителей жаргона единиц, которые составляют студенческий жаргон Глазова и Глазовского района. Для получения данного словника был проведен опрос, в котором приняли участие 100 студентов из Глазова и Глазовского района разных специальностей и факультетов Глазовского педагогического института в возрасте 18–20 лет. Испытуемых просили написать как можно больше слов, которые, по их мнению, относятся к студенческому жаргону, и привести примеры использования этих слов в речи.

Таким образом, мы пользовались методом интроспекции и обращались к языковому сознанию информантов. В данном случае мы считаем жаргонными все слова и выражения, приведенные информантами, так как они осмысливаются самими носителями социолекта как жаргонные. Даже в том случае, если информанты употребляют слово, относимое словарями к другой форме существования (просторечию, литературному языку, территориальному диалекту), они так или иначе изменяют его коннотацию. В их лексической системе слово занимает иное место, чем в лексической системе, описанной словарями (см.: [Сторожева 2009]).

В результате опроса было получено 5 134 реакции, при этом разных реакций – 1 293 слова и выражения, которые, по мнению студентов, относятся к студенческому жаргону. Из данного словника выбраны 60 слов, которые были названы не менее чем 8 испытуемыми; одновременно данные слова не являлись наиболее частотными, т. е. общеизвестными. Таким образом, в ото-

бранный материал вошли те лексические единицы, которые предположительно могли показать наличие вариативности, если таковая имеется, но в то же время не принадлежали периферии жаргона и не являлись случайными окказиональными образованиями.

Отобранные для анкетирования и эксперимента лексические единицы были проверены по Национальному корпусу русского языка [Национальный корпус русского языка] с целью определения их принадлежности к формам существования языка, так как в некоторых случаях сделать это без обращения к подобному источнику было сложно. В результате проверки были выбраны только те слова, которые, судя по контекстам, данным в Корпусе, явно относятся к жаргону, а не к другим формам существования языка. При определении жаргонной коннотации слов и выражений мы руководствовались следующими критериями:

1) слово либо вообще не отмечено в Корпусе, либо отмечено в ограниченном числе вхождений;

2) если слово отмечено в Корпусе, то слово не встречается в художественной литературе иначе, как в речи персонажа соответствующего социального класса;

3) слово не встречается в публицистических текстах, т. е. не является переходным явлением, общим для жаргона и разговорной речи.

В результате в материал для анкетирования и эксперимента вошли слова: *бомба, бабосы, батон, бич-пакет, бот, винда, втыкать, газява, грузить, днюха/денюха, дискач, достать, дрова, завалить, задвинуть, задолбать, залететь, инет, клавиша, коменда, контакт, косарь, косяк, лава/лавэ, метр, мыло, накосячить, насинячиться, отработать, отстой, палить, педик, по барабану, прикид, проставляться, профилага, пятахатка/пятахатник, репа, ржачный, рубль/рубль, свечка, старый/старая, сто пудов/сто пудей, стремно, студень, студик, тачила, тёла, тема, тёплый, труба, флеха, хавчик, хата, цеплять, чел, чикса, шмара, штука, Эдик/звать Эдика.*

2. В анкетировании в качестве информантов приняли участие 128 студентов, по 32 человека из каждого локуса (г. Глазова, населенных пунктов Глазовского района, г. Перми, г. Санкт-Петербурга); выборка информантов для чистоты эксперимента была сбалансирована по факторам «гендер» и «специальность» (гуманитарии/негуманитарии).

Участников эксперимента просили дать дефиниции (наивные толкования) жаргонным сло-

вам, при этом подчеркивалось, что это именно слова студенческого жаргона.

В результате анкетирования было получено 5 892 положительные реакции и 1 975 отрицательных реакций. Положительными реакциями считались все дефиниции, предложенные испытуемыми; отрицательными – отказы дать дефиницию предложенному слову. На основе полученных от информантов наивных толкований анализировалась семантика жаргонных единиц в разных локусах; проводились также статистические подсчеты.

3. На третьем этапе исследования в социолингвистическом эксперименте в качестве материала были использованы те же 60 лексических единиц, что и для анкетирования. Испытуемым предлагался список жаргонных слов с указанными лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) (наиболее характерными для студенческого жаргона г. Глазова), в котором они должны были отметить, знают ли они предложенные слова в данном значении и употребляют ли их в речи. Группа студентов для эксперимента также состояла из 128 человек – студентов различных высших учебных заведений; выборка информантов была сбалансирована по тем же факторам, что и при анкетировании. В результате социолингвистического эксперимента было получено 15 360 реакций (9 098 положительных и 6 262 отрицательные). Данные обрабатывались с помощью дисперсионного анализа силы влияний.

Обсуждение результатов

1. Результаты анкетирования

Испытуемые предложили 60 заданным словам 142 разных значения, т. е. к большинству слов информанты привели не одно, а несколько значений².

Из 60 заданных слов 22 оказались однозначными (по крайней мере, в рассматриваемом материале): *бабосы* ‘деньги’, *бич-пакет* ‘вермишель быстрого приготовления’, *газява* ‘газированная вода’, *днюха/денюха* ‘день рождения’, *достать* ‘надоесть’, *задолбать* ‘надоесть’, *инет* ‘интернет’, *клава* ‘клавиатура’, *метр* ‘мегабайт’, *накосячить* ‘совершить ошибку, проступок’, *насинячиться* ‘сильно злоупотребить алкогольными напитками’, *по барабану* ‘безразлично’, *проставляться* ‘угощать спиртными напитками за свой счет’, *профилага* ‘профилактика’, *ржачный* ‘смешной’, *рубль/рубль* ‘1000 рублей’, *сто пудов/сто пудей* ‘абсолютно точно, наверняка’, *тёла* ‘девушка’, *флеха* ‘съёмная карта памяти’, *хавчик* ‘еда’, *чел* ‘человек’, *Эдик/звать Эдика*

‘испытывать тошноту, рвоту’ (в работе в качестве значений слов использованы наивные толкования, предложенные студентами). Таким образом, более трети заданных в анкете слов не обнаруживают семантической вариативности в студенческом жаргоне.

Однозначные слова не отражают локальную вариативность значений жаргонных слов, однако некоторые из них обнаруживают локальную вариативность на уровне частот (см. табл. 1).

Таблица 1

Однозначные жаргонные слова, имеющие разную частоту опознания в разных локусах, абс.

Слово	Значение	Локус			
		Глазов	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Бич-пакет	вермишель быстрого приготовления	30	30	30	20
Газява	газированная вода	26	27	11	0
Проставляться	угощать спиртными напитками	25	21	18	29
Профилага	профилактика	26	27	2	3
Рубль	1000 рублей	20	19	23	5
Звать Эдика	испытывать тошноту / рвоту	9	13	1	4

Из табл. 1 видно, что частоты знания слова представителями разных локусов не совпадают. Наблюдаются случаи, когда слово менее широко известно в Санкт-Петербурге (см. слова *бич-пакет*, *рубль*), или Перми (*проставляться*), или одновременно Санкт-Петербурге и Перми (*газява*, *профилага*, *звать Эдика*)⁴.

Для остальных 38 слов студенты приводят как минимум две разные дефиниции. По два значения было дано словам *винда*, *дискач*, *коменда*, *отстой*, *прикид*, *старый/старая*, *студень*, *тачила*, *залететь*, *труба*, *хата*, *цеплять*, *штука*. К таким словам, как *контакт*, *косяк*, *лава/лавэ*, *мыло*, *отработать*, *палить*, *педик*, *пятихатка/пятихатник*, *репа*, *свечка*, *стремно*, *студик*, *тема*, *тёплый*, *чикса*, студенты привели по три значения. Слова *дрова*, *завалить* и *косарь* получили в ходе эксперимента по 4 значения. Самое большое количество дефиниций получили следующие 7 слов: *батон* (6 значений), *бот* (6 значений), *бомба* (5 значений), *втыкать* (5 значений), *грузить* (5 значений), *задвинуть* (5 значений), *шмара* (5 значений).

Реакции информантов были разделены на 4 частотные зоны:

- 1) высокочастотная зона (ЛСВ, которые назвали 76–100% информантов);
- 2) среднечастотная зона (ЛСВ, которые предложили 51–75% информантов);
- 3) низкочастотная зона (ЛСВ, которые были названы 26–50% информантов);
- 4) зона редких ЛСВ (ЛСВ, которые дали 1–25% информантов).

Более половины однозначных слов вошло в высокочастотную зону, которая содержит незначительно варьируемую часть студенческого жаргона, общую для всех локусов (14 ЛСВ из 25). Малая степень локальной вариативности этих ЛСВ представляется закономерной, так как это ЛСВ, общие для студентов всех исследуемых местностей.

В среднечастотную зону студенческого жаргона в основном входят слова более чем с одним ЛСВ (13 ЛСВ из 17). ЛСВ данной зоны характеризуются разной частотой в разных регионах. ЛСВ, входящие в среднечастотную зону, представляют вариативную часть студенческого жаргона.

В низкочастотной зоне студенческого жаргона также отмечено большое количество слов более чем с одним ЛСВ (20 ЛСВ из 24). Кроме того, в эту зону вошли ЛСВ, которые присутствуют в студенческом жаргоне одной местности и отсутствуют в жаргоне другой. Эти ЛСВ проявляют значительную вариативность частот у разных групп информантов.

Зона редких ЛСВ включает такие ЛСВ, которые, с одной стороны, могут показывать локальную вариативность студенческого жаргона, а с другой – окказиональный характер некоторых ЛСВ.

Локальная вариативность проявляется в том, что в разных регионах одно и то же ЛСВ может входить в разные частотные зоны, например, в одном регионе ЛСВ входит в высокочастотную зону, а в другом – в среднечастотную, низкочастотную или зону редких ЛСВ. В отдельных слу-

**Ерофеева Е. В., Кропачева М. А. ЛОКАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ
ЗНАЧЕНИЯ ЖАРГОННОГО СЛОВА**

чаях ЛСВ может вообще отсутствовать в жаргоне одной из местностей. Так, например, *стрёмно* 'страшно' в жаргоне Санкт-Петербурга располагается в высокочастотной зоне, а в Глазове – в зоне редких ЛСВ, при этом в Глазове, Глазов-

ском районе и Перми для этого плана выражения чаще реализуется ЛСВ 'плохо'.

В табл. 2 приведены распределения частот значений 7 слов с наибольшим количеством значений, данных студентами, в зависимости от локуса.

Таблица 2

Распределение частот значений жаргонных слов в зависимости от локуса³

Значение	Глазов	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Батон				
1) хлебобулочное изделие	7	10	18	3
2) отец	4	–	1	8
3) наезжать/оговаривать	1	1	–	2
4) ягодица	1	–	–	–
5) клавиша	–	1	–	1
6) очень умный человек/«ботаник»	–	–	1	2
Бомба				
1) шпаргалка	9	12	–	8
2) лист с ответом, которым на экзамене заменяют пустой лист	9	8	3	7
3) пластиковая емкость 1,5 или 2,5 литра	2	4	5	1
4) полная женщина	2	–	1	–
5) сенсация	2	1	10	9
Бот				
1) персонаж, за которого играет компьютер	11	4	4	3
2) «ботаник»	10	5	18	7
3) тормоз/дурак	3	1	1	–
4) компьютерная программа, автоматически выполняющая определенные действия	2	5	5	8
5) вспомогательный аккаунт на форуме	–	–	–	1
6) обувь	–	4	–	3
Втыкать				
1) понимать	23	10	17	20
2) бить	–	1	–	–
3) вникать	–	–	2	5
4) смотреть	–	1	7	4
5) спать, засыпать	–	–	–	1
Грузить				
1) озадачивать	19	14	9	4
2) надоедать	6	3	6	23
3) давить морально	4	7	4	5
4) говорить непонятно	1	2	4	5
5) давать трудное задание, задавать вопросы (чаще всего на экзамене)	–	–	11	2
Задвинуть				
1) не выполнить чего-либо, пропустить	14	3	12	9
2) ударить	4	1	1	–
3) сказать речь	2	–	2	6
4) поставить на место	–	4	–	1
5) продать	–	3	–	–
Шмара				
1) некрасивая девушка	14	6	8	16
2) девушка легкого поведения	9	8	7	13
3) дура	2	1	1	4
4) гадина	1	1	2	2
5) девушка	1	1	16	2

Как видно из табл. 2, распределение частот значений различается в разных локусах. Рассмотрим это подробнее на примере слова *бот*: в Глазове предпочитаемыми значениями являются *бот 1* ‘персонаж, за которого играет компьютер’ и *бот 2* ‘ботаник’, в Перми – *бот 2*, в Санкт-Петербурге – *бот 4* ‘компьютерная программа, автоматически выполняющая определенные действия’ и *бот 2*, а в Глазовском районе почти одинаково часто встречаются *бот 1*, *бот 2*, *бот 4* и *бот б*.

Анализ зависимости распределений частот различных значений в зависимости от места локуса в целом показывает, что локальная вариативность студенческого жаргона проявляется в

том, что у одного и того же плана выражения в разных местностях реализуются разные ЛСВ и с разной частотой.

Для того чтобы оценить меру сходства студенческого жаргона в разных локусах, был рассчитан коэффициент нормальной корреляции Пирсона (r) между распределениями частот всех ЛСВ, полученными в результате опроса. Значения коэффициента корреляции можно трактовать как меру согласия между ответами информантов: чем выше коэффициент корреляции, тем больше похожи ответы сравниваемых групп информантов. Полученные коэффициенты корреляций между частотами ответов информантов в разных локусах представлены в табл. 3.

Таблица 3

Коэффициенты нормальной корреляции Пирсона между распределениями частот ЛСВ в зависимости от локуса

Локус	Глазовский район	Пермь	Санкт-Петербург
Глазов	0,96	0,89	0,83
Глазовский район		0,86	0,80
Пермь			0,88

Как видно из таблицы, корреляция между ответами всех групп очень высокая. Это говорит о том, что мы имеем дело с одним явлением – единым студенческим жаргоном. Однако коэффициенты корреляции между частотами ответов групп все же различаются, что свидетельствует о вариативности внутри жаргона, в данном случае – локальной.

Наибольшая корреляция отмечается между частотами ответов молодых людей из Глазова и Глазовского района, следовательно, ответы информантов этих групп наиболее схожи. Самое низкое значение корреляции отмечено между частотами ответов информантов из Глазовского района и Санкт-Петербурга. Ответы информантов из Глазова более похожи на ответы пермских студентов, чем на ответы студентов из Санкт-Петербурга. Мера сходства ответов молодых людей из Перми и Глазова примерно совпадает с мерой сходства ответов пермских студентов и молодых людей из Санкт-Петербурга. Менее всего ответы молодежи из Перми похожи на ответы сельских жителей Глазовского района. Ответы студентов из Санкт-Петербурга ближе всего к ответам информантов из Перми и более всего отличаются от ответов испытуемых из Глазовского района.

Таким образом, мы видим следующую тенденцию: в рамках Глазовского района, включая г. Глазов, студенческий жаргон варьирует мини-

мально. Чем дальше от г. Глазова находится город, тем меньше степень связи между ответами информантов. Ответы информантов из Перми примерно одинаково близки ответам испытуемых из всех рассматриваемых регионов, что, очевидно, можно объяснить, с одной стороны, территориальной близостью Перми к Глазову, а с другой – тесными культурными контактами с Санкт-Петербургом.

2. Результаты дисперсионного анализа силы влияний

Рассмотрение фактора и его влияния на речь не может ограничиться просто утверждением того, что частота той или иной особенности зависит от данного фактора. Разные частоты могут оказаться случайным явлением, вызванным рядом не зависящих от экспериментатора причин. При одинаковых отклонениях в средних частотах факторы могут с разной силой оказывать влияние на речь при разном характере распределений.

Для того чтобы достоверно определить зависимость выявленных частотных особенностей от локуса, была определена сила влияния этого фактора при помощи дисперсионного анализа (ДА) силы влияний. Отдельно рассматривалась значимость влияния фактора «локус» на знание слова и на его употребление. Значения $F_{факт}$ в обоих случаях превысили $F_{критич}$ ($F_{факт} = 21,16$

для параметра «знание» и $F_{факт} = 12,70$ для параметра «употребление», при $F_{критич} = 2,68$ ⁵. Таким образом, подтверждается существенность влияния фактора «локус» на знание и употребление лексических единиц студенческого жаргона.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что в рамках студенческого жаргона наблюдается локальная вариативность, которая может проявляться, во-первых, в использовании разных единиц, во-вторых, в наличии разных значений у одного плана выражения и, в-третьих, в разной актуальности значений для индивидов, проживающих на разных территориях.

Второй и третий типы вариативности можно назвать семантической вариативностью жаргона. Наличие у жаргонного слова множества значений предопределено самой природой жаргонного слова, которое не только выполняет функцию обозначения и названия, но и отражает социальную составляющую, показывая тем самым большую возможность социального варьирования жаргонной единицы. Разнообразие лексических вариантов непосредственно связано с особым характером реализации нормы в жаргонах. Говоря о норме в социолектах, следует помнить, что она обусловлена не только языковым кодом, но и социальными и психологическими факторами. Традиционно считается, что норма социальных диалектов имеет особый характер еще и потому, что она, в отличие от нормы литературного языка, менее строга и допускает больше изменений и вариаций языкового выражения под влиянием социальных и психологических факторов.

В разных регионах России одни и те же слова имеют разные значения и актуализируются в сознании носителей в разных вариантах, т. е. студенческий жаргон подвержен локальному варьированию. Вероятностный характер данного варьирования обеспечивает единство жаргона и его гибкость, изменчивость, способность удовлетворять потребности носителей этой социолингвистической системы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект № 15-04-00381.

² При анализе материала омонимы и многозначные слова не разделялись. Подобное разведение требует специального детального анализа функционирования слова. В данном случае важно само соотнесение одного плана выражения (ПВ) с разными значениями.

³ Нумерация значений не отражает связей между значениями; значения приводятся в порядке убывания их частоты у студентов из г. Глазова, поскольку именно в этом локусе был изначально получен данный материал.

⁴ Слова в указанном значении по определению лучше известны жителям Глазова и Глазовского района, поскольку изначально брались именно из их жаргона.

⁵ Фактор «локус» представлен в данном исследовании 4 градациями, в эксперименте участвовали 128 информантов, соответственно, число степеней свободы $v_1 = 3$ и $v_2 = 124$. Для данных степеней свободы на 5%-ном уровне значимости теоретическое значение $F_{критич} = 2,68$.

Список литературы

Вербицкая Л. А. Вариантность нормы и типы произнесения // Экспериментально-фонетический анализ речи / под ред. Л. В. Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. Вып. 3. С. 105–115.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок: сб. статей / сост. и ред. Н. А. Кондратов. М.: Прогресс, 1967. С. 338–377.

Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 320 с.

Ерофеева Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). С. 60–65.

Ерофеева Т. И. Социолект: стратификационное исследование / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. 240 с.

Ерофеева Т. И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 1. С. 21–25.

Игнаткина Л. В., Литвачук Н. Ф. Варьирование фонетических характеристик речи в зависимости от социальных факторов // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова; Перм. ун-т. Пермь, 1989. С. 138–144.

Ицкович В. А. Языковая норма. М.: Просвещение, 1968. 93 с.

Карцевский С. И. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. М., 1965. Ч. 2. С. 85–90.

Касевич В. Б. Еще о языковой норме // Язык и речевая деятельность. 2005. СПб., 2008. Т. 8. С. 9–24.

Крысин Л. П. К социальным различиям в использовании языковых вариантов // Вопросы языкознания. 1973. № 3. С. 37–49.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки слав. культуры, 2004. 888 с.

Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. М., 2007. № 2. С. 5–17.

Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.

Ларин Б. А. Западноевропейские элементы русского воровского аргю // Язык и литература. Л., 1931. Т. 7. С. 113–130.

Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание: избр. работы. М.: Просвещение. 1977. 224 с.

Миралаева О. Д. Современный русский молодежный жаргон (социолингвистическое исследование): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1994. 160 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2000. 720 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.02.2016).

Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: словарь молодежного сленга. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.

Панов М. В. Вопросник по современному русскому литературному произношению (Инструкция). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 23 с.

Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931. 182 с.

Русский язык по данным массового обследования: Опыт социально-лингвистического изучения / под ред. Л. П. Крысина. М.: Наука, 1974. 352 с.

Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1970. С. 452–501.

Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М.: Наука, 1976. 232 с.

Сторожева Е. М. Социальная обусловленность идиомного компонента лексической коннотации: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 249 с.

Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII – начала XIX века: языковая

программа Карамзина и ее исторические корни. М.: Изд-во МГУ, 1985. 215 с.

Хорошева Н. В. Промежуточные формы городской разговорной речи: на материале русского общего жаргона и французского общего аргю: дисс. ... канд. филол. наук. Пермь, 1998. 228 с.

Fisher J. Social influence on the choice of a linguistic variant. New York, 1964.

Fishman P. Conversational insecurity // H. Giles, W. P. Robinson, and P. M. Smith (eds.). Language: Social psychological perspectives. New York: Pergamon Press, 1980. Pp. 127–132.

Labov W. The social stratification of English in New York City. Washington, 1966. 655 p.

Labov W. The study of language in its social context // Studium general. Genève, 1970. № 23. P. 3–17.

Labov W. Sociolinguistic Patterns. Oxford: Blackwell, 1972. 344 p.

Trudgill P. The social differentiation of English in Norwich. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 211 p.

Trudgill P. Sociolinguistic pattern in British English. London: Edward Arnold, 1978. 186 p.

References

Verbitskaja L. A. Variantnost' normy i tipy proiznesenija [Norm variation and types of pronunciation]. *Ekspериментал'no-foneticheskiy analiz rechi* [The experimental-phonetic speech analysis]. Ed. by L. V. Bondarko. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 1997. Vol. 3. P. 105–115.

Gavranek B. Zadachi literaturnogo jazyka i ego kul'tura [The tasks of literary language and its culture]. *Prazhskij lingvisticheskiy kruzhek: sb. statej* [Prague Language School: coll. articles]. Comp. and ed. by N. A. Kondrashov. Moscow, Progress Publ., 1967. P. 338–377.

Erofeeva E. V. *Veroyatnostnaja struktura idiomov: sotsiolingvisticheskiy aspekt* [Probabilistic structure of idioms: sociolinguistic aspect]. Perm, Perm State University Publ., 2005. 320 p.

Erofeeva E. V. Norma: sotsiopsikhologicheskiy i statisticheskiy aspekt [Norm: sociopsychological and statistic aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2011. Vol. 4(16). P. 60–65.

Erofeeva T. I. *Sotsiolekt: stratifikatsionnoe issledovanie* [Sociolect: stratification research]. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 2009. 240 p.

Erofeeva T. I. Sotsiolekt kak instrument opisanija jazykovoј situatsii regiona [Sociolect as a tool to describe the linguistic situation in the region]. *Vest-*

- nik Permskogo universiteta [Perm University Herald]. 2010. Vol. 1. P. 21–25.
- Ignatkina L. V., Litvachuk N. F. Var'irovanie foneticheskikh kharakteristik rechi v zavisimosti ot sotsial'nykh faktorov [Variation of phonetic speech characteristics depending on social factors]. *Zhivoe slovo v russkoj rechi Prikam'ja* [The living word in the Russian speech of Prikamje]. Ed. by F. L. Skitova. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 1989. P. 138–144.
- Itskovich V. A. *Jazykovaja norma* [The language norm]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 93 p.
- Kartsevskii S. I. Ob asimmetricheskom dualizme lingvisticheskogo znaka [On asymmetric dualism of a linguistic sign]. *Zvegintsev V. A. Istorija jazykoznanija 19–20 vekov v ocherkakh i izvlechenijakh* [History of linguistics of the 19–20th centuries in essays and abstracts]. Moscow, 1965. Part 2. P. 85–90.
- Kasevich V. B. Eshche o jazykovoj norme [More about language norm]. *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'*. 2005 [Language and speech activity. 2005]. St. Petersburg, 2008. V. 8. P. 9–24.
- Krysin L. P. K sotsial'nym razlichijam v ispol'zovanii jazykovykh variantov [On social differences in the use of linguistic variants]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of linguistics]. 1973. Iss. 3. P. 37–49.
- Krysin L. P. *Russkoye slovo, svoe i chuzhoe: Issledovaniya po sovremennomu russkomu jazyku i sotsiolingvistike* [The Russian word, belonging or borrowed: Studies in the modern Russian language and sociolinguistics]. Moscow, Slavic Culture Languages Publ., 2004. 888 p.
- Krysin L. P. Russkaja literaturnaja norma i sovremennaja rechevaja praktika [Russian literary norm and modern speech practice]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [The Russian language in a scientific light]. Moscow, 2007. Iss.2. P. 5–17.
- Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovarjakh. Oчерки о русской лексике и лексикографии* [The word in modern texts and dictionaries. Essays on Russian vocabulary and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 320 p.
- Larin B. A. Zapadnoevropeyskie elementy russkogo vorovskogo argo [Western European elements of Russian thieves' argot]. *Jazyk i literatura* [Language and literature]. St. Petersburg, 1931. Vol. 7. P. 113–130.
- Larin B. A. *Istorija russkogo jazyka i obshheje jazykoznanie: izbrannye raboty* [History of the Russian language and general linguistics: selected works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977. 224 p.
- Miralaeva O. D. *Sovremennij russkij molodezhnyj zhargon (Sotsiolingvisticheskoe issledovanie)*. Diss. kand. fil. nauk [Modern Russian youth slang (Sociolinguistic research)]. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1994. 160 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [Big dictionary of Russian slang]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 720 p.
- Natsional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 25.02.2016).
- Nikitina T. G. *Tak govorit molodezh: slovar' molodezhnogo slenga* [So speaks the youth: Dictionary of youth slang]. St. Petersburg, Folio Press Publ., 1998. 592 p.
- Panov M. V. *Voprosnik po sovremennomu russkomu literaturnomu proiznosheniju (Instruksija)* [Questionnaire on the modern Russian literary pronunciation (Instructions)]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 23 p.
- Polivanov E. D. *Za marksistskoe jazykoznanie* [For Marxist linguistics]. Moscow, 1931. 182 p.
- Russkij jazyk po dannym massovogo obsledovaniya: Opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izuchenija* [The Russian language according to the mass survey: The experience of sociolinguistic study]. Ed. by L. P. Krysin. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.
- Serebrennikov B. A. Territorial'naja i sotsial'naja differentsiatsija jazyka [Territorial and social differentiation of language]. *Obshhee jazykoznanie: Formy sushhestvovaniya, funktsii, istorija jazyka* [General Linguistics: The forms of existence, functions, history of language]. Ed. by B. A. Serebrennikov. Moscow, Nauka Publ., 1970. P. 452–501.
- Sotsial'no-lingvisticheskie issledovaniya* [Sociolinguistic researches]. Ed. by L. P. Krysin, D. N. Shmelev. Moscow, Nauka Publ., 1976. 232 p.
- Storozheva E. M. *Sotsial'naja obuslovlennost' idiomnogo komponenta leksicheskoi konnotatsii*. Diss. kand. fil. nauk [Socially induced idiom component of lexical connotations. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 2009. 249 p.
- Uspenskij B. A. *Iz istorii russkogo literaturnogo jazyka 18-nachala 19veka: jazykovaya programma Karamzina i jeje istoricheskie korni* [From the history of the Russian literary language of the 18th and early 19th century: the language program by Karamzin and its historical roots]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1985. 215 p.
- Khorosheva N. V. *Promezhtochnye formy gorodskoj razgovornoj rechi: Na materiale russkogo obshhego zhargona i frantsuzskogo obshhego argo*. Diss. kand. fil. nauk [Intermediate form of urban colloquial speech: based on Russian general jargon and French general slang research. Cand. philol. sci. diss.]. Perm, 1998. 228 p.

Fisher J. *Social influence on the choice of a linguistic variant*. New York, 1964.

Fishman P. Conversational insecurity. H. Giles, W. P. Robinson, and P. M. Smith (Eds.). *Language: Social psychological perspectives*. New York: Pergamon Press, 1980. P. 127–132.

Labov W. *The social stratification of English in New York City*. Washington, 1966. 655 p.

Labov W. The study of language in its social context. *Studium general. Genève*, 1970. Iss. 23. P. 3–17.

Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Oxford, Blackwell, 1972. 344 p.

Trudgill P. *The social differentiation of English in Norwich*. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 211 p.

Trudgill P. *Sociolinguistic pattern in British English*. London, Edward Arnold, 1978. 186 p.

LOCAL VARIABILITY OF SLANG WORDS

Elena V. Erofeeva

Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics
Perm State University

Marina A. Kropacheva

Senior Lecturer in the Department of Foreign Languages and Teaching Methods
Glazov State Pedagogical Institute named after V.G. Korolenko

The article considers the problem of local variability of slang words basing on research into student slang. Along with other aspects of slang local variation, special attention is given to semantic variants of slang words in different regions with an emphasis not only on the development of slang units in a particular region but also on their local lexical-semantic variation. The authors arrive at a conclusion that there is a developed lexical-semantic variation of slang words, which manifests itself in the actualization of local variants of slang words in the minds of students from different regions. Such semantic variants can either be close to each other in their meaning or have no common semantic component. The variability under research is manifested in the fact that some lexical variants of slang words are peculiar to one or several regions, while other variants of the same word may be used throughout the country, reflecting the unity of the slang.

Key words: lexical-semantic variability; lexical variant; local variability; sociolect; student slang.

УДК 81'342.9.161.1

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРАГМАТЕМ РУССКОЙ УСТНОЙ РЕЧИ В КОММУНИКАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. n.bogdanova@spbu.ru

В статье предлагаются результаты пилотного исследования особенностей русского языка повседневного общения разных социальных групп (социолектов) современного российского города. Задачей исследования стал анализ функционирования прагматем разного типа в устной спонтанной речи (устной коммуникации) представителей разных социолектов, а также проверка диагностических возможностей данного лингвистического параметра для установления специфики того или иного социолекта. Материалом для исследования послужил подкорпус звукозаписей повседневной коммуникации из коллекции Звукового корпуса «Один речевой день», сбалансированно представляющий бытовую речь носителей языка из разных социальных слоев, мужчин и женщин разного возраста, занятых в разных сферах профессиональной деятельности. Анализ функционирования прагматем проведен и в целом по подкорпусу (12 информантов), и отдельно для трех возрастных (по 4 человека в группах молодежи, носителей языка среднего и старшего возраста) и двух гендерных групп (6 мужчин и 6 женщин). Исследованием установлено, что различия в речи между возрастными группами являются более значимыми, чем различия в речи между мужчинами и женщинами, при этом наиболее явная специфика выявлена для младшей возрастной группы. Удалось выявить также «излюбленные» единицы рассматриваемого класса для конкретных социолектов: *короче* – для молодежной речи в обеих гендерных группах, *в общем* – для женщин старшего возраста. Профессия, род занятий говорящего и связанный с этими характеристиками уровень его речевой компетенции, как показали наблюдения, не влияют на количество и характер прагматем, используемых человеком в устной коммуникации.

Ключевые слова: устная спонтанная речь; повседневное общение; прагматема; звуковой корпус, социолект.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-38-49

Современное состояние русского языка, проявляющееся в речи его носителей, беспокоит сегодня не только ученых, но и общественных и политических деятелей России, и даже простых обывателей, пользующихся языком в повседневной жизни и далеких от проблем его научного изучения и описания. Говорят, в частности, о жаргонизации и «люмпенизации» языка, об общем обеднении современной речи, о засилье так называемых «паразитарных» слов в неофициальной повседневной речи, о значительной коллоквиализации публичных сфер общения, насыщении их разговорными элементами и подобных процессах. Ср. утверждение Л. П. Крысина, что «современная разговорная речь по ее лексико-

фразеологическому составу отличается от той разговорной речи, которая описана в работах Е. А. Земской и О. Б. Сиротининой» [Крысин 2008: 111]: она неоднородна и диффузна по составу и включает в себя как единицы, традиционно маркируемые пометой *разг.* (разговорное) в лексикографических источниках, так и единицы, которые имеют просторечное или жаргонное происхождение, однако широко употребляются носителями русского литературного языка.

В значительной степени эту обеспокоенность можно объяснить следующим обстоятельством: традиционный подход к анализу современной речи таков, что лингвист пытается увидеть в ней реализацию каких-то языковых единиц, языковых

отношений и *языковых* закономерностей. И описывается все это, как правило, в терминах отклонений от *языковых* стандартов. Отсюда и достаточно твердое убеждение не только наивных носителей, но и лингвистов-исследователей, что русский язык умирает, что мы разучились говорить, что сегодняшние носители языка больны *дизлингвией*.

Однако по сравнению с чем современную речь можно оценить как плохую или хорошую? Если по сравнению с образцами литературно-письменной речи, то такое сравнение в значительной степени некорректно: на кодифицированном языке, лежащем в основе нашей письменной речи, никто не говорит, это попросту невозможно в силу принципиальной разницы в механизмах порождения устной и письменной форм речи². А как говорили предшествующие поколения в *повседневной жизни*, мы просто не знаем. И речь идет не только о предшествующих веках, но даже о ближайших к нам десятилетиях. Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru) до сих пор содержит в своем устном подкорпусе по большей части образцы речи публичной, научной или написанной сценаристами для произнесения с экрана (транскрипты фильмов) (см. об этом: [Гришина 2005: 103]), т. е. так или иначе подготовленной. Доля действительно бытовой (естественной) спонтанной речи здесь минимальна, а только она и может дать ответ на вопрос о том, как же мы говорим в повседневной жизни, насколько хороша или насколько плоха современная русская речь.

Все обеспокоены, но, тем не менее, системного анализа функционирования русского языка в обществе, и в первую очередь в сфере повседневной устной коммуникации, на представительном речевом материале до сих пор никто не проводил. Приблизиться к пониманию того, как именно мы говорим, позволяет Звуковой корпус русского языка, особенно его блок «Один речевой день» (ОРД), создаваемый на филологическом факультете СПбГУ и фиксирующий максимально естественную речь носителей языка, что называется, «на магнитофонном уровне достоверности» (методика 24-часовой записи, речь человека «с диктофоном на шее») (см. об этом подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Богданова-Бегларян и др. 2015]). Подобный подход к фиксации и анализу современной речи дает возможность выявить наиболее «проблемные» зоны, которые должны дать ключ к пониманию происходящих языковых процессов, и может способствовать решению важной гуманитарной задачи сохранения традиционной российской речевой культуры.

Главную свою задачу создатели корпуса ОРД видят в решении фундаментальной научной проблемы описания современного русского языка повседневного общения и анализе особенностей его функционирования в разных социальных группах.

О важности исследования *социолектов* еще почти 100 лет назад писал Б. А. Ларин: «Всякая устойчивая социальная группа – помимо всех других условий своего образования – объединяется общностью языка, наличием, кроме других (индивидуально разных), одного общего языка» [Ларин 1977: 191]. В речи любого человека находят отражение особенности, свойственные тому социуму, к которому он относится и в котором он исполняет определенную роль, предписываемую ему, ср.: «Все слова пахнут профессией, жанром, <...> определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» [Бахтин 1975: 106]; «...любой индивид оказывается пленником своего языка; за пределами своего класса он обнаруживает себя каждым произнесенным словом, каждое слово выявляет его всего целиком и выставляет напоказ вместе со всей его историей. Благодаря своему языку человек открыт для разгадки, его выдает сама правдивость языковой формы, неподвластная <...> желанию солгать о себе» [Барт 1983: 347]; «...в процессе говорения он (говорящий. – Н. Б.-Б.) организует свое речевое поведение в соответствии с “групповыми нормами”. Из речевого поведения по тому, как он говорит, мы черпаем достаточно много сведений о говорящем. <...> Происходит это потому, что мы осуществляем в нашей речевой деятельности нормы, свойственные конкретному социальному типу личности» [Каспранский 1989: 22].

Исследовательский материал ОРД ограничен городской речью, во-первых, потому что 74 % населения России проживает в городах (по данным Федеральной службы государственной статистики на 2013 г.), а во-вторых, потому что именно в этой среде в тесном взаимодействии постоянно находятся и сосуществуют различные социальные, возрастные и профессиональные группы «многоязычного города»; более того, каждая социальная группа обладает многообразными языковыми навыками, что позволяет говорить о своеобразном «полиглотизме» горожан (оба термина принадлежат Б. А. Ларину – см.: [Ларин 1977: 190–191]) и усиливает интерес именно к городской русской речи.

По мнению П. Томпсона, «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического,

часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полусознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [там же]. Именно этим интересна для лингвистического исследования живая устная речь; внимательное отношение к ее единицам и их поведению может смягчить привычный обывательский негативизм в отношении многих чисто речевых явлений и увидеть за ними не только небрежность нашего говорения, но и языковую эволюцию. Анализ нашей повседневной речи позволяет исследователям не только описать ее специфику и заложить основы построения грамматики речи³, но и увидеть перспективы развития языка, что еще повышает значимость таких исследований.

Одной из наиболее ярких примет повседневной русской речи являются такие элементы звуковой цепи, которые не удается безоговорочно отнести к классу лексических или лексико-грамматических единиц – *(так) скажем, (не) это самое, (я) не знаю, как (его, ее, их, это), (ты) знаешь / (вы) знаете, глянь / гляньте, (и) все такое (прочее), все дела, туда-сюда, (и) то (и) другое, пятое-десятое, (я) не думаю что* и т. п. Эти единицы однозначно маркируют устную неподготовленную (спонтанную) речь, в равной мере монологическую и диалогическую, они крайне частотны в нашем повседневном общении, порой зависят в своем употреблении от конкретного говорящего, социальных отношений коммуникантов или самой коммуникативной ситуации, а потому требуют отдельного к себе отношения, пословного описания и фиксации в специальном словаре таких единиц (см. подробнее о проекте такого словаря: [Богданова 2012; Богданова-Бегларян 2013; Звуковой корпус... 2015]).

Общим отличительным признаком этих единиц можно считать ослабление или полную утрату их лексического, а порой и грамматического значения и приобретение прагматического: из речевых единиц они становятся условно-речевыми, которые можно охарактеризовать лишь по типу функции (функций), которую они выполняют в устном дискурсе. Функции эти могут быть различными, в соответствии с ними можно выделить разные типы подобных единиц (прагматем)⁴:

• **междометные прагматемы** (*драсьте пожалста! щас-щас-щас-щас, будет тебе*);

• **дискурсивные прагматемы** (*значит, вот, думаю что, знаешь вот*);

• **поисковые прагматемы** (*это самое, как его (ее, их), как это*);

• **прагматемы-рефлексивы** (*или как его? или как там правильно сказать? или как там?*);

• **прагматемы-аппроксиматоры** (*все дела, все такое (прочее), (и) то (и) другое, то-сё, туда-сюда, пятое-десятое, бла-бла-бла*);

• **прагматемы-ксенопоказатели** (*типа того (что), такой, вот*);

• **метакоммуникативные прагматемы** (*знаешь(-те), понимаешь(-те), да*);

• **дейктические прагматемы** (*вот здесь вот, вот такое вот, вот так вот*);

• **ритмообразующие прагматемы** (*вот, там, короче, так*);

• **прагматемы самокоррекции** (*это, это самое*);

• **маркеры нетривиальности** сказанного или готовящегося к произнесению (*так скажем, как это*);

• **хезитативы** – маркеры колебаний (раздумий) говорящего (*там, это, м-м, э-э*).

Все эти единицы зачастую полифункциональны и структурно вариативны. Их инвентарь более или менее конечен, что дает возможность аннотирования материала Звукового корпуса и в этом отношении.

Общий объем корпуса ОРД на данный момент составляет более 1240 час. звучания и включает аудиозаписи речи 127 информантов (66 мужчин и 61 женщина, в возрасте от 17 до 77 лет; средний возраст информантов – 39 лет), представителей разных социальных групп, различающихся, кроме пола и возраста, такими признаками, как профессиональная принадлежность или род деятельности, уровень образования и социальный статус (служебное положение). Объем текстовых расшифровок корпуса составляет около 1 млн словоупотреблений, что делает данный ресурс наиболее представительным для русского языка речевым корпусом. Однако в связи с высокой трудоемкостью многоуровневого лингвистического аннотирования, характеризующего создание любого речевого корпуса (см. об этом, например: [Romaine 2008]), было решено предварительно провести пилотное исследование функционирования прагматем на ограниченном материале; результаты проведенного анализа и представлены в данной статье (о других результатах этого пилотного исследования см.: [Bogdanova-Beglarian et al. 2016]).

Для пилотного подкорпуса ОРД общей длительностью звучания 1 час 46 мин.⁵ отобраны

преимущественно фрагменты бытовых (непрофессиональных) разговоров информантов с родными, друзьями, коллегами или знакомыми.

Подкорпус представлен 12 макроэпизодами и содержит образцы речи сбалансированной выборки информантов: в равном количестве в нем представлены 2 гендерные группы (6 мужчин и 6 женщин), 3 возрастные группы (по 4 представителя от молодежи, среднего и старшего возраста), хотя бы одному представителю от четырех анализируемых групп по социальному статусу:

- руководящие работники разного уровня, бизнесмены и частные предприниматели;
- служащие, специалисты, наемные работники;
- студенты и проч. учащиеся (в том числе работающие);
- неработающие (в том числе неработающие пенсионеры).

Полные метаданные информантов см. в таблице.

Метаданные информантов пилотного подкорпуса ОРД

№ п/п	Код информанта	Гендер	Возраст	Профессия или род занятий
1	S15	М	20	военнослужащий (курсант)
2	S103	М	26	частный предприниматель, мастер по утеплению окон
3	S110	М	31	инженер
4	S117	М	62	IT-специалист
5	S123	М	54	преподаватель
6	S124	М	47	сантехник
7	S01	Ж	33	искусствовед
8	S19	Ж	41	маркетолог
9	S27	Ж	20	студентка юридического факультета
10	S72	Ж	24	руководитель в гос. учреждении
11	S114	Ж	70	пианистка
12	S130 ^б	Ж	74	физик, в наст. время неработающий пенсионер

На материале этого рабочего подкорпуса было проведено сплошное лингвистическое аннотирование данных на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях (16 060 токенов на уровне Фраз/Реплик, из которых 10 259 – словоупотребления).

Анализ материала пилотного подкорпуса показал, что из всего массива прагматем говорящие (информанты и их коммуниканты) употребили 17 различных единиц.

Неожиданно единичными оказались употребления маркеров-аппроксиматоров (заместителей) *и так далее* и *то-сё*; весьма нечастотными, также против ожидания, – маркеры неуверенности (нечеткой номинации) *типа* (6,3 %) и *вроде* (3,4 %), при этом последние распределились

практически поровну в речи мужчин и женщин. Приведем соответствующие примеры:

1) *у нас там с двух часов *К с двух часов / и так далее / рапорта никому не подписали / из-за этого увольнения (S15)⁷ (маркер-аппроксиматор, полностью заменяющий описание какой-то ситуации, о которой говорящий даже не начал говорить, указав только место и время ее начала (у нас там с двух часов), и которая привела к негативному результату: рапорта никому не подписали)⁸;*

2) *та говорит вы знаете говорит / я там не знаю никакой Марины / никакой Нади / *С и так далее (S19) (маркер-аппроксиматор в функции совмещения: перечисление начато (никакой Марины / никакой Нади) и со смехом (*С) свернуто*

с помощью прагматемы *и так далее*; не исключена, впрочем, и другая интерпретация данного контекста: маркер-аппроксиматор заменяет (сворачивает) продолжение неначатого перечисления в рамках конструкции с чужой речью, введенной дважды повторенным глагольным маркером *говорит* (*та говорит вы знаете говорит*), а самой этой чужой речью; подобная неоднозначность трактовки, некоторая размытость, диффузность являются неотъемлемым свойством неподготовленной устной речи в целом);

3) *я говорю я тогда в девяти три... там к девяти пятнадцати приду / пока то-сё ... *П на праздник-то в шесть // # ну логично (Ж1#S124) (маркер-аппроксиматор в функции замещения⁹ – полный отказ говорящего от перечисления тех действий или событий, которые будут (могут) происходить между двумя временными веками: девять пятнадцать и шесть);*

4) *я говорит хочу купить два билета в театр // типа купи мне два билета вот короче / *П сейчас немедленно / всё / горю (S72) (маркер ренарратива (ксенопоказатель), вводящий в высказывание чужую речь);*

5) *никто пока ничего не может внятно сказать / все только разводят руками / и говорят / ну / сочувствую типа мол / намекают что(;) просто да / оформл... оформляй новую страховку и(;) живи спокойно (S110) (маркер ренарратива; функция ксенопоказателя для прагматемы *типа* (а также ее структурных вариантов *типа того* и *типа того что*) является одной из наиболее распространенных в русской устной речи – см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян 2014б]);*

6) *этот мужчик типа // а на () короче заслуженный (э) певец Украины (НЖ – S27) (маркер нечеткой номинации; в терминах Дж. Лакоффа, – Hedge: намеренно уклончивое или неясное высказывание (a calculatedly non-committal or evasive statement) [Lakoff 1973]);*

7) *понятно / да ? что-то я ему там написала вроде / в общем / у нас получается ... (S114) (маркер нечеткой номинации);*

8) *вот я когда познакомился с этими самыми / с(;) (э) трег () 4 / трег 7 / этими самыми ф(;)фо...фо... форматами // *В // где там ... вот вроде как бы говорят / что вот вз(?) // и из изображения выделяется сцена там / объекты (S117) (маркер нечеткой номинации).*

Уже на этих немногочисленных примерах видно, сколь частотны в целом различные прагматемы в нашей устной коммуникации: порой в одном небольшом фрагменте соседствуют разные единицы рассматриваемого класса:

- *знаете <...> там <...> и так далее (2);*

- *там <...> то-сё (3);*
- *типа <...> вот короче (4);*
- *ну <...> типа <...> да (5);*
- *типа <...> короче (6);*
- *да ? <...> там <...> вроде / в общем (7);*
- *вот <...> с этими самыми <...> этими самыми <...> там <...> вот вроде как бы <...> вот <...> там (8).*

Наиболее употребительными в материале исследования оказались прагматемы особого класса, используемые для установления или сохранения контакта между собеседниками: метакоммуникативные маркеры (контактные глаголы) *знаешь/знаете, понимаешь, видишь, слушай* и под. – на их долю приходится 19,4 % всех употреблений прагматем в пилотном подкорпусе ОРД:

9) *вот // поэтому вот эти вот самые карбоновые наши лыжные палки / ты ж знаешь / их можно сломать пальцем / но в то же время вдоль они выдерживают бешеную нагрузку (S123) (в данном употреблении весьма распространенный в нашей речи контактный глагол *знаешь* выступает в одном из своих структурных вариантов – *ты ж знаешь*; одновременно с помощью этой единицы говорящий делает акцент на известности обоим собеседникам вербализуемой информации);*

10) *нет / из всего мира / это (э-э) знаешь это по-моему у кого-то было / то ли у Брэдли / *П ну в общем это всё уже (...) так (S1) (соседство с неречевым элементом э-э, а также повтор слова *это* добавляет контактному глаголу *знаешь* еще и функцию **хезитативного маркера**);*

11) *там всякое знаешь философия / всякая // там будем сдавать вот в эту сессию (S27);*

12) *ты знаешь / они вот продаются *П кишки для сал... сарделек / ты знаешь (S72) (сразу два употребления прагматемы *знаешь* в одном из ее структурных вариантов (*ты знаешь*); во втором употреблении можно усмотреть еще и функцию **дискурсивного маркера финала**);*

13) *ага / ну ладно / тогда ей оправдание / она ска... ну она сказала фразу / знаете / возраст (S130) (контактный глагол одновременно выступает в функции **маркера ренарратива** и, возможно, **стартового дискурсивного маркера** в рамках передаваемой говорящим чужой речи);*

14) *вот / а ну ты знаешь / тут бы на перитонита не дошло / потому что видишь / падало это давление / в смысле (...) гемоглобин (S130) (прагматема *ты знаешь*, в комбинации с предшествующей хезитационной цепочкой *вот / а ну*, служит в данном контексте еще и **дискурсивным маркером начала** высказывания);*

15) *он не выглядит понимаешь* (э-э) *вставкой какой-то* (S117) (в соседстве с неречевым элементом э-э контактный глагол *понимаешь* выполняет, по-видимому, еще и функцию **хезитативного маркера**);

16) *смотри / завтра в десять часов надо уже подать их* (S15) (контактный глагол *смотри* одновременно выполняет еще и функцию **дискурсивного стартового маркера**);

17) *значит смотрите* (э-э) *видимо у нас тут* (э) *в () табличке ошибка / вот* (S72) (контактный глагол *смотрите* в комбинации с прагматемой *значит* маркирует начало высказывания – выступает в функции **дискурсивного стартового маркера**; наличие неречевого элемента э-э сразу после глагола свидетельствует еще и об общей заминке говорящего, т. е. о функции **хезитативного маркера**, которая также свойственна контактному глаголу в данном контексте);

18) *слушай прикинь / Егор уже через две недели вернется / офигеть* (S72) (оба контактных глагола выступают в функции **дискурсивных стартовых маркеров**).

Видно, что контактные глаголы употребляются в устной речи в двух своих грамматических разновидностях: форма 2 л. ед./мн. ч. (*знаешь/знаете, понимаешь/понимаете, видишь/видите*) или формальный императив (директив), также ед./мн. ч. (*слушай/слушайте, прикинь/прикиньте, смотри/смотрите* и под.). Во всех случаях они выполняют метакоммуникативную функцию привлечения и/или удержания внимания собеседника (собеседников) («работают на контакт»), часто сопряженную с функцией хезитативного или дискурсивного маркера, стартового (чаще) или финального. Возможна как дополнительная еще и функция маркера ренарратива¹⁰.

Данные примеры, так же как и приведенные выше, свидетельствуют об общей высокой употребительности прагматем в устной коммуникации: ср. комбинации разных подобных единиц в одном контексте:

- *вот <...> вот эти вот <...> ты ж знаешь* (9);
- *(э-э) знаешь <...> ну в общем* (10);
- *там <...> знаешь <...> там <...> вот* (11);
- *ты знаешь <...> вот <...> ты знаешь* (12);
- *ну <...> знаете* (13);
- *вот / а ну ты знаешь <...> видишь* (14);
- *понимаешь (э-э)* (15);
- *значит смотрите (э-э) <...> (э) <...> вот* (17).

Несколько реже, чем контактные глаголы, употреблялись в материале исследования прагматемы *короче* (15,5 %) и *в общем* (10,7 %):

19) *ну вот этот вот / (э) мужчина который / певец-то вот / он говорит приезжал / *П типа в Москву / *П на гастроли / и встречался с моей подругой // *П вот / и подарил короче / и передал мне в подарок / *П (э-о) передал мне в подарок короче духи Шанель / (э) диск короче со своими песнями / и ещё что-то // я не поняла что ещё* (НЖ – S27);

20) *он такой / понял короче / по... посмеялся / поулыбался // *Н без темы // *П ну вот / я помогу короче* (S15) (данный контекст дает основания усматривать в прагматеме *короче* еще и функцию **маркера ренарратива**; наличие во фразе чужой речи поддерживается изобразительным маркером-ксенопоказателем *такой*);

21) *там в общем / ну(:) разборки / не то что там сильно / но в общем серьезные* (S15);

22) *там / ну в общем / для визи... / визитки там будут / в общем* (S19).

Из иллюстраций видно, что данные прагматемы могут встречаться многократно в одном, даже коротком, высказывании. И снова рядом с ними можно видеть множество других прагматем, выступающих в различных функциях:

- *ну вот этот вот / (э) <...> вот <...> типа <...> вот <...> короче <...> (э-о) <...> короче <...> (э) <...> короче* (19);
- *такой <...> короче <...> ну вот <...> короче* (20);
- *там в общем / ну(:)<...> там <...> в общем* (21);
- *там / ну в общем <...> там <...> в общем* (22).

Анализ материала пилотного подкорпуса ОРД позволил увидеть некоторые особенности употребления рассматриваемых прагматем представителями разных социальных групп.

Так, женщины в целом в два раза чаще употребляют подобные единицы, чем мужчины (67,5 и 32,5 % соответственно). Особенно хорошо эта разница видна на метакоммуникативных маркерах, с помощью которых говорящий, как уже отмечалось, привлекает и/или удерживает внимание собеседника: 80 % соответствующих единиц обнаружено в речи женщин.

Излюбленная мужская прагматема – *короче*: 56,3 % таких употреблений выявлено в речи мужчин почти исключительно младшего возраста. При этом более 90 % всех употреблений *короче* – из речи одного информанта: S15 (курсант военного училища 20 лет), что можно считать индивидуальной особенностью его речи, ср.:

23) ну ты объясни / что нас вал залупили **короче** / и завтра будет только известно / что и как (S15);

24) я знаю знаю / не в этом **короче** / забежать и сразу дневального буф (S15);

25) не ну если посреди ночи / понимаешь / тишина **короче** / и там *Н что-нибудь орать начинает бл*дь // такой топот / на ЦП же будет слышно / такой тук тук тук тук тук (S15).

Интересно, что и в женской речи все **короче** (100,0 %) приходится на долю молодежи, при этом большая их часть – из речи S72 (женщина 24 лет, руководитель), ср.:

26) позвонил Бабич утром сегодня (и) **короче** всех нас тут накрутил (S72);

27) вчера **короче** / *П звонит Егорин брат // вечером (S72);

28) и он **короче** звонит / *П я уже в метро спускаюсь (S72);

29) ну и Вадик\$ приезжает / *П и они ему говорят слушай чувак мы тебе всё отремонтировали / *П только мы тебе **короче** (...) (э-э) в бак (...) вместо(:) (э) дизеля девяносто восьмой залили *В # и чего(:) ? # ну вот так случилось **короче** (S72#Ж1).

Можно предположить, что **короче** – это примета современной молодежной речи, независимо от гендерной принадлежности говорящего. Эта единица способна маркировать речь конкретного носителя языка.

Более трети всех прагматем (33,5 %) приходится на долю информантов старшей возрастной группы, больше – на долю женщин в этой группе (72,5 %), в основном за счет единицы *в общем*, которую чаще всего употребляла S130 (женщина 74 лет, неработающая пенсионерка), ср.:

30) **в общем** особенно к этому они так город отреставрировали (S130);

31) **в общем** / в результате / ну там никакой охраны даже речи нет / в результате (S130);

32) ты была да (...) ага ага / *В ну у тебя не так / **в общем** ты знаешь / Кремль круглосуточно открыт (S130);

33) ну у нас и в Елабogu возили / и в с... Яиск **в общем** / ну очень хорошо (S130);

34) ну ты знаешь / **в общем** у него давление / да / но по-моему это бывает не только при давлении (S130).

Любопытно, что в речи сантехника (S124, мужчина 47 лет) не выявлено ни одной прагматемы из рассматриваемого списка, а в речи мастера по утеплению окон (S103, мужчина 26 лет) – всего одна (*вроде*). Похоже, что уровень речевой компетенции¹¹ никак не влияет на количество прагматем в речи человека.

В целом, проведенное исследование позволяет заключить, что в отношении употребления в речи прагматем разного типа выявленные различия между возрастными группами информантов оказались несколько более значительными, чем гендерные различия, при этом наибольшая специфичность свойственна младшей возрастной группе. Более того, использование говорящим прагматических единиц и конструкций можно отнести к числу тех признаков устной спонтанной речи, которые в максимальной степени позволяют характеризовать ту или иную социальную группу носителей языка, – наряду с такими лингвистическими параметрами, как темп речи, использование редуцированных форм, использование ненормативной лексики и некоторых синтаксических особенностей спонтанной речи (обрыв, эллипсис, парцелляция, самокоррекция) (подробнее об этом см.: [Bogdanova-Beglarian et al. 2016]). Увеличение объема исследовательского материала, вне сомнения, поможет уточнить и скорректировать эти выводы.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Еще в диалогах Платона можно найти мысль, что «правильный по природе язык» может существовать только в *идее* (цит. по: [Звегинцев 1960: 9]); ср. также: речь конкретного человека «никогда не в состоянии отражать полностью абстрактные нормы» [Бонфанте 1960: 299]; «Но мы нигде не найдем образцового языка, если вздумаем его искать. Многие говорят по-французски, но нет говорящих на образцовом французском языке, который мог бы служить нормой и примером для других. Того, что мы называем образцовым французским языком, не существует в речи ни одного говорящего по-французски (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Б.-Б.). <...> Наилучший французский язык – это “идея” <...>, это фикция <...>. Наш лучший французский язык может потерять совершенство от любой ошибки памяти, ослышки или же обмолвки. Этот *правильный язык – идеал, к которому стремятся, но которого не достигают*; это – сила в действии, определяемая целью, к которой она движется; это – действительность в возможности, не завершающаяся актом; это – становление, которое никогда не завершается» [Вандриес 1960: 393]; «Единообразие и чистота языка представляют собой лишь *фикцию* и *предрассудок*» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 200]; «социальные диалекты в языке <...> образуют как бы

пирамиду, сходящуюся в унифицированной письменной форме литературного языка, <...> но в результате незавершенности процессов унификации пирамида остается усеченной и точка схождения (общенациональная “норма”) представляется скорее *идеальным предельным понятием, чем осуществленной действительностью* [Жирмунский 1969: 21].

³ Идея о существовании, наряду с грамматикой языка, своеобразной *грамматики речи*, обладающей своими собственными единицами и специфическими правилами их функционирования и сочетания (своей парадигматикой и синтагматикой), в лингвистике отнюдь не нова и в течение последнего столетия высказывалась неоднократно. Так, еще Ф. де Соссюр писал, что «лингвист должен также рассматривать взаимоотношения книжного языка и обиходного языка (по сути, взаимоотношения языка и живой, повседневной речи. – Н. Б.-Б.); ибо развитие всякого литературного языка, продукта культуры, приводит к размежеванию его сферы со сферой разговорного языка» [Соссюр 1933: 44]. Подобную мысль находим и в трудах Л. В. Щербы, ср.: «Нужно прежде всего различать у русских, т. е. у говорящих и пишущих на общерусском литературном языке, два языка: один слышимый и произносимый (снова, по-видимому, имеется в виду живая речь. – Н. Б.-Б.), а другой написанный, которые находятся один к другому в известных отношениях, но не тождественны – элементы одного не совпадают с элементами другого» [Щерба 1957: 11–12]. И далее автор пишет, что «если надо различать эти два языка, то надо, очевидно, различать и их грамматики» [там же: 12]. Ср. также утверждение А. Мартине: «Речь и язык обладают независимыми организациями, в связи с чем можно <...> предположить существование *лингвистики речи* (здесь и далее в цитате курсив мой. – Н. Б.-Б.) наряду с *лингвистикой языка*» [Мартине 1963: 389]. О некоторых элементах грамматики русской речи см., например: [Звуковой корпус... 2013, 2014, 2015].

⁴ К классу *прагматем* относятся единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, которые в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой их *прагматикализации* для них и вводится термин *прагматема*. Подробнее об этом см.: [Богданова-Бегларян 2014а)].

⁵ Объем анализируемого речевого материала сопоставим с известным корпусом устной русской речи – «Рассказы о сновидениях» [Кибрик, Подлеская 2009].

⁶ Наличие номеров информантов свыше цифры 127, названной выше, объясняется тем, что по качеству записи далеко не весь собранный материал признан годным для дальнейшего анализа.

⁷ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Шерстинова и др. 2009]. Тексты в расшифровках представлены так, как они прозвучали в реальной речи говорящих.

⁸ Приведенные комментарии касаются только конкретных употреблений, в других контекстах те же прагматемы могут выступать в других функциях – см. о них подробнее: [Богданова-Бегларян 2014а].

⁹ О двух типах стратегий (функций), в которых могут выступать в устной спонтанной речи разнообразные маркеры-аппроксиматоры, – *стратегии замещения* (полная замена – перечисления или чужой речи) и *стратегии совмещения* (частичная замена, знак того, что перечисление может быть продолжено), – см.: [Подлеская 2013]].

¹⁰ В других контекстах ОРД можно видеть еще одну функцию контактных глаголов (пока обнаружено только для прагматем *знаете* и *понимаете*) в устной спонтанной речи – функцию **маркера-рефлекси́ва**, ср.:

- *много сбоек у нас / постоянно пишем заявки // у нас постоянно идут // *П нестыковка // *П сбои **знаете** // нестыковка кассы с базой // то есть // *П то по кассе проходит / по базе не снимает // и вот так вот мучаемся* (Ж1 – S78);

- *вы знаете / вовлечённость то н...не особо сейчас сильная / такая / я о... дру...другими вещами сейчас занимаюсь / просто вот так... *В совпало / Шемель%(?) // *П Даревский% и черепахи // @ зато(?) вовлечённость *Н в предмет исследований // *П **понимаете** (S127@Ж4);*

- *он начинает обрушивать ситуацию / в том числе некую (...) заикленность / **понимаете** (S133).*

С помощью подобных прагматем-рефлексивов говорящий некоторым образом вербализует свое отношение к подобранному слову или выражению (*сбои; вовлечённость *Н в предмет исследований; заикленность*), оценивает результат произведенного гезитативного поиска, который, как правило, имеет место в предшествующем контексте (подробнее о рефлекси́вах в русской спонтанной речи см.: [Богданова-Бегларян 2015]).

¹¹ *Уровень речевой компетенции* (УРК) можно определить как степень свободы говорящего в

выборе речевых средств, уровень его владения этими возможностями, его способность решать те или иные коммуникативные задачи. УРК определяется целой совокупностью социальных характеристик человека, среди которых ведущее место занимают уровень образования, профессиональное или непрофессиональное отношение к речи, а также степень социальной активности личности. Этот набор признаков, определяющих УРК, был в свое время установлен экспериментальным путем – через экспертную оценку большого массива звучащих текстов и выявление корреляции этих оценок с реальными социальными характеристиками говорящих. Подробнее о нем см.: [Звуковой корпус... 2013].

Список литературы

- Барт Р.* Нулевая степень письма // Семиотика [Сб. ст. Переводы] / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 306–349.
- Бахтин М. М.* Слово в романе // *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетика. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
- Богданова Н. В.* О проекте словаря дискурсивных единиц русской речи (на корпусном материале) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18) / гл. ред. А. Е. Кибрик. М.: РГГУ, 2012. С. 71–83.
- Богданова-Бегларян Н. В.* О словаре «неслов»: возможности лексикографического описания вербальных гезитативов русской речи // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С. Г. Ильенко): материалы Всеросс. науч. конф., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 13–15 ноября 2013 г. / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб., Сага, 2013. С. 359–364.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014а. Вып. 3 (27). С. 7–20.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Дискурсивная единица *типа (того что)*: функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. Journal of Historical, Philological and Cultural Studies: науч. реценз. журн. 3 (45). Июль – Август – Сентябрь. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2014б. С. 252–255.
- Богданова-Бегларян Н. В.* Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю.* Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* «Фонетические законы» // *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. II. С. 189–208.
- Бонфанте Дж.* Позиция нелингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 298–319.
- Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 386–404.
- Гришина Е. А.* Устная речь в Национальном корпусе русского языка // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 94–110.
- Жирмунский В. М.* Марксизм и социальная лингвистика // Вопросы социальной лингвистики. Л.: Наука, 1969. С. 5–25.
- Звегинцев В. А.* Очерк истории языкознания до XIX в. // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Учпедгиз, 1960. Ч. I. С. 5–24.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2013. 532 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2014. 396 с.
- Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2: Теоретические и практические аспекты анализа. Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. фак-т С.-Петерб. ун-та, 2015. 364 с.
- Каспранский Р. Р.* Место нормы реализации в теории речевой коммуникации // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький: Горьк. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Н. А. Добролюбова, 1989. С. 22–35.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И.* (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование уст-

ного русского дискурса М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Крысин Л. П. Некоторые принципы словарного описания русской разговорной речи (Постановка задачи) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 110–118.

Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М.: Просвещение, 1977. С. 175–191.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. Вып. III. С. 366–566.

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1: Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики, изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингер / под ред. Р. И. Шор. М.: Соцэкгиз, 1933. 272 с.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16–20 марта 2009 г.). СПб.: Фак-т филологии и искусств С.-Петерб. ун-та, 2009. С. 66–75.

Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 11–20.

References

Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day»: Creation Principles and Annotation. Matoušek V., Mautner P. (eds.) TSD 2009. LNAI, vol. 5729, 2009. Springer, Berlin-Heidelberg. P. 250–257.

Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma [The Zero Degree of Writing]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. P. 306–349.

Bakhtin M. M. Slovo v romane [The Word in the Novel]. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetika* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow, 1975. 502 p.

Boduen de Kurtene I. A. “Foneticheskie zakony” [“Phonetic rules”]. Boduen de Kurtene I. A.

Izbrannye trudy po obshchemu jazykoznaniju [Selected Works on General Linguistics]. Vol. II. Moscow, 1963. P. 189–208.

Bogdanova N. V. O proekte slovar'a diskursivnykh jedinic russkoj rechi (na korpusnom materiale) [A Dictionary of Discourse Elements of Russian Speech: Project Description (Based on Corpora Material)]. *Kompjuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2012»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue-2012». Iss. 11/18. Selegej V. P. (ed.)]. Moscow, 2012. P. 71–83.

Bogdanova-Beglarian N. V. O slovare “ne-slov”: vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya verbal'nykh khezitativov russkoj rechi [Dictionary of “Not Words”: the Possibility of Lexicographical Description of Verbal Hesitations of Russian Speech]. *Slovo. Slovar'. Slovesnost': Kommunikacya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiju so dn'a rozhdenia S. G. Il'enko* [Word. Dictionary. Language Arts: Communication. Text. Syntax (for the 90th Anniversary of S. G. Iliencko)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Chernyak, V. D. (ed.). St. Petersburg, 2013. P. 359–364.

Bogdanova-Beglarian N. V. Pragmatemy v ustnoj povsednevnoj rechi: opredelenie ponjatia i obshhaja tipologia [Pragmatems in Spoken Everyday Speech: Definition and General Typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], Iss. 3 (27), 2014a. P. 7–20.

Bogdanova-Beglarian N. V. Diskursivnaya jedinica “tipa (togo chto)”: funkcionirovanie v ustnoj spontannoj rechi i vozmozhnosti leksikograficheskogo opisaniya [Discursive Item “Tipa (Togo Chto)”, It's Functions in Speech and Alternatives of Leccicographical Description]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]. Iss. 3 (45). July – August – September. Moscow – Magnitogorsk – Novosibirsk, 2014b. P. 252–255.

Bogdanova-Beglarian N. V. Refleksiv v sisteme diskursivnykh jedinic russkoj ustnoj rechi [Reflex Item in the System of Discursive Units of Russian Speech]. *Mir russkogo slova* [World of the Russian Word]. № 3, 2015. P. 11–17.

Bogdanova-Beglarian N. V., Asinovsky A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Shershtinova T. Yu. Zvukovoj korpus russkogo jazyka: novaya metodologiya analiza ustnoj rechi [Speech Corpus of Russian Language: New Methodology of Speech Analysis]. *Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijakh XXI veka* [Language and Method: Russian Language in Linguistic

Studies of the 21st Century], Iss. 2/Eds. Szumska, D., Ozga, K. Krakow, 2015. P. 357–372.

Bogdanova-Beglarian N. V., Blinova O. V., Martynenko, G. Ya., Sherstinova, T. Yu. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian. 18th International Conference on Speech and Computer (SPECOM 2016). Budapest, Hungary, August, 23–27, 2016 (In Print).

Bonfante G. Pozicia neolingvistiki [Position of Neolinguistics]. Zvegintsev V. A. *Istoria jazykoznanja XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. P. 298–319.

Grishina E. A. Ustnaya rech' v Nacional'nom korpusе russkogo jazyka [Speaking in the Russian National Corpus]. *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka* [Russian National Corpus]. 2003–2005. Moscow, 2005. P. 94–110.

Kaspranskij R. R. Mesto normy realizacii v teorii rechevoj kommunikacii [The Place of Implementing Rules in the Theory of Speech Communication]. *Teoria i praktika lingvisticheskogo opisanja razgovornoj rechi* [Theory and Practice of Linguistic Description of Colloquial Speech]. Gorky, 1989. P. 22–35.

Kibrik A., Podlesskaja V. (eds.). Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow, 2009. 736 p.

Krysin L. P. Nekotorye principy slovarnogo opisanja russkoj razgovornoj rechi (Postanovka zadachi). [Some Principles of Lexicographic Description of Russian Colloquial Speech (Formulation of the Problem)]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshčenii* [Russian Language in the Scientific Description]. № 2 (16), 2008. P. 110–118.

Lakoff G. Hedges: a Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts. *Journal of Philosophical Logic*. Iss. 2 (4), 1973. P. 458–508.

Larin B. A. O lingvisticheskom izuchenii goroda [On the Linguistic Study of a City]. Larin, B. A. *Istoria russkogo jazyka i obshchee jazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, 1977. P. 175–191.

Martine A. Osnovy obshchej lingvistiki [Fundamentals of General Linguistics]. *Novoe v lingvistike* [The New in Linguistics]. Is. III. Moscow, 1963. P. 366–566.

Podlesskaja V. I. Nechotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovanija [Vague Reference in Russian colloquial speech: Experience of Corpora Research] *Kompjuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2013». Tom 1.*

Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialogue–2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12/19. Selegej, V. P. (ed.). Moscow, 2013. P. 631–643.

Romaine S. Corpus Linguistics and Sociolinguistics. *Corpus Linguistics: An International Handbook*. Vol. 1 / Lüdeling, A. and Kytö, M. (eds.). Berlin-New York, 2008. P. 96–111.

Sossur F. de. *Kurs obshchej lingvistiki* [Course in General Linguistics]. Moscow, 1933. 272 p.

Shcherba L. V. O sluzhebnoe i samostojatel'nom znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta [Service and Independent Value of Grammar as a School Subject]. Shcherba, L. V. *Izbrannye ravyoty po russkomu jazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, 1957. P. 11–20.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanja v zvukovom korpusе russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoi konferencii* [Formal Methods of Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg, 2009. P. 66–75.

Vandries J. Jazyk. Lingvisticheskoe vvedenie v istoriju [Language. Linguistic Introduction to the History]. Zvegintsev, V. A. *Istoria jazykoznanja XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. Pp. 386–404.

Zhirmunsky V. M. Marksizm i social'naya lingvistika [Marxism and Social Linguistics]. *Voprosy social'noj lingvistiki* [Issues of Social Linguistics]. Leningrad, 1969. P. 5–25.

Zvegintsev V. A. Ocherk istorii jazykoznanja do XIX veka [Essay on History of Linguistics before 19th Century] Zvegintsev, V. A. *Istoria jazykoznanja XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniakh* [History of Linguistics of the 19th and 20th Centuries in Essays and Extracts]. Part I. Moscow, 1960. P. 5–24.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective Monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza. Tom 1. O nerotorykh osobennost'akh ustnoj spontannoj rechi raznogo tipa. Zvukovoj korpus kak

material dl'a преподаvania russkogo jazyka v inostranoj auditorii [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 1. Some Features of Oral Spontaneous Speech of Various Types. Speech Corpus as a Base for Teaching Russian as a Foreign Language]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2014. 396 p.

Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi. Kollektivnaya monografija. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza.

Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novykh leksikograficheskix proektov [Speech Corpus as a Base for Analysis of Russian Speech. Collective Monograph. Part 2. Theory and Practice of Speech Analysis. Vol. 2. Speech Corpus as a Base for New Lexicographical Projects]. Bogdanova-Beglarian, N. V. (ed.). Saint Petersburg, 2015. 364 p.

Tompson P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow, 2003. 368 p.

PRAGMATIC ITEMS FUNCTIONS IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH OF DIFFERENT SOCIAL GROUPS

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

The article deals with the description of results of everyday speech analysis (social dialects of a modern city). The object of the investigation is pragmatic items functions in spontaneous speech (communication) and disquisition of their importance as of a social dialect marker. The research has been done on the basis of corpora materials (the Corpus of Spoken Russian Language, module "One Speaker's Day"). There are three data blocks: the whole sub-corpus analysis (12 speakers), the analysis of three age groups, and the analysis of two gender groups.

The results show the considerable difference between age groups and less dramatic one between genders. The youngest speakers demonstrated the most interesting functions of pragmatic items in their speech.

There are some items that are specific for different groups of speakers: *koroche* – for young people of both genders, *v obshchem* – for older women. At the same time neither profession nor job position of a speaker (and so their speech competence) influences the pragmatic items the speaker uses in everyday spontaneous speech.

Key words: spontaneous speech; everyday communication; pragmatic item; speech corpus; sociolect.

ПРОКУРОРСКИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ: СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ И РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

Лилия Рашидовна Дускаева

д. филол. н., профессор кафедры речевой коммуникации с возложением обязанностей заведующего кафедрой

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.7-9. LRD2005@yandex.ru

В статье обосновывается выделение прокурорского профессионального стиля, который представляет собой речевую разновидность делового стиля, реализующуюся в системе речевых жанров трех групп – предписывающих, ходатайствующих и осведомляющих. Анализ внутренней дифференциации русского прокурорского профессионального стиля показывает, что, наряду с общими для делового макростяля стилиевыми чертами, этот профессиональный стиль наделен специфическими, которые в каждом из речевых жанров своеобразно выражаются, – компаративно-правовой оценочностью и контрастностью отношений между смысловыми позициями. Стилистико-речевой анализ даже двух жанровых моделей – протеста и заявления – позволяет выявить в них отражение типовых алгоритмов исполнения профессионально-речевой деятельности прокурора. Исследование убеждает, что профессиональный стиль в целом является репрезентантом одной из профессиональных разновидностей речевой деятельности, осуществляемой в правовой сфере.

Ключевые слова: праксиология; профессиональный стиль; речевые жанры.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-50-58

Введение. Поскольку любой национальный литературный язык используется в различных сферах общественной деятельности, цели и условия коммуникации в которых неодинаковы, в славянской функциональной стилистике было обосновано разделение литературных языков на шесть функциональных стилей, формирующихся в социально значимых сферах общения (см. работы российских ученых: [Кожина и др. 2008], польских: [Przewodnik 1995], чешских: [Chehova... 2003], словацких: [Mistrik 1997]). Общепризнано, в силу неоднородности задач, которые каждый из ФС выполняет в той или иной ситуации, их разделение на подвиды.

Распространившийся в функциональной стилистике подход к речевым стилям как репрезентантам разных видов деятельности ставит вопрос о возможности выделения в рамках функциональных стилей не только подстилей, но и разновидностей другого порядка – профессиональных стилей.

Обращение к изучению официально-делового функционального стиля, специфического для правовой сферы, показывает, что в этой сфере формируется множество профессиональных сти-

лей – прокурора, адвоката, нотариуса, следователя и т.п.

В лингвистике в качестве термина атрибутив «профессиональный» часто используется вместе с существительным «язык», но, как правило, говорят при этом об одном из классов лексики: профессиональным языком называют совокупность слов, характерных для употребления людей одной профессии. Однако мы полагаем, что профессиональная ориентированность при употреблении языка в той или иной профессиональной сфере отражается отнюдь не только в лексике. Цели и задачи профессионального общения влияют на отбор и комбинацию средств всех уровней языковой системы и формируют речевую системность, складывающуюся для выражения профессионально значимых смыслов. Следовательно, когда мы говорим о профессиональном стиле, то речь ведем о специфической речевой организации текстов, подчиненной целям профессионального общения. Попытаемся контурно охарактеризовать такой исследовательский подход.

Если к осмыслению стиля подходить с деятельностных позиций и рассматривать его как речевую реализацию того или иного вида дея-

тельности, вполне закономерно самым общим основанием для выделения его среди других считать способность такого стиля реализовать один из видов профессиональной сферы общения. Деятельностная трактовка прокурорского стиля позволяет рассмотреть его как речевое воплощение осуществляемого в соответствии с законодательством РФ прокурорского надзора за соблюдением Конституции страны и за исполнением законов, действующих на её территории. Для достижения этой цели создается особый характер речепорождения, который и воспринимается как её стиль. Профессиональный стиль формируется под влиянием того, что в той или иной сфере общения своеобразно отбираются, используются и организуются в коммуникативно-профессиональные речевые действия (тексты) языковые средства – слова, выражения, конструкции как наиболее уместные и целесообразные в данной сфере и ситуации.

Для описания своеобразия функционального стиля в стилистике используется понятие стилевых черт (М. Н. Кожина). Прокурорский профессиональный стиль является формой реализации официально-делового функционального стиля, поскольку важнейшие стилевые черты делового функционального стиля – точность, императивность, объективность и стандартизованность [Кожина 1977] – реализуются и в прокурорском профессиональном стиле. Однако эти черты дополняются и другими.

Цель действий прокурора – контроль за соблюдением законности, следовательно, в прокурорских документах зафиксирована речевая деятельность по выявлению, устранению и предупреждению правовых нарушений. Поводом для составления прокурором документов является конфликтная ситуация, возникающая из-за противоречий, разногласий между сторонами. Фактические обстоятельства того или иного дела получают правовую оценку, которая чаще всего предстает как противопоставление предложенной ранее или сопоставление с ней. Следовательно, прокурорский стиль отличается, во-первых, ком пар а т и в н о й п р а в о в о й о ц е н о ч н о с т ь ю, поскольку правовая оценка рождается в сравнении с нормативными установками законодательных актов. Во-вторых, этот стиль характеризуется к о н т р а р н о с т ь ю, поскольку смысловая позиция прокурора противопоставлена позиции, выраженной в оспариваемом документе. Наконец, стиль отличает а д р е с н о с т ь, которая вызвана тем обстоятельством, что практически любой документ адресован строго определенному лицу. Однако каждая из этих черт реализуется в стиле по-разному.

Для описания внутрителиевой дифференциации в профессиональном стиле целесообразно ввести понятие речевого жанра. В настоящее время понятие «речевой жанр» широко распространилось в европейской лингвистической литературе и активно используется в коммуникативно-функциональной лингвистике прежде всего как типологический научный инструмент. Несмотря на интенсивное развитие лингвистического жанроведения, вопрос об определении понятия речевого жанра открыт и встает остро в случае необходимости построения типологии речи в той или иной сфере. Спорными остаются вопросы об основных характеристиках речевого жанра и подходах к их выделению. Различны подходы и к количественному определению – объему – речевого жанра: одни исследователи его считают речевым актом (А. Вежбицка, Т. В. Шмелева и др.), другие – более развернутым и сложным речевым построением, состоящим из нескольких речевых актов (Н. И. Формановская). Однако, вслед за целым рядом исследователей (С. Гайда, Т. В. Матвеева, В. А. Салимовский), в нашей работе использован текстоцентрический подход к определению жанра, при котором последний рассматривается как класс текстов.

В научной литературе различаются подходы к выделению признаков РЖ. В одних исследованиях (А. Вежбицкой, Т. В. Шмелевой и др.) с этой целью выявляется совокупность смысловых параметров речевых жанров, существенных в прагмалингвистическом плане для отличия одного РЖ от другого. В этом случае жанр оказывается речевой проекцией той или иной коммуникативной ситуации. Ст. Гайда предложил уточнить рассматриваемое понятие через создание типологии жанровых форм, её оснований, определяя факторы, детерминирующие формирование речевых жанров (1986). Вслед за Ст. Гайдой такая попытка была предпринята в отношении научного стиля [Салимовский 2002]. Жанры речи рассматриваются в этих работах как модели, в соответствии с которыми в текстах объективируются социально необходимые виды духовной деятельности. Из такой трактовки жанров вытекает принцип их систематизации по видам профессиональной деятельности с переходом от общих видов социокультурной деятельности, соотносительных с формами сознания (например, регулятивного правового функционального стиля, соотносительного с правом как формой сознания), к более частным – профессиональному стилю и его стратам. К этим работам примыкает развивающая речевая трактовка функциональных стилей интенционально-стилистика, которая была

разработана в наших исследованиях [Дускаева 2004, 2012, 2013].

Методика анализа. В разработке методики анализа жанровой дифференциации профессионального стиля мы отталкиваемся от представления М. М. Бахтина (2000) о жанре как устойчивом тематическом, композиционном и стилистическом единстве. Тема жанра задается его коммуникативной целеустановкой, которая понимается как типовой замысел, характерный для той или иной типовой коммуникативной ситуации в профессиональной речевой деятельности. Замысел при этом рассматривается как иерархия типовых интенций, в

которой ведущая достигается через реализацию дополнительных. Каждая из интенций воплощается в речевых шагах, дополняемых активностью гипотетического адресата, – интеракциях, последовательность которых и составляет композицию речевого жанра. Следовательно, жанровая форма актуализирует в типовом алгоритме профессионально-речевых интеракций традиционный для реализации профессиональных обязанностей авторский замысел. Попробуем сказанное представить схемой, в которой речевой жанр (РЖ)= тема+композиция+стиль.

Признаки речевого жанра	Дефиниция признаков	Реализация признаков в тексте
Жанровая тема ← типовая жанровая цель (ЖЦ)	ЖЦ=типовой авторский замысел=иерархия интенций	Главная жанровая цель ↓ Подцель 1 ↔ Подцель 2 ↔ Подцель 3
Жанровая композиция = Алгоритм реализации ЖЦ с учетом активности адресата	Алгоритм реализации ЖЦ= последовательность речевых шагов автора, предпринятых с ориентацией на адресата	Интеракция 1+Интеракция 2+Интеракция 3 и т.п.
Жанровый стиль – типовая речевая манера построения текста	Речевая манера формируется речевой системностью (РС)	Жанровый стиль=последовательность

Дифференциацию речевых жанров внутри профессионального стиля целесообразно проводить, выделяя классы текстов, построенных на основе типологии профессиональных целеустановок. Следовательно, при построении типологии прокурорских жанров необходимо выработать типологию профессиональных коммуникативных замыслов и выявить специфику структуры жанровой интенциональности, для этого учесть цели и задачи такого общения. Принимая во внимание, что профессиональной целью прокурора является обеспечение законности выявлением, устранением и предупреждением нарушений закона, в прокурорской речевой деятельности осуществляются? по крайней мере, три формы коммуникативной деятельности: предписание, ходатайство и уведомление, поэтому документы указанного профессионального стиля можно разделить на три группы – предписывающие, ходатайствующие и уведомляющие.

В чем специфика каждого из названных видов коммуникативной деятельности?

Часто прокурор обращается с предписанием. Прокурорским предписаниям присущи многие признаки, характерные для права в целом: а) предписания – это властное, обязательное для исполнения (соблюдения, использования, при-

менения) распоряжение / требование, которое четко устанавливает права и обязанности, условия их возникновения и реализации, охраны и защиты, другие требования и положения; б) их обязательность обеспечивается мерами государственного и иного воздействия; в) их общая природа выражается в том, что они носят неперсонифицированный по отношению к субъектам характер и отражают (закрепляют, охраняют и т. п.) наиболее типичные социальные ситуации, рассчитаны на конкретно не определенное число жизненных обстоятельств и случаев; г) каждое нормативно-правовое предписание имеет, как правило, свой специфический предмет правового регулирования (например, социально-правовую ситуацию и т.п.) (ср.: [Прокурорский надзор 2005]).

Ходатайство прокурора – официальная просьба или представление о совершении процессуальных действий или принятии решений, обращенная в вышестоящие инстанции, поскольку прокурор наделен полномочиями защищать права как неопределенного круга лиц, так и конкретного гражданина, который по тем или иным причинам не может самостоятельно защитить свои права.

Уведомление – это коммуникативное действие, направленное на информирование коллег о принятых мерах, извещение, сообщение обратившихся за помощью о проведенных прокурором мероприятиях [Прокурорский надзор 2005]. Выражение предписания, ходатайства и осведомления возможно лишь при учете тех ранее совершенных действий или высказывания, которые потребовали прокурорского вмешательства, поэтому прокурорский стиль отличает ретроспективность в изложении обстоятельств рассматриваемого дела, что предполагает обращение

к чужой смысловой позиции и ее правовую оценку, часто в виде несогласия. Отсюда стиливыми чертами речи прокурора становятся контрастно изложенная правовая оценочность и ретроспективность в изложении фактологии.

Учитывая основные функции речевых жанров, используемых прокурором в его профессиональной деятельности, их можно свести в единую систему (см. таблицу, отражающую и формы речи (письменная и устная), в которой функционируют те или иные жанры).

Речевые жанры прокурорского профессионального стиля

		Полномочия		
Под-стиль	Формы речи	Предписание	Ходатайство	Уведомление
Юрисдикционный	Письменная	Приказы Генерального прокурора, протесты прокурора, требования об изменении нормативного правового акта, постановления	Кассационные представления, предложения, заявления в суд, ходатайство о возвращении дела на дополнительное расследование либо о прекращении дела	Письма с ответом на заявление, жалобу; ответы на жалобы в госорганы, докладные записки, информации о результатах рассмотрения обращения, протоколы совещаний
	Устная	Оперативные указания и распоряжения, не фиксируемые в документах	Обвинение на суде	Беседы и консультации на приеме граждан, совещания, доклады и др.

Указанные в таблице виды речевых прокурорских жанров отражают и фиксируют профессиональную речевую деятельность прокуроров РФ. Таким образом, профессиональная речевая деятельность прокурора предстает в иерархической системе более конкретных деятельностей, воплощаемых в группах речевых жанров и в отдельных жанрах.

Деятельность по предписанию в правоприменительной сфере осуществляется более конкретизированно. Адресуясь определенным лицам или компетентным органам, предписание выступает как требование выполнения тем или иным должностным лицом диктуемых законом действий, установление порядка и способа их выполнения, отмена ранее вынесенных кем-либо решений, возражение против чьих-то решений и действий.

В ходатайстве волеизъявление в значительной степени смягчено как за счет меньшей категоричности, так и за счет более личного изложения. Адресованное конкретному лицу ходатайствующее обращение представлено главным образом инструктированием, рекомендациями, предложениями, преду-

ждением, порицанием, пожеланием по изменению существующего порядка дел.

Уведомление предстает как сообщение запрашиваемых сведений, разъяснение спорных правовых вопросов, консультирование мало осведомленного лица.

Как ранее было сказано, в жанровом замысле можно реконструировать иерархию интенций, для реализации которой выполняется типовая последовательность речевых интеракций – сообщения, констатации, уведомления, повествования, оценивания, объяснения, предписания, приказы, рекомендации, просьбы, определения и т. д. Жанровая интенциональность и модель ее достижения определяются нормативно-правовыми актами: УПК, ГПК, арбитражно-процессуальными кодексами и другими законами РФ или ГОСТом, ОСТом и т.п. Следовательно, наш жанрово-стилистический анализ направлен на раскрытие речевой системности, формируемой для достижения той или иной жанровой цели. Продемонстрировать это мы намерены, обратившись из числа предписывающих к жанру протеста, из числа ходатайствующих – к заявлению. Рассмотрим речевой материал.

Анализ материала. Жанр протеста является актом прокурорского реагирования, содержащим обращенное к должностным лицам (компетентным органам) требование об устранении в правовых актах противоречий закону. Тем самым коммуникативная целеустановка жанра – выразить категорическое несогласие с какими-либо незаконными решениями должностных лиц (компетентных органов). Протест строится как обращенное к определенному должностному лицу установление степени соответствия какого-либо акта государственным законодательным нормам. Жанровую форму этого документа составляет последовательность речевых интеракций: а) обращение к адресату и представление ему документа; б) сопоставление описанных в исходном документе действий с законодательными нормативами; в) возражение прокурора; г) требование об устранении противоречий.

Первая интеракция в жанре – презентация документа – реализуется заголовком и обращением к адресату протеста в виде наименования его должности и фамилии, имени, отчества в дательном падеже. О поводе для возражений сообщается в подзаголовке к документу в форме дополнения в винительном падеже с использованием предлога *на* (а не в родительном с предлогом *против*, как это принято в общественной речевой практике в других сферах), например:

Протест на постановление о назначении административного наказания от 04.04.2004 № 237 в отношении Бекленева А.В. или Протест на постановление и.о. главы города Перми «О разрешении ООО «Г-т» строительства в Свердловском районе» от 28.12.2005 № 3014. Обращает внимание использование вместо предлога *против* с лексемой *протест* предлога *на*. Думается, это связано с переосмыслением лексического значения у слова *протест*. В данном случае это название документа.

Вторая интеракция – это изложение чужой смысловой позиции, послужившей поводом для протеста, которая вводится специальной конструкцией, в которой указано, какой акт вызвал протест, кто его принял, при необходимости – по какой причине, на какой объект (субъект) было направлено это действие. Чаще всего для ответа на перечисленные вопросы используется страдательная конструкция:

1) *И.о. главы города Н. 28.12.2005 принято постановление «О разрешении ООО «Г-т» строительства в С-м районе» от 28.12.2005 № 3014. Данным правовым актом ООО «Г-т» разрешено строительство пристройки к зданию института под административное здание по разработанному и согласованному проекту на*

земельном участке, расположенном по ул. Николая Островского, 59/1, в С-м районе г. Н. Участок находится в долевой собственности, ему присвоен государственный кадастровый номер 59:01:44 1 0162:0025.

2) *04.04.2005 г. заместителем начальника УВД С-го района г. Н. А. В. Козловым было принято постановление, на основании которого по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ привлечен к административной ответственности в виде штрафа в размере 500 рублей А.В. Бугров. Причиной послужило нарушение им общественного порядка, выразившееся в грубой нецензурной брани в адрес сотрудников милиции, в пренебрежении их замечаниями. Инцидент произошел 01.04.2005 в 20-15 у дома № 19 по ул. Клары Цеткин г. Н. По этому же факту 23.05.2005 прокуратурой С-го района г. Н возбуждено уголовное дело по ст. 319 УК РФ.*

Как видно из фрагментов, основная черта их стилистики – сочетание лаконичности и детализирующей точности в передаче фактов. С одной стороны, требуется исключительно кратко передать содержание документа, с другой стороны, все обстоятельства описать предельно точно. Для этого используются порядковые и количественные имена числительные, указывающие даты, время, адреса, порядковые номера упоминаемых объектов, номера статей законов, на которые даются ссылки, размер штрафа.

Возражение прокурора – это интеракция, содержащая объяснение того, что в акте вызывает несогласие, какие пункты в нем не соответствуют предписанной законом модели поведения. С этой целью передаются в содержании рассматриваемого акта моменты, вызывающие возражение, и формулируется его правовая оценка, например:

В соответствии с Генеральным планом города Энска ... выделенный участок оказался расположен в зоне многоэтажной жилой застройки высокой плотности. Но по постановлению участок предоставлен не для жилищного строительства. В силу ч.3 ст. 35 ... размещение ... объектов ... иного назначения в жилых зонах допускается только через условно-разрешенный вид использования земельного участка. Предоставлением земельного участка для капитального строительства был изменен вид разрешенного использования, предусмотренный кадастровым планом.

Однако согласно п. 3 п.1 ст.4 Федерального закона ... решение об изменении одного вида ... на другой может приниматься главой местной администрации только с учетом результатов публичных слушаний. Между тем в ходе проверки, проведенной прокуратурой края, уста-

новлено, что до принятия оспариваемого постановления публичные слушания **не проводились**. Следовательно, процедура принятия решения **не соблюдена**, что **свидетельствует о незаконности принятого и.о. главы города постановления**.

Как видим, возражение имеет два речевых плана: 1) составителей оспариваемого документа; 2) прокурора, разъясняющего правовую норму. Первый формируется благодаря особым «меткам»: 1) в виде названия оспариваемого документа (*постановление, решение*), 2) описания предусмотренной документом модели действий (*выделенный участок, предоставление земельного участка для капитального строительства*). Второй речевой план – правовой оценки – создается в два этапа: сначала излагается правовая норма с использованием ссылок (*в силу ч. 3 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ, в силу ч. 3 ст. 35 Градостроительного кодекса РФ*), с акцентированием в ней тех моментов, которые оказались в акте не учтены (*только через условно-разрешенный вид использования, лишь через обсуждение на публичных слушаниях*), затем демонстрируется несоответствие правовой норме отрицательными предложениями (*публичные слушания не проводились, процедура принятия решения не соблюдена*), противительными союзами (*между тем, однако*), оценочной лексикой (*незаконность*).

Возражение может быть передано сообщением о надлежащей норме поведения при сложившихся условиях, например: *Согласно п.7 ст.24.5 КоАП РФ производство, начатое по делу об административном правонарушении, подлежит прекращению, если за совершение этого же правонарушения принято постановление о возбуждении уголовного дела*. Как видно из фрагмента, условия описаны в придаточном соответствующей семантики, норма изложена в конструкции предписывающего типа (*подлежит прекращению*).

Следующая жанровая интеракция – требование прокурора об устранении противоречий, которое всегда обладает внутренней обращенностью к адресату – предполагаемому исполнителю просьбы, – формулируется стандартной фразой, начинающейся ссылкой:

На основании изложенного, руководствуясь п.3 ч.1 ст.25.11, п.3 ч.1 ст. 30.1, ч.2 ст. 30.11 КоАП РФ, требую ... или *Учитывая изложенное, руководствуясь ст.23 Федерального*

закона «О прокуратуре Российской Федерации», требую...

В этом документе волеизъявление формулируется категорично – предъявлением в инфинитивах последовательности действий, которые в тексте могут быть пронумерованы, как в первом случае, а могут быть представлены без нумерации, но с красной строки, как во втором:

Текст 1. 1. **Отменить постановление № 447 от 04.04.2005 о назначении административного наказания Бекленеву А.В. на основании ст. 24.5 КоАП РФ.** 2. **О результатах рассмотрения протеста сообщить в прокуратуру области и в прокуратуру Свердловского района г. П. в письменной форме в установленный законом срок.**

Текст 2. Закон П-ой области «О денежном содержании муниципальных служащих в П-ой области» от 05.11.1998 № 273-33 **привести в соответствие с федеральным законодательством.**

Рассмотреть протест на ближайшем заседании Законодательного собрания и о результатах рассмотрения сообщить в прокуратуру области в письменном виде.

Таким образом, протест прокурора – это речевой жанр, в котором обращение прокурора представляет собой категорично выраженное требование исправить правовое нарушение. Специфика его стилистики и в том, что он является «текстом о тексте», и в речевой партии прокурора выражается предельно контрастно заряженный модус, поскольку в таком документе обосновывается неудовлетворительная правовая оценка уже вышедших нормативных актов и содержится требование их исправления.

Следующий текст, который мы представим, относится ко второй группе жанров – ходатайствующих: это жанр **заявления**. Такой документ составляется в случае признания законодательного акта противоречащим закону полностью или в части. Его отличие от протеста – в адресате: оно обращено к суду, коммуникативный статус которого в соответствии с российским законодательством выше, чем статус прокурора. Этим обусловлено снижение степени категоричности обращения по сравнению с протестом. Интенциональность документа реализуется последовательностью четырех речевых интеракций: презентации документа адресату, раскрытие несоответствия принятого акта законодательным нормам, предложения адресату устранить нарушения.

Документ презентуется в своеобразной «шапке»:

В П-й краевой суд
Заместитель прокурора края в защиту интересов неопределенного круга лиц
Заинтересованные лица:
Законодательное собрание
Энского края
г. Энск, ул. Л-на, 50

Заявление
(в порядке ст. 45, 251 ГПК РФ)
о признании недействующим п.11 ст.14 закона Энского края «Об избирательной комиссии Энского края», принятого Законодательным собранием Энского края 01.02.2007

Как видно из представленного фрагмента, во вступительной части содержится указание на обстоятельства составления документа, где присутствуют данные об адресате заявления (выражаются существительным в предложном падеже в Энский областной суд), об адресанте (обозначается наименованием должности составителя, например: *заместитель прокурора края*), о цели составления и о тех, чьи интересы защищаются (передается стандартной фразой в защиту интересов неопределенного круга лиц), наименование органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, принявших оспариваемый нормативный правовой акт (например, *Законодательное собрание Энского края*). Уже в заголовке содержится ссылка, подтверждающая правомерность составления документа (например: *в порядке ст. 45, 251 ГПК РФ*), и передается суть выраженных в заявлении претензий (отглагольным существительным в предложном падеже в сочетании с отрицательным определением, например: *о признании недействующим п. 11 ст. 14 закона...*).

Более детально изложению повода, побудившего к составлению заявления, посвящается следующая часть.

Вторая интеракция – сообщение о принятии того или иного акта, противоречащего законодательству. Рассмотрим примеры:

а) **Пункт 11 ст. 14 закона, согласно которому принимаемые избирательной комиссией П-го края постановления нормативного характера вступают в силу с момента их принятия, противоречит федеральному законодательству по следующим основаниям;**

б) **Согласно абз.3 ч. 2 ст. 2 данного закона одним из направлений реализации проекта определено проведение капитального ремонта общего имущества многоквартирных домов, собственники помещений в которых создали товарищество собственников жилья (далее – ТСЖ). Считаю данную норму противоречащей Конституции РФ, гражданскому и жилищному законодательству.**

Как видно, во фрагменте отражается взаимодействие двух речевых партий: во-первых, сообщающей о содержании той части текстового пространства закона, которая стала объектом анализа, во-вторых, указывающей на несоответствие содержания этой части законодательству страны. Первая решается использованием ссылки и пересказом содержания (*Пункт 11 ст. 14 закона, согласно которому...; Согласно абз.3 ч. 2 ст. 2 данного закона одним из направлений реализации проекта определено...*). Вторая задача выполняется использованием стандартной формулы «*противоречить* (в разных формах) *законодательству*». Далее вывод обосновывается.

Возражения прокурора – это взаимодействие двух смысловых позиций, которое разворачивается как рассуждение, объясняющее, с какими положениями законодательства те или иные акты вступили в противоречие и почему, а также то, какие это последствия имеет. Для демонстрации противоречия с законом используются ссылки на законодательные акты, содержащие запрет (*В соответствии со ст. 15 Конституции РФ любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения*) или дозволение лишь при определенных условиях (*в силу п.5 ст. 8 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ законы и иные нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина вступают в силу не ранее чем через десять дней после их официального опубликования*).

Для указания на правовые последствия применения незаконных актов используется формула «*ведет к + названия противозаконных действий*», например:

Вступление в силу документов нормативно-правового характера до их опубликования ведет

к возможности их применения **вопреки указанным требованиям** основного закона России и **нарушает права** неограниченного круга лиц.

Завершающая интеракция – предложение об устранении нарушения – вносится в форме просьбы соответствующим перформативным глаголом о признании совершенного действия незаконным. Суть просьбы излагается инфинитивным предложением:

На основании изложенного, руководствуясь ст. 45, 251 ГПК РФ, прошу: Признать противоречащим федеральному законодательству и недействующим п.11 ст.14 закона Энского края «Об избирательной комиссии Энского края» от 20.02.2007 № 3-ПК в части возможности вступления постановлений избирательной комиссии нормативного характера в силу с момента их принятия.

Просьба, которая формулируется в этом документе, своеобразна для него: она – в предложении прокурора суду признать правильной данную им в заявлении оценку.

Даже анализ двух жанров прокурорского профессионального стиля показывает, что стилевая специфика имеется не только у функциональных стилей, но и у профессиональных. Прокурорский стиль в официально-деловом стиле составляет специфическую речевую системность, предопределенную коммуникативным статусом прокурора в правоохранительной системе государства и характеризуется контрастностью в передаче смысловых отношений в текстах. Этот стиль реализуется в своей системе речевых жанров, построение которых также определяется законодательными актами, регулирующими деятельность прокуратуры Российской Федерации.

Выводы. Наше исследование показало продуктивность целого ряда утверждаемых в стилистике идей: интегративной концепции стиля, деятельностного характера стиля, в том числе жанрового.

Деятельностный подход к определению официально-делового стиля, формирующегося в правовой сфере общения, позволяет выделить в рамках функционального стиля его разновидности – стили профессиональные, которые выражаются в своеобразной манере строить тексты, направленные на выполнение профессиональных задач.

Профессиональный прокурорский стиль включает тексты трех групп – предписывающие, ходатайствующие и уведомляющие. Каждая группа включает ряд речевых жанров, в которых выражается предписание как обязывание, ходатайство как рекомендация или просьба по устра-

нению нарушений закона или предупреждению нарушений и, наконец, уведомление как информирование о надзорных действиях. Все жанры составляют систему речевых моделей, использование которых дает возможность прокурорам выполнять свои профессиональные обязанности.

Спецификой прокурорского стиля являются контрастно-аналитическое изложение фактических обстоятельств дела, модальность возражения, нормативно-правовая оценочность и корректирующая императивность. Для текстов этого стиля особенно характерно выражение правовой оценки чужих смысловых позиций, т.е. взаимодействия смысловых позиций субъекта речи (прокурора) и «третьих» лиц. Отсюда – активное использование ссылок, средств, выражающих причинно-следственные смысловые отношения.

В каждом речевом жанре для достижения той или иной профессиональной интенции воплощаются речевые интеракции, которые создаются использованием языковых средств разных уровней. Иными словами, речевой жанр организуется своеобразной речевой системностью, позволяющей передать востребованные правовой ситуацией смыслы.

Речевые жанры в профессиональном стиле воплощают все специфические для официально-делового стиля черты – императивность, безличностность изложения, точность, стандартизованность. Однако необходимость передачи языковыми средствами специфической для каждого жанра последовательности речевых интреакций выступает основой формирования уже своеобразного для каждого жанра стиля.

Полагаем, что аналогичным образом может быть описана система речевых жанров и других профессиональных стилей делового функционального стиля – адвокатского, нотариального, полицейского и т.д.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Автор и герой. К основам гуманитарных наук. СПб., 2000.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.

Дускаева Л.Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение, Журналистика. 2012. № 2. С. 253–260.

Дускаева Л.Р. Стилистический интент-анализ как вектор изучения речевых разновидностей // Медиалингвистика. 2013. Т. 1. С. 81–91.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977.

Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. *Стилистика русского языка*. М., 2008.

Малиновская Е. *Официально-деловой стиль – его статус, особенности и категории // Стилистика как речеведение*. М., 2013.

Прокурорский надзор / под ред. Ю.Е. Винокурова. М., 2005.

Салимовский В. А. *Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст)*. Пермь, 2002.

Chehova M., Chloupek J., Krčmova M., Minařova E. *Současna česka stylistika*. Praha, 2003.

Gajda S. *Stan współczesnej stylistyki a synteza stylistyczna, Synteza w stylistyce słowianskiej*. Opole, 1991.

Gajda S. *Język administracyjno-prawny w perspektywie językoznawczej i prawoznawczej. Język – prawo – społeczeństwo* / red. E. Malinowska. Opole, 2004.

Mistrik J. *Štylistika*. Bratislava, 1997.

Przewodnik po stylistyce polskiej / red. n. St. Gajda. Opole, 1995.

References

Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov. Avtor i geroj. K osnovam gumanitarnykh nauk* [The problem of speech genres. The author and the hero. To the basis of the humanities]. St. Petersburg, 2000.

Duskaeva L.R. *Dialogicheskaja priroda gazetnykh rechevykh zhanrov* [Dialogic nature of speech genres] Perm. 2004.

Duskaeva L. R. *Intentsional'nost' rechevoj dejatel'nosti zhurnalista: ontologija i struktura* [Intentionality of a journalist's speech activity: ontology and structure]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta* [Vestnik of Saint-Petersburg University. Series 9: Phi-

lology. *Asian Studies. Journalism*]. Iss. 2. 2012. P. 253–260.

Duskaeva L. R. *Stilisticheskij intent-analiz kak vektor izuchenija rechevykh raznovidnostej* [Stylistic intent-analysis as a vector in the study of speech varieties]. *Metalingvistika* [Metalinguistics], 2013. Vol. 1. P. 81–91.

Kozhina M. N. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. М., 1977.

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V.A. *Stilistika russkogo jazyka* [Stylistics of the Russian language]. М., 2008.

Malinovskaya E. *Ofitsial'no-delovoj stil' – ego status, osobennosti i kategorii* [Official-business style - its status, characteristics and categories]. *Stilistika i rechevedenie* [Stylistics as the study of speech]. М., 2013.

Prokurorskiy nadzor [Public Prosecutor's supervision]. Ed. by J. E. Vinokurov. М., 2005.

Salimovsky V. A. *Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in terms of their functions and stylistics (academic text)]. Perm, 2002.

Chehova M., Chloupek J., Krčmova M., Minařova E. *Současna česka stylistika*. Prague, 2003.

Gajda S. *Stan współczesnej stylistyki a synteza stylistyczna, Synteza w stylistyce słowianskiej*. Opole, 1991.

Gajda S. *Język administracyjno-prawny w perspektywie językoznawczej i prawoznawczej. Język – prawo – społeczeństwo*. Ed. by E. Malinowska. Opole, 2004.

Mistrik J. *Štylistika*. Bratislava, 1997.

Przewodnik po stylistyce polskiej / Red. n. St. Gajda. Opole, 1995.

PROSECUTORIAL PROFESSIONAL STYLE: STYLISTIC FEATURES AND SPEECH GENRES

Liliya R. Duskaeva

Professor in the Department of Speech Communication
Saint Petersburg State University

Basing on the integrative concept of style, developed in the works by Professor Stanisław Gajda, the author of the article argues the distinction of the prosecutorial professional style as a speech variety of the official style, which is realized in a system of prescribing, requesting and informing genres. The analysis of the internal differentiation of the Russian prosecutorial professional style shows that, along with stylistic features common to the official macro style, this professional style has special traits – comparative juridical assessment and contrary relations of semantic positions, – which are expressed in each speech genre in a specific way. The stylistic and speech analysis of two genre models – the protest and application – demonstrates that they follow typical algorithms of prosecutors' professional speech activity. The study shows that the professional style of prosecutors represents one of the types of speech activities in the juridical field.

Key words: praxeology; professional style; speech genres; speech interaction.

УДК 811.112

АРХИТЕКТОНИКО-РЕЧЕВЫЕ ФОРМЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МЕТАСЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ирина Алексеевна Шипова

к. филол. н., профессор кафедры немецкого языка факультета иностранных языков
Московский педагогический государственный университет
119571, Москва, пр. Вернадского, 88. schipowa@mail.ru

В данной статье нарративный художественный текст предлагается рассматривать как метасемиотическое пространство, знаки в котором носят формализованный характер. Дается краткая характеристика метасемиотики как направления семиотических исследований. Различные виды передачи персонажной речи в художественном тексте представляются как архитектурно-речевые формы повествования (монолог или диалог). Они трактуются как инвентарные элементы метасемиотической системы, т.е. знаки со своими означающими и означаемыми. Означающие функционируют как формализованные текстовые элементы, служащие для выражения соответствующих смыслов, которые отражают различные виды персонажной речи: прямой, косвенной, несобственно-прямой, пересказанной и внутреннего монолога. Все эти виды составляют оппозицию речи автора. Несобственно-прямая речь, совмещающая авторскую и персонажную речь, представлена как разновидность персонажной речи с соответствующими прагматическими интенциями. Метасемиотическое пространство нарративного художественного текста строится посредством чередования композиционно-речевых и архитектурно-речевых форм повествования, а их координационные и субординационные отношения создают композицию и сюжет художественного произведения.

Ключевые слова: знак; метасемиотическое пространство нарративного художественного текста; прямая речь; косвенная речь; несобственно-прямая речь; внутренний монолог.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-59-65

Основоположителем семиотического направления в науке считается Ч.С. Пирс (1839–1914), который не только дал ему название, но и определил понятие знака, предложив соответствующую классификацию. Ч. Моррис, включивший семиотику в 1938 г. в энциклопедию знаний, писал: «...отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика – это наука в ряду других наук, а с другой стороны – это *инструмент наук*» [Моррис 2001: 46]. Данное положение предполагает, что во многих случаях семиотика представляет собой не только научное направление, но и метод, подход к науке, в основе которого лежит понятие знаков, позволяющее развернуть их в знаковые системы, наблюдать и анализировать процессы, происходящие на их базе в определенных семиосферах. Ю.М. Лотман в своем труде «Семиотика культуры и понятие

текста» пишет о двух тенденциях в динамике развития семиотики: одна из этих тенденций определяется как исследование семиотического функционирования реального текста и обозначается как собственно семиотика, другая названа им как стремление к созданию метасемиотики, объектом исследования которой становятся модели текстов, материализация структурных законов языка [Лотман 1992: 129]. Говоря о метасемиотике, следует обратиться к понятию метатеории, которая изучает синтаксические, семантические, прагматические и логические (специальные правила вывода) свойства систем с формализованным языком... [НФС 1997: 417]. Это, в свою очередь, предполагает, что объектом её исследования оказывается не столько содержание объекта, сколько его формальные свойства [ФЭС 2004: 498]. Таким образом, метасемиотика текста рас-

смачивает определенный тип текста с позиции составляющих его формализованных элементов определенной семантики, вступающих друг с другом в синтагматические отношения, приобретающие в соответствующем контексте некие прагматические свойства и служащие основой моделирования текстов данного типа.

Поскольку текстовые системы весьма разнообразны, то их неоднородность, наличие в некоторых типах текстов одних структурных элементов и их отсутствие в других, невозможность разработки единообразных приемов анализа при исследовании текстов различной направленности требуют их ограничения каким-либо одним образованием. В связи с этим мы ограничиваем данный материал нарративным художественным текстом (далее – НХТ), который был и остается самым распространенным среди жанрового многообразия художественных текстов. В отличие от традиционного лингвостилистического анализа, где предметом исследования выступают образные средства языка и достигаемый с их помощью эстетический эффект как результат их воздействия на адресата, метасемиотический анализ позволяет выделить структурно-семантические свойства и прагматическую направленность формализованных элементов НХТ, определив их место и значимость в текстовом пространстве. Семантическое пространство НХТ организуется благодаря построению содержательных связей, отражающих фиктивный (воображаемый) мир фикциональной реальности. Техники композиционного структурирования НХТ, многократно и успешно исследованные и проанализированные в рамках филологических дисциплин, показывают, что компоненты, из которых строится данный тип текста, образуют определенную замкнутую систему, носящую знаковый характер. В качестве знаков выступают фрагменты текста, отражающие в языковой форме некие прототипические ситуации внеязыковой действительности, имеющие признаки формализованности на уровне семантики, функционирующие в данной системе по законам синтагматической совместимости друг с другом и служащие средством реализации прагматической интенции продуцента текста. Таким образом, означающие в НХТ представляют собой элементы семиотической реальности, имеющие соответствующие означаемые в онтологической реальности [Соломоник 2006: 48], реализуемые и воспринимаемые в языковых характеристиках текста на всех его уровнях. Лексический уровень отражает тематический план повествования и формы его композиционно-речевой презентации. Грамматическое оформление представляет тип повествовательной

перспективы нарративного текста (например, наличие личных местоимений для обозначения повествователя или их отсутствие), синтаксис передает ритмику текста, влияя на степень его экспрессивности, включенности персонажей в процесс изображения художественного мира. Поскольку НХТ создается и воспринимается как некое коммуникативное пространство, функционирующее по особым законам художественного слова, а его элементы вступают во взаимодействие друг с другом, подчиняясь правилам смыслообразования в наррации, мы рассматриваем текст данного типа как метасемиотическое пространство со своим набором метазнаковых (т.е. свойственных данной системе) элементов.

НХТ отличается от других художественных текстов тем, что отражает реальность бытия; и хотя по своей сути он всегда остается неким вымыслом, читая романы, повести, рассказы, читатель размышляет над проблемами человеческого существования, переживая конкретные судьбы людей, кажущиеся реальными. Заложено в таких произведениях содержание имеет свою структуру – многочисленные исследователи НХТ выявили ряд типичных для неё элементов, имеющих признаки формализованного языка. Это, прежде всего, композиционно-речевые формы (далее – КРФ) повествования, составляющие в основном авторское изложение, имеющие типизированные лингвистические черты на семантическом и синтаксическом уровнях, выполняющие конкретные прагматические задачи. Неотъемлемой частью данного пространства являются также архитектурно-речевые формы (далее – АРФ), традиционно подразделяемые на монолог, диалог и полилог [Брандес 2004: 119]. КРФ как «сложные функциональные текстово-речевые единства, структурирующие мысль, упорядочивающие её развитие и придающие ей целостность и законченность» [ИХТ 1989: 74], представлены единицами ментального формализованного языка в виде *сообщения, описания и рассуждения* и отличаются принципиально разным языковым оформлением [Брандес 2004: 119]. Каждая из КРФ соотносима с неким референтом во внеязыковой действительности и в общих чертах отражает подобный ей когнитивный процесс мыслительно-речевой деятельности. То же самое относится и к АРФ, которые реализуются в виде *чужой речи*, т.е. в виде включенных в авторское изложение высказываний персонажей. Они выделяются на фоне авторской речи и придают ей разнообразные стилистические оттенки [там же: 108]. Виды передачи чужой речи имеют также формализованные черты и входят в систему метазнаковых элементов, оп-

ределяющих содержательное и композиционное своеобразие НХТ. АРФ распознаются не только благодаря устоявшимся способам их введения в НХТ, их признаков в виде определённой семантики включенных в них высказываний, но и за счет разнообразных формальных маркеров. В авторском повествовании чужая речь актуализируется в виде прямой, косвенной, несобственно-прямой, пересказанной речи или как внутренний монолог. Отметим, что в других типах текстов АРФ не имеют столь разнообразных форм и проявлений и не решают столь сложные прагматические задачи, как это происходит в НХТ.

КРФ и АРФ представляют собой текстообразующие элементы НХТ, разнообразие их форм порождает множество ассоциативных связей, базой для которых является способность реципиента узнавать в прототипических ситуациях *сообщения, описания и рассуждения, в монологах и диалогах* повествования знаково-символические соответствия с внеязыковой действительностью, сопоставлять их с пространственно-временными параметрами коммуникативной ситуации и преобразовывать их в смыслы идейно-художественного уровня. Данные элементы кодируют денотативное содержание НХТ, дополняя его в контексте повествования необходимыми коннотациями. АРФ предполагают имитацию коммуникации персонажей, выступая её отражающими знаками, «определёнными» автором в процессе текстопроизводства. Они представляют собой важный композиционно-содержательный элемент структуры НХТ и, как правило, не заменяют КРФ. АРФ также влияют на общее смыслообразование текста благодаря тому, что в сознании его реципиента как носителя кодифицированного литературного языка сформирована ментальная коммуникативная пресуппозиция с определёнными формами существования языка, с набором языковых средств их употребления и установления корреляции между ними [Антропова 2013: 8].

Прямая речь представляет собой своего рода «окно» в ситуацию непосредственного общения [Zifonun, Hoffmann, Strecker 1997: 1755] с сохранением содержания и формы сказанного. Благодаря этому читатель погружается в фикционально созданный мир, становится сопереживающим свидетелем непосредственного процесса коммуникации, воспринимая её содержание *de dicto* (т.е. в виде репортажа). Прямая речь передает все особенности живой речи как на лексическом (через предпочтения в словарном составе), так и на грамматическом уровне (в виде синтаксической формы предложения: эмфатического словоупорядка, наличия вокативов, формализованных

приветствий, признаков выраженной экспрессии [ibid.: 1759]; использования разного рода частиц, модальных слов, междометий и т.п.). Художественный текст позволяет также косвенно через графические средства и комментарии передать просодические характеристики коммуникации. Прагматическая интенция метазнаков прямой речи может состоять в передаче определенного эмоционального состояния персонажа, его отношения к представленной в повествовании ситуации, служить средством создания идейно-художественного образа говорящего.

Косвенная речь свойственна не всем типам текста [ibid.: 1757], она позволяет определённым образом отступить от содержания оригинального высказывания, сместить акценты в сторону, отвечающую интересам автора текста. С помощью глаголов, вводящих косвенную речь, или изменения порядка слов в предложении адресант может имплицитно или эксплицитно давать оценку сказанному, обращая внимание адресата на те детали, которые в оригинальном высказывании не воспринимались бы с должной очевидностью. В то же время в содержательном плане пропозиция исходного высказывания должна сохраняться неизменной. Косвенная речь – важный компонент текста с точки зрения его стратегии, предполагающий использование чужой речи в виде её интерпретации (*de re*) в противовес варианту *de dicto* [Гундарева, Кострова 2005: 34]. Как метазнаковый элемент НХТ она также может быть способом формирования характеристики героя через его опосредованное высказывание, а также через передачу им слов другого лица. Комментируя косвенную речь, автор имплицитно передает своё отношение к персонажу или дистанцируется от него. В результате косвенную речь можно рассматривать как средство отражения внутритекстовых отношений на уровне параллелей: персонаж – персонаж, персонаж – автор, а также на уровне автор – читатель, поскольку с её помощью продуцент текста направляет внимание реципиента на ту позицию и тем способом, который важен для формирования интереса последнего к повествованию.

Текст романа Клауса Манна «Мефистофель» (1936) позволяет проследить, как АРФ в виде фрагментов (1) и (2), вписанных в авторское повествование как элементы-знаки структуры НХТ, отражают возможные прототипические ситуации внеязыковой действительности и благодаря свойствам включенных в них языковых единиц раскрывают глубинные смыслы повествования.

(1) «Ist es nicht ein wunderschönes Fest!» *rief* die umfangreiche Gattin eines rheinischen Waffenfabrikanten der Frau eines südamerikanischen Diplomaten

zu. «*Ach, ich amüsiere mich gar zu gut! Ich bin so glänzender Laune, und ich wünschte mir, dass alle Menschen in Deutschland, und überall, glänzender Laune würden!*» [Kl. Mann 1986: 10].

Пример (1) иллюстрирует введение прямой речи в НХТ с помощью кавычек. Передача просодических характеристик речи персонажа происходит за счет её введения глаголом *zurufen* – *громко крикнуть* и за счет синтаксического оформления высказываний: риторический вопрос в начале прямой речи заканчивается восклицательным знаком, повтор элементов и междометия свидетельствуют о восхищении событием. Данное монологическое высказывание встраивается в контекст описания праздника по случаю дня рождения премьер-министра правительства фашистской Германии. Речь персонажа – супруги владельца военного завода – отражает не только восторженное отношение к празднику, но и идеологическую позицию представителей немецкого высшего общества тех лет. Она манифестируется в экспрессивных единицах языка и характеризует прототипическую коммуникативную ситуацию, которая в данном контексте носит знаковый характер.

Фрагмент (2) демонстрирует имплицитно выраженное отношение автора текста к информации, представленной в косвенной речи:

(2) *In schwärmerischen Tönen schilderte der Brief den überlegenen Charme, die Klugheit, Sanftmut und Würde der Lindenthal. Man durfte - nach Angelikas Meinung – sicher sein, dass diese herzensgute und liebevolle Dame ihren mächtigen Freund in jeder Hinsicht auf das günstigste beeinflussen werde* [ibid.: 205].

В (2) чрезмерно высокая оценка актрисы Лотты Линденталь – подруги премьер-министра, известной своей бездарностью и недалеким умом, – данная в письме Анжелиной Зиберт, маркируется использованием презентного конъюнктива. Так автор дистанцируется от написанного, явно не разделяя данных персонажем оценок. В контексте повествования это важный сюжетный момент, актуализирующий три смысловые позиции: персонажа, автора и протагониста, который должен принять решение о возвращении в нацистскую Германию. Метасмысловая нагрузка данного фрагмента-знака в тексте дает читателю возможность спрогнозировать развитие событий и определенным образом их оценить. Таким образом, совмещение семантики лексических и грамматических элементов фрагмента (2) позволяет автору включить в повествование метазнак в виде косвенной речи и заложить в него таким образом необходимый метасмысл.

АРФ может реализовываться в НХТ в виде

несобственно-прямой речи, выделяемой в типологии повествовательных форм Е.В. Падучевой как несобственно-прямой дискурс [Падучева 1995: 339]. Она формируется на основе слияния перспектив автора и персонажа, к тому же она особым образом взаимодействует с сюжетной линией повествования и отличается набором специфических лингвопрагматических признаков. От авторского повествования её отличает прономинальная транспозиция, темпоральный сдвиг, особенности модально-прагматического и синтаксического аспектов [Омелькина 2007: 8–9]. Несобственно-прямая речь является совмещением объективного авторского плана и субъективного плана персонажа при их относительном равновесии [ИХТ 1989: 107]. Это ещё один элемент НХТ, который обладает метасмыслом, поскольку позволяет передать мысли протагониста и дать им имплицитную оценку.

(3) Auch hieran *hatte* Hendrik schon *gedacht*. Der Rausch *seiner* Verliebtheit, der anhielt – oder von dem *er* doch gern glauben wollte, dass *er* dauerhaft sei –, vermochte Erwägungen kühlerer Art nicht ganz zu verdrängen. Geheimrat Bruckner war ein großer Mann, auch nicht arm; die Verbindung mit seiner Tochter würde Vorteile bringen, neben allem Glück. – Hatte Nicoletta recht mit ihren zynischen und dezidierten Reden? Erwog Barbara die Möglichkeit einer Verbindung mit Hendrik Höfgen? Wie weit ging ihr Interesse an ihm? War es nicht nur spielerischer und oberflächlicher Natur? Ihr Madonnengesicht mit dem spitzbübischen Zug war undurchschaubar. Nichts verriet ihre von goldenen Tönen gesättigte, tiefe, klingende Stimme. Was aber verrieten ihre forschenden Augen, die so oft mit Neugier, mit Mitleid, Freundschaft, vielleicht mit Zärtlichkeit auf Hendrik gerichtet waren? [Kl. Mann 1986: 94].

Фрагмент (3) представляет собой сращение авторского повествования и мыслей главного героя романа. Позиция автора ни в коей мере не может совпадать с персонажной, что понятно каждому читающему роман «Мефистофель». Несобственно-прямая речь позволяет раскрыть скрытые интересы протагониста, существенно обогащая таким образом сюжетную линию произведения. Прономинальная транспозиция типичного для прямой речи 1-го лица ед.ч. в 3-е лицо ед.ч. (*er* /*seiner*), возникновение плюсквамперфекта как отсылка ко времени возникновения идеи о выгодной женитьбе, предшествующему моменту речи, синтаксическая трансформация повествования в вопросный комплекс – данные языковые характеристики иллюстрируют особенности и прагматические возможности несобственно-прямой речи как метазнака в НХТ, с по-

мощью которого автор вскрывает суть образа персонажа.

Значимая разновидность АРФ – внутренний монолог – представляет собой сложную форму одностороннего речевого общения индивида с самим собой, посредством которого фиксируются результаты внутреннего мыслительного процесса и для которого характерно единство темы [Сергеева 2006: 6].

(4) ‚Wo bin ich nur?‘ dachte der junge Herr – er kam aus einem der skandinavischen Länder – ‚Der Ort, an dem ich mich befinde, ist ohne Frage sehr lieblich und verschwenderisch ausgestattet; dabei aber auch etwas grauenhaft. Diese schön geputzten Menschen sind von einer Munterkeit, die nicht gerade vertrauenerweckend wirkt. Sie bewegen sich wie die Marionetten – sonderbar zuckend und eckig. In ihren Augen lauert etwas, ihre Augen haben keinen guten Blick, es gibt in ihnen soviel Angst und soviel Grausamkeit‘ [Kl. Mann 1986: 8].

Фрагмент (4) как внутренний монолог отличается от прямой речи только его введением глаголом *denken* (думать), что, с одной стороны, оставляет без изменений языковое и графическое (речь взята в одинарные кавыки) оформление текста, а с другой – демонстрирует, что подобные речи в Третьем рейхе были непозволительны даже для представителей иных государств. Оформляя подобное высказывание в виде внутреннего монолога, автор выражает собственную идеологическую позицию относительно фашистской диктатуры в Германии и противопоставляет её позиции, выраженной в (1). Таким образом он решает важную прагматическую задачу в рамках повествования: АРФ позволяют Кл. Манну создать типологический портрет эпохи, выраженный различными видами передачи персонажной речи, каждый из которых распознается реципиентом текста за счет сформированной в сознании реципиента текста ментальной коммуникативной пресуппозиции с определенным набором языковых средств семантической и синтаксической направленности, реализующих необходимую автору прагматическую интенцию.

Наконец, пересказанная речь лишь с оговорками может быть определена как вид АРФ, так как она представляет собой передачу чужого высказывания в сокращенной форме, ограниченную перечислением пропозиций, названием темы и т.п. [Брандес 2004: 123].

(5) Frau von Herzfeld hatte Hendrik *aufgefordert*, noch eine Tasse Kaffee mit ihr zu trinken [Kl. Mann 1986: 49].

(6) Die Ausländer, die sich eine Woche in Berlin und einige Tage in der Provinz aufhielten – englische Lords, ungarische Journalisten oder italienische

Minister –, *rühmten* die tadellose Sauberkeit und Ordnung, die ihnen auffiel im erniedrigten Lande [ibid.: 317].

Однако примеры (5) и (6) показывают, что пересказанную речь не следует игнорировать как незначимый элемент текста, поскольку она может не только быть малосущественным дополнением к повествованию, как в (5), но и, передавая суть пропозиции, влиять на содержание НХТ, как в (6), положительно или отрицательно его коннотируя.

Виды передачи чужой речи как единицы текста носят формализованный характер, поскольку они выделяются на общем фоне повествования за счет ряда типичных языковых черт и формальных маркеров. Мы считаем правомерным рассматривать их как метазнаки замкнутой структуры НХТ, которые вписываются в его метасемиотическое пространство и, в некотором смысле, составляют оппозицию КРФ, обычно представляющим авторскую речь. Наряду с композиционно-речевыми формами повествования АРФ выступают как формальные элементы презентации наррации [Жиличева 2014: 138], благодаря которым читатель может видеть изображаемые события в перспективе говорящего. Языковые особенности форм передачи чужой речи существенно влияют на восприятие текста, позволяют автору реализовать такие прагматические задачи, как характеристика персонажа, выражение его эмоционального состояния или его идейной позиции в контексте наррации. Метасемиотическое пространство НХТ строится посредством чередования КРФ и АРФ, а их координационные и субординационные отношения создают композицию и сюжет художественного произведения [Щирова, Гончарова 2007: 235].

На наш взгляд, рассматривая структурные элементы НХТ с позиции метасемиотического подхода, исследователь невольно проводит многофакторное исследование языковой действительности, которое способствует, по мнению С. В. Шустовой, выявлению системной множественности функциональных свойств единиц языка [Шустова 2010: 38].

Список литературы

Антропова Л.И. Вариативность языковой нормы // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2013. № 35(326). С. 8–10.

Брандес М.П. Стилистика текста. Теоретический курс. М.: Прогресс-Традиция; ИНФРА-М, 2004. 416 с.

Гундарева У.С., Кострова О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточ-

ным объектным). Тольятти: ТТУ, 2005. 130 с.

Домашнев А.И., Шишкина И.П., Гончарова Е.А. Интерпретация художественного текста: Немецкий язык: учеб. пособие. М.: Просвещение, 1989. 208 с.

Жиличева Г.А. Способы риторической индексации нарративной стратегии (на материале романов К. Вагинова и Б. Пастернака) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2. С. 134–140.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. 896 с.

Омелькина О.В. Несобственно-прямая речь как лингвопрагматическая категория (на материале немецкоязычной прозы): дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2007. 150 с.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Известия РАН. Сер. лит. и языка. 1995. Т. 54, № 3. С. 39 – 48.

Сергеева Ю.М. Эволюция стилистического приема «внутренняя речь» в английской художественной литературе. М.: Готика, 2006. 220 с.

Соломоник А. Парадигма семиотики: очерки по общей семиотике. Минск: МЕТ, 2006. 335 с.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. М.: Флинта; Наука, 2004. 253 с.

Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Кн. дом, 2007. 472 с.

Шустова С.В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Пермь: ПГУ, ПСИ, 2010. 248 с.

Mann Kl. Mephisto. Berlin; Leipzig: Aufbau-Verlag, 1986. 340 S.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. Grammatik der deutschen Sprache. Berlin; New-York: Walter de Gruyter, 1997. 2500 S.

References

Antropova L.I. Variativnost' jazykovej normy [Variability of language norm]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk state university bulletin]. 2013. Iss. 35(326). P.8–10.

Brandes M. P. *Stilistika teksta. Teoreticheskiy kurs* [Stylistics of text. Theoretical course]. Moscow,

Progress-Traditsija Publ.; INFRA-M Publ., 2004. 416 p.

Gundareva U.S., Kostrova O.A. *Semiotika kosvennosti v nemetskom jazyke* (na materiale slozhno-podchinennykh predlozhenij s pridatochnym ob'ektnym) [Semiotics of indirectness in the German language (a case study of complex sentences with a subordinate objective)]. Tolyatti: TTU Publ., 2005. 130 p.

Domashnev A.I., Shishkina I.P., Goncharova E.A. *Interpretatsija khudozhestvennogo teksta: Nemetskij jazyk. Uchebnoe posobie* [Interpretation of literary text: the German language. Study guide]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1989. 208p.

Zhilicheva G.A. Sposoby ritoricheskoy indeksatsii narrativnoj strategii (na materiale romanov K. Vaginova i B. Pasternaka) [Methods of rhetorical readjustments of narrative strategy (a case study of K. Vaginovs and B. Pasternak's novels)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss.2. P. 134 – 140.

Lotman Ju.M. *Semiotika kul'tury i ponjatie teksta. Izbrannye stat'i* [The semiotics of culture and the concept of text. Selected articles]. Vol. 1. Tallinn, 1992. P. 129–132.

Morris Ch. W. Osnovaniya teorii znakov [Basis for the theory of signs]. *Semiotika: Antologija* [Semiotics: Anthology]. Comp. by. Ju. S. Stepanov. 2nd ed., corrected and completed. Moscow, Akademicheskij projekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaja kniga Publ., 2001. P. 45 – 97.

Novejshij filosofskij slovar' [The latest philosophical dictionary]. Ed. by A.A. Gritsanov. Minsk, V.M. Skakun Publ., 1998. 896 p.

Omel'kina, O. V. *Nesobstvenno-prjamaja rech' kak lingvopragmaticheskaja kategorija* (na materiale nemetskojazychnoj prozy) [Experienced speech as a linguopragmatic category (a case study of German prose). Cand. philol. sci. diss.]. Samara, 2007. 150 p.

Paducheva E.V. V.V. Vиноградов i nauka o jazyke khudozhestvennoj prozy [V.V.Vinogradov and the science about the language of artistic prose]. *Seriya literatury i jazyka* [Series of literature and language]. Vol. 54. Iss. 3. 1995. P. 39 – 48.

Sergeeva Ju.M. *Evoljutsija stilisticheskogo priema «vnutrennjaja rech'» v anglijskoj khudozhestvennoj literature* [Evolution of the stylistic method “internal speech” in English fiction]. M., Gotika Publ., 2006. 220 p.

Solomonik A. *Paradigma semiotiki: ocherki po obshhej semiotike*. [Paradigm of semiotics : essays on general semiotics]. Minsk, MET Publ., 2006. 335 p.

Solganik G.Ja. *Stilistika teksta* [Stylistics of text]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2004. 253 p.

Filosofija: entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophy: encyclopedic dictionary]. Ed. by A.A. Ivina. Moscow, Gardariki Publ., 2004. 1072 p.

Shhirova I.A., Goncharova E. A. *Mnogomernost' teksta: ponimanie i interpretatsija* [Multidimensionality of text: understanding and interpretation]. St. Petersburg, Izd-vo Knizhnyj dom Publ., 2007. 472 p.

Shustova S.V. *Funktsionalnye svojstva kausativnykh glagolov: dinamicheskij podhod* [Functional properties of causative verbs: dynamic approach]. Perm, Perm State Univ., Prikamye Social Institute Publ., 2010. 248 p.

Mann Kl. *Mephisto*. Berlin, Leipzig, Aufbau-Verlag, 1986. 340 p.

Zifonun G., Hoffmann L., Strecker D. *Grammatik der deutschen Sprache*. Berlin, New-York, Walter de Gruyter, 1997. 2500 p.

ARCHITECTONIC SPEECH FORMS OF NARRATION AS A COMPONENT OF METASEMIOTIC SPACE IN GERMAN FICTION TEXTS

Irina A. Shipova

Professor in the Department of German language
Moscow State University of Education

Narrative fiction text is considered in this article to be metasemiotic space in which different forms of characters' speech are regarded as architectonic speech forms of narration (monologue or dialogue). Different types of speech are treated as signs with signifiers and signified. Signifiers function as formalized text elements which serve to express the corresponding ideas conveyed by various kinds of characters' speech: direct, indirect, free indirect speech, retelling and inner monologue. All these kinds oppose to the author's speech. Free indirect speech, which combines the author's and characters' speech, is treated as a kind of characters' speech with the corresponding pragmatic intentions. Metasemiotic space of narrative fiction text is created by means of alternate speech forms of narration (both compositional and architectonic ones), with their coordination and subordination forming the composition and the plot of a literary work.

Key words: sign; metasemiotic space of narrative fiction text; direct speech; indirect speech; free indirect speech; inner monologue.

УДК 81'23:81'246.2

АКТИВНЫЙ ИНОЯЗЫЧНЫЙ ЛЕКСИКОН ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СИТУАЦИИ УЧЕБНОЙ ИГРЫ

Тамара Ивановна Доценко

к. филол. н., доцент кафедры общего языкознания

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

614990, Пермь, ул. Сибирская, 24. tamaradotsenko@bk.ru

Дарья Владимировна Пересторонина

доцент кафедры лингвистики и перевода

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. daria-perestoronina@yandex.ru

В статье на материале англоязычной и смешанной речи детей дошкольного возраста, записанной в игровой учебной ситуации, исследуется активный детский иноязычный лексикон. Его реконструирование ведется в направлении от речевого высказывания к единицам активного лексикона, которые в большей его части соотносимы с единицами учебного англоязычного словаря для детей этого возраста. Активный иноязычный лексикон ребенка-дошкольника характеризуется по нескольким признакам: объему, составу единиц и их вероятностной организации. Его объем включает 344 единицы. Состав активного иноязычного лексикона дошкольника определяется такими лингвистическими единицами, как: слова, составные наименования, речевые клише, конструкции, прецедентные высказывания. Одни из этих единиц несут информацию о картине мира ребенка, другие соотносятся с речевыми отрезками англоязычных текстов, имеющихся в речевом опыте. Вероятностная организация активного иноязычного лексикона дошкольника характеризуется двумя полюсами: фатическим и информациональным. Словарные единицы, организующиеся вокруг каждого полюса, имеют способность перемещаться и взаимодействовать друг с другом, поэтому на общем фоне частотного распределения лингвистических единиц наблюдается следующая тенденция: от прагматических, направленных на коммуникацию, единиц (таких как императив, обращение, формулы речевого этикета) к конструкциям; далее к информативным лексическим единицам и составным наименованиям и, наконец, – к прецедентным высказываниям.

Ключевые слова: иноязычный словарь; активный лексикон; объем иноязычного активного лексикона; единицы активного лексикона; вероятностная организация; игра; дети-дошкольники.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-66-76

Введение. В последние десятилетия многие исследователи обращаются к проблемам ментального (индивидуального) лексикона как «динамической функциональной системы», которая обеспечивает результативность процессов говорения и понимания речи [Залевская 1999: 154]. С проблемой ментального лексикона тесно связана проблема лексикона двуязычного индивида. Современные модели двуязычного лексикона основаны на предположении о том, что два языка представлены в виде единого ментального пространства, а освоение иностранного языка (Я2) происходит при активном участии родного языка

(Я1) [Доценко, Лещенко 2013: 372; Fortescue 2014: 118]. Такая организация двуязычного лексикона позволяет индивиду в разного типа коммуникативно-речевых ситуациях, с одной стороны, не смешивать языки между собой (отграничивать один от другого), а с другой – осуществлять быстрый переход между ними (свободно переключаться с одного на другой) [Доценко, Лещенко 2014: 516]. И в том и другом случае единицы иноязычного словаря становятся функционально активными.

В.Б. Касевич, А.В. Венцов и Е.В. Ягунова, опираясь на идеи Л. В. Щербы об активной и

пассивной грамматике, последовательно разграничивают «словарь, обслуживающий порождение речи, и словарь, обслуживающий восприятие речи», или «словарь для говорящего и словарь для слушающего» [Венцов, Касевич 1998; Касевич, Ягунова 2006]. В психолингвистике словарь говорящего обычно связывается с активным словарным запасом: «совокупностью слов, которые не только понятны человеку, но и свободно используются им в речи» [Матвеева 2010: 13].

В данной статье исследуется активный иноязычный лексикон детей дошкольного возраста, который формируется в специальной ситуации групповых занятий по английскому языку.

В условиях монологической образовательной среды любой иностранный язык усваивается с опорой на учебный словарь. Учебный словарь создается «для оказания помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний» [Морковкин 1990: 9]. Так как учебный словарь, прежде всего, выполняет учебную функцию, то по своему содержанию и структуре он соответствует дидактическим пособиям, которые представляют собой компонент единого учебного комплекса и соотносятся с основными аспектами обучения языку [Быстрова 1978: 4].

Однако «второй язык – не только объект изучения, но и одновременно средство общения, язык преподавания» [Зимняя 2008: 45]. В условиях группового обучения иностранному языку речевая коммуникация происходит как между учителем и ребенком, так и, что особенно важно, между детьми. Речевая коммуникация приводит к взаимному пониманию ее участников и является необходимым условием обучения иностранному языку. Отсюда следует, что вне контекста коммуникативной ситуации невозможно говорить о полноценном усвоении иностранного языка. В связи с этим единицы иноязычного учебного словаря должны обладать ситуативной обусловленностью [Бобоева 2007: 16] и широкой сочетаемостью [Тарабукина 2003]. Сам словарь должен представлять такую лингвистическую систему, которая способна обеспечивать разные типы коммуникативных взаимодействий. Поэтому учебный словарь наряду с лексическими единицами, которые характеризуются широкими сочетательными возможностями, должен включать такие дополнительные единицы, как устойчивые выражения, речевые формулы и модели или конструкции [Бобоева 2007: 16].

В связи с коммуникативной направленностью обучения иностранному языку большое значение приобретает система моделирования множества естественных коммуникативных си-

туаций. Игра как ведущая деятельность детей дошкольного возраста становится не только основным методом обучения ребенка иностранному языку, но и методом моделирования естественных коммуникативных ситуаций – игра выводит ребенка из учебной ситуации в естественную среду, где ребенок выступает активным субъектом речевой и коммуникативной деятельности. Игра становится уже не обучающей, а настоящей игрой, в которой дети говорят на «чужом» языке и осваивают межкультурное общение. В то же время и педагог, и ребенок (как участники игры) осознают игровое начало и в любой момент могут остановить действие и перейти в привычную среду родного языка.

Гипотеза исследования: типовая ситуация игры как метод моделирования естественных коммуникативных ситуаций с ее ориентировочной фазой и установкой на использование английского языка инициирует отбор из формирующегося двуязычного лексикона иноязычных элементов на роль единиц активного словаря. Единицы активного иноязычного словаря, имеющиеся в речевом опыте ребенка, могут соотноситься с учебным словарем и теми англоязычными высказываниями, которые попадают в перцептивное поле ребенка.

Цель нашего исследования – выявить и описать активный англоязычный лексикон детей дошкольного возраста, функционирующий в ситуации игры.

Задачи исследования:

- 1) определить объем активного англоязычного словаря детей дошкольного возраста и сопоставить его с учебным словарем;
- 2) выявить состав единиц активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста;
- 3) описать вероятностную природу англоязычного активного лексикона детей дошкольного возраста.

Метод и материал исследования

С целью максимального охвата единиц англоязычного активного лексикона у русскоязычных детей дошкольного возраста нами были отобраны 9 игр: «Разбуди зайца», «Угадай, что это?», «Лягушки на бревне», «Собери картинку», «В магазине», «Мы идем в зоопарк», «В школьной столовой», «Путешествие», «Я иду в школу». При отборе игр учитывались следующие критерии: 1) соответствие игры интересам и возрасту детей дошкольного возраста; 2) соответствие игры изученному иноязычному материалу; 3) возможность конструирования в игре диалога или диалогизированного монолога.

В играх приняли участие 22 ребенка: 9 детей младшей группы (4–5 лет) и 13 детей старшей

группы (6 лет). Перед началом игры детям сообщались условия игры, одним из которых было говорить на английском языке. Все игры записывались на диктофон и впоследствии расшифровывались. В результате расшифровки звуковых записей было получено 192 текста: 75 текстов – от детей младшей группы и 117 текстов – от детей старшей группы. Из общего количества текстов 67,8% составили смешанные двуязычные тексты и 32,8% – одноязычные. Все дети без исключения продемонстрировали способность к использованию как одного английского языка, так и двух языков: русского и английского. Соотношение одноязычных и смешанных двуязычных текстов на каждом возрастном этапе речевого развития ребенка оказалось одинаковым: 1:2.

Из всей совокупности текстов методом сплошной выборки были отобраны англоязычные единицы, которые соотносились с учебным словарем. Учебный словарь составлялся на базе четырех учебных пособий, используемых при обучении детей английскому языку: «Обучение английскому языку детей 6 лет» [Негневицкая 1992], «Английский язык» [Шалаева 2006], «Английский для дошколят» [Егорова 2008], «First Friends» [Iannuzzi 2009]. В учебный словарь вошли англоязычные слова и выражения, обязательные – по мнению авторов пособий – для усвоения дошкольниками. Объем учебного словаря составил 357 англоязычных единиц. Активный англоязычный словарь детей дошкольного возраста, выявленный из 117 иноязычных и смешанных текстов, составил 344 единицы.

Результаты исследования и их обсуждение

Объем активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста

«Переработка языкового материала в речевой организации человека дает специфические продукты» [Залевская 1999: 35]. Та часть учебного словаря, которая усваивается и попадает в речевой опыт ребенка, становится «достоянием каждого индивида, компонентами его формирующейся языковой системы» [Цейтлин 2015: 9]. Сравнение объема учебного англоязычного словаря (357 единиц) с объемом активного лексикона ребенка-дошкольника (344 единицы) позволяет говорить о том, что активный иноязычный лексикон ребенка не может быть тождествен учебному словарю, так как, с одной стороны, не все единицы учебного словаря усваиваются детьми и становятся частью их языкового опыта, а с другой – в активный словарь ребенка могут попадать и другие англоязычные единицы из *инпут* (речи учителя, речи персонажей мультфильмов и компьютерных игр, из обучающих английскому языку телепередач): *a princess* (5),

fire (3), *lie* (3), *running* (3), *a peach* (1), *London* (1) и др. Объем активного лексикона детей младшей группы составил 301 единицу (на 46 единиц меньше объема учебного словаря). Объем активного лексикона детей старшей группы включает 439 (на 82 единицы больше объема учебного словаря).

Состав активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста

В экспериментальных исследованиях доказано, что основной единицей ментального лексикона является *слово*. 73,5% (253) активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста составили знаменательные и служебные слова: *a bear, beautiful, jump, and, one*. Эти лексические единицы репрезентированы в речи детей различными словоформами. Например, исчисляемые имена существительные в единственном числе могут употребляться детьми без артиклей (*school*), и, наоборот, неисчисляемые существительные встречаются с артиклем (*a water*). К существительному во множественном числе может быть добавлен артикль (*a mittens*). Вместо глагола может быть представлена глагольная форма (*running* вместо *run*). Отрицательная форма может иметь как англоязычный, так и русскоязычный аффикс (*untasty, ne sing*). Данные примеры говорят о процессе становления в языковой способности детей дошкольного возраста англоязычной словоформы, поэтому в лексикографическом варианте активного словаря вместе со словарным словом фиксируются и его грамматические формы, используемые детьми: *a frog (frog, frogs)* (см. рис. 2).

В ментальном лексиконе любое слово существует не изолированно, а связано с другими словами в единой ассоциативно-вербальной сети, из чего следует, что в значение слова «встроена» информация о его сочетаемости. Поэтому индивид, вступая в коммуникацию, пользуется не столько отдельными словами, сколько воспроизводимыми сочетаниями слов, которые являются кандидатами на роль единиц активного лексикона. В качестве таких единиц выступают составные наименования, речевые клише, грамматические конструкции и прецедентные высказывания. Все они являются устойчивыми и потому воспроизводятся в речи как готовые целостные единицы. Рассмотрим подробнее эти неэлементарные единицы.

Составные наименования (phrasal verbs) – это единая семантически неделимая единица английского языка, представляющая собой устойчивое сочетание глагола с последующим адвербиальным послелогом или частицей [Голубкова 2012: 48], которая широко используется в разговорной

речи: *wake up, stand up, seat down*. В англоязычном активном лексиконе ребенка так называемые фразовые глаголы составили 0,9% (3). Уникальность фразовых глаголов английского языка состоит в том, что они совмещают в себе признаки слова и словосочетания: идиоматичность значения – с одной стороны, и их раздельнооформленность – с другой [Белая 1995: 182].

Грамматические конструкции. Термин встречается в «конструкционной грамматике» Ч. Филлмора и П. Кэя [Fillmore, Kay 1992]. Конструкции, как правило, «запоминаются», «связываются в семантические сети, наследуя свойства друг друга», и «воспроизводятся целиком» [Fillmore et. al 1988: 54; Langacker 2005: 158; Рахилина 2010: 22, 59]. Особенностью конструкций является то, что они связывают лексику и грамматику, функционируют как единое целое и накладывают ограничения на потенциальных участников самой конструкции [Рахилина 2010].

Результаты экспериментальных исследований, проведенных А. Голдберг, показывают, что дети способны усвоить некий фразовый шаблон и соотнести его с определенной предикативной семантикой, не пользуясь при этом информацией о значении глагола [Goldberg 1995: 64]. М. Томаселло отмечает, что дети могут усвоить неизвестную им конструкцию, понять ее значение и в дальнейшем правильно ее употреблять в речи [Tomasello 2003: 106]. По-видимому, усвоение и употребление конструкций, которые задаются типичной референтной ситуацией, приводит к тому, что ребенок способен соотнести конструкцию с лексической единицей и сконструировать на ее основе новое высказывание.

По своей природе конструкции неоднородны: они различаются степенью жесткости и закрепленностью определенных лексем [Ягунова, Пивоварова 2011: 2]. В конструкции имеется стабильная и конструируемая части, т. е. конструкции строятся из «родительских» и «дочерних» элементов, отношения между которыми не фиксированы жестко, а могут свободно комбинироваться в предложении [Fillmore et. al 1988: 501]. Так как конструкции подвижны, то их всегда можно продолжить: *I see...; I have...; Let's...*; одну часть конструкции можно заменить другой, например: вместо *little green frogs* употребить *little grey cats*; части конструкции можно переставить местами, например: *give me, please* и *please, give me*. Количество конструкций, активно используемых в англоязычной речи детьми, составляет 13,1% (45).

Речевые клише представляют собой «семантически связанные сочетания слов <...>, которые не производятся в соответствии с общими

закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-семантического состава» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 559]. Речевое клише «объединяет в себе обороты как номинативного, так и коммуникативного характера. Оно отражает такие специфические характеристики данных образований, как узуальность, устойчивость, воспроизводимость в готовом виде, ситуативную обусловленность [Бурунский 2009: 3]. Как правило, в активном лексиконе детей дошкольного возраста речевые клише являются этикетными фразами, например: *Good morning; I am fine; What is your name?* Общее количество клише в активном лексиконе составляет 9,3% (32).

Прецедентные высказывания – это «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентным высказыванием может быть: 1) цитата (в том числе и трансформированная); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста» [Гудков 2003: 107]. Источником прецедентных высказываний в иноязычной детской речи являются считалки, песенки, стихотворения и их фрагменты, которые используются в качестве языкового материала на занятиях по английскому языку. В ситуации игры на английском языке дети могут апеллировать к прецедентным феноменам, например *как в стихотворении: One – a cat, Two – a bat, Three – a dog, Four – a frog, Five – a hare, Six – a bear. I see one flower, two flower, three flower, four flower. Правда, похоже? Еще тут есть one duck, one goat, two butterfly, a field, one dragonfly* (Елисей Н., 6 л.; игра «Собери картинку»). Г.Г. Слышкин отмечает, что «игровые апелляции к концептам прецедентных текстов (часто производятся в начале общения, в ситуации установления контакта, задавая, таким образом, тональность всей последующей коммуникации)» [Слышкин 2000: 104]. Общее число прецедентных высказываний составляет 3,2% (11).

На рис. 1 показано, что 73,5% общего объема активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста составляют лексические единицы и составные наименования (0,9%), которые соотносятся с образами предметов и явлений и в целом с картиной мира детей этого возраста; 25,6% общего объема составляют речевые образования: конструкции, с помощью которых

строятся речевые высказывания (13,1%), речевые клише (9,3%), прецедентные высказывания (3,2%), которые воспроизводятся детьми по памяти. Полученные данные являются крайне важ-

ными для понимания тех принципов и закономерностей, на которые опираются дети при усвоении иностранного языка в монологической среде.

Рис. 1. Количественный состав единиц активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста

Далее рассмотрим, как распределились единицы активного лексикона по признаку частоты.

Вероятностная природа активного англоязычного словаря детей дошкольного возраста

Тот факт, что слова имеют разную частотность, отмечается и фиксируется лингвистами в частотных словарях (см., например: [Штейнфельдт 1963; Засорина 1977]). С возникновением корпусной лингвистики появились частотные словари, которые построены на основе корпусов письменных и устных текстов (см., например: [Leech et al 2001; Ляшевская, Шаров 2009]). Особо следует отметить частотные словари, которые созданы на основе детской речи: [Marvin et al 1994; Scopesi et al 2014].

Сегодня можно считать доказанным, что при продуцировании текста человек опирается на частотность слова [Фрумкина 1967: 94]. Усвоение иноязычного словаря ребенком зависит от того, какое «количество» языка «получают» дети на занятиях и на каком языке они общаются со сверстниками [Протасова 2008: 74]. В связи с этим у каждой единицы активного англоязычного словаря была определена частота ее встречаемости в смешанных и иноязычных текстах детей-дошкольников. Далее все стимулы были упорядочены по признаку частоты от максимального значения к минимальному (см. рис. 2). На гисто-

грамме отчетливо просматривается частотная зона крайнего максимального значения с частотой от 186 до 140 и широкая недискретная зона с частотой от 89 до 1. С учетом этой особенности в полученном распределении было выделено 5 классов: 1-й класс – класс максимальной частоты (186–140); 2-й класс – высокой частоты (91–62); 3-й класс – средней частоты (61–32); 4-й класс – низкой частоты (31–2) и 5-й класс – единичной частоты (частота 1).

Рассмотрим каждый класс отдельно.

Класс **максимальной частоты** включает в себя 2 единицы с суммарной частотой 326. В этом классе оказались две единицы: лексема *stop* (186), выполняющая функцию императива, и конструкция *little green frogs* (140), используемая в качестве обращения. Обе эти единицы характеризуются чистой прагматической функцией и используются только в одной игре «Лягушки на бревне». В этой игре все дети без исключения употребляют каждую единицу как минимум три раза, чем и объясняется их максимальная частотность.

Класс **высокой частоты** состоит из 7 единиц. Их суммарная частота равна 568. Этот класс представлен речевыми клише (*here you are* – 89; *thank you* – 86; *good morning*– 84; *good bye* – 81), конструкциями (*give me, please...* – 85; *I like...* –

73) и одной лексической единицей *a ticket* (70), которая встречается только в игре «Путешествие». Слово *a ticket*, функционируя в игровых ситуациях покупки-продажи билета и его предъявления, актуализирует прагматические значения или вопроса, или просьбы и тем самым обеспечивает успешность коммуникации.

Класс *средней частоты* составил 11 единиц. Их суммарная частота – 417. Как и в предыдущем классе, в него вошли конструкции (*I take ... – 46; It is ... /It's... – 40*), речевые клише (*You are welcome – 45*), а также утвердительное слово-предложение (*yes – 34*). В отличие от предыдущего, в этом классе появляются разнообразные лексические единицы: служебные, заместительные и знаменательные слова. Служебные слова представлены союзом *and* (38) и глаголом-связкой *is* (32); заместительные – местоимением *my* (41); знаменательные – именами существительными *aummy /ummy* (35), *a picture / picture* (35), оценочным прилагательным *tasty* с его отрицательными формами *untasty / ne tasty* (35) и числительным *one* (36). Лингвистическое разнообразие единиц этого срединного класса характеризует его как своеобразную зону перехода от первых двух классов, отличающихся яркой выраженностью прагматического значения, к двум последним – с доминантным номинативным значением и наоборот.

Класс *низкой частоты* оказался самым объемным: он включает в себя 251 единицу, суммарная частота которых равна 1668. Из них – 200 лексических единиц (*big – 20; a brother – 19; play – 15; red – 13; a fish – 9; eyes – 8; blue – 7; cook – 6*), 26 конструкций (*I am... – 8; orange juice – 5; Let's... – 3*), 19 клише (*How are you? – 19; I am glad to see you – 9; I am fine, thank you – 4; thank you very much – 3*), 3 составных наименования (*wake up – 23; sit down – 8; stand up – 8*) и 3 прецедентных высказывания (*Good morning, good morning, good morning to you.... – 5 . Good bye, good bye, I don't want to say ... – 3. Are you sleeping? Are you sleeping? Brother John, brother John... – 2*). Представленная иерархия лингвистических единиц указывает на то, что в структуре этого класса центральное место занимают лексические единицы. Они охватывают 92% объема выборки и 80% объема словника этого класса. Лексические единицы обозначают животных, части тела, членов семьи, еду, одежду, действия, движение, размер, цвет и др. Качественно новыми единицами этого класса являются составные наименования и прецедентные высказывания.

Класс *единичной частоты* включает 74 единицы с суммарной частотой, соответственно, 74. За исключением составных наименований, в этом классе наблюдается тот же состав единиц, что и в предыдущем: 41 лексическая единица (*wash – 1; a clown – 1; black – 1*), 14 конструкций (*I eat... – 1; She is... – 1; play hockey – 1*), 8 клише (*with pleasure – 1; bye – 1; I am ready – 1; well done – 1*) и 8 прецедентных высказываний (*Happy Birthday to you, Happy Birthday to you ... – 1* и др.). Лексические единицы занимают более половины объема выборки и объема словника этого класса.

Таким образом, на фоне частотного распределения лингвистических единиц активного англоязычного словаря детей дошкольного возраста от максимально частотных к единичным наблюдается следующая тенденция: от прагматических, направленных на коммуникацию, единиц (таких как императив, обращение, формулы речевого этикета) к конструкциям; далее к информативным лексическим единицам и составным наименованиям и, наконец, – к прецедентным высказываниям.

Выводы. Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. Активный иноязычный лексикон детей дошкольного возраста, формирующийся и функционирующий в учебной ситуации игры, характеризуется общей коммуникативной направленностью. Его единицы, представленные разным форматом (от слова до прецедентного текста), не только несут в себе информацию о картине мира ребенка, но и проявляют способность к синтаксическим построениям, создают прагматический и культурный эффект в игровой коммуникации.

2. Количественный и качественный анализ единиц актуального иноязычного лексикона дошкольника выявил в его организации два полюса: с одной стороны – это полюс «фатики», а с другой – «информатики» [Винокур 1993]. Полюс «фатики» представлен такими лингвистическими единицами, как: императив, обращение, речевые клише (чаще формулы речевого этикета) и др.; информационный полюс – словесными единицами в номинативном значении. Оба полюса характеризуются открытостью и незамкнутостью, что позволяет качественно разным единицам перемещаться из одной зоны в другую, взаимодействовать друг с другом и одновременно эксплицитоваться в виде разного типа конфигураций в речевом высказывании.

Рис. 2. Распределение частоты единиц активного англоязычного лексикона детей дошкольного возраста

Список литературы

Белая Г.Э. Структурно-семантические и функциональные характеристики глагольных аналитических лексем в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995. 17 с.

Бобоева Г. И. Лингвистические принципы семантизации лексических единиц в двуязычном учебном словаре: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2007. 22 с.

Бурунский В. М. Клише: языковые характеристики, функционирование и типология (на материале французского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 22 с.

Быстрова Е. А. Словарь как компонент единого учебного комплекса // Теория и практика составления учебных словарей. М., 1978. С. 3–15.

Венцов А. В., Касевич В. Б. Словарь для модели восприятия речи // Вестник С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. 1998. Вып. 3. С. 32–39.

Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Голубкова Е. Е., Медведева О. В. Типология различий фразовых глаголов в британском и в американском вариантах английского языка (с опорой на корпусные данные) // Вестник МГЛУ. 2012. Вып. 21 (654). С. 47–56.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.

Доценко Т. И., Леценко Ю. Е. Универсальные структуры и их функции в ментальном лексиконе билингва // Труды СПИИРАН. СПб.: Наука, 2013. № 2(25). С. 371–384.

Доценко Т. И., Леценко Ю. Е. Становление смешанного и иноязычного сублексиконов в ментальном лексиконе билингва // Когнитивные исследования языка. Вып. XV111: Язык, познание, культура: методология когнитивных исследований: материалы междунар. конгресса по когнитивной лингвистике. Москва; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина; Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2014. 868 с.

Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Росс. гос. гуманитар. ун-т, 1999. 349 с.

Засорина Л. Н. Частотный словарь русского языка. М.: Рус. язык, 1977. 936 с.

Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. М.: Университетская книга, Логос, 2008. 384 с.

Касевич В. Б., Ягунова Е. В. Корпус письменных текстов и моделирование восприятия речи // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 9. 2006. Вып. 3. С. 20–32.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.

Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1112 с.

Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии: дисс. ... докт. филол. наук в форме научного доклада. М.: Ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 1990. 72 с.

Негневицкая Е. И., Никитенко З. И., Ленская Е. А. Книга для учителя к пробному учебному пособию по английскому языку для 1 класса средней школы. М.: Просвещение, 1992. 160 с.

Протасова Е. Ю. Дети и языки. Организация жизнедеятельности детей в двуязычном детском саду: метод. пособие к программе «Двуязычный детский сад». М.: Центр инноваций в педагогике, 2008. 167 с.

Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. 584 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 139 с.

Тарабукина М. В. Учебно-тематический словарь как основа формирования языковой компетенции // Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики. Иркутск, 2003. Вып. 2. URL: <http://www.studmed.ru/docs/document2679?view=1> (дата обращения: 09.10.2015).

Фрумкина Р. М. Проблемы восприятия слов в зависимости от их вероятностей // Проблемы языкознания: доклады и сообщения на X Междунар. конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967. С. 92–95.

Цейтлин С. Н., Чиршева Г. Н., Кузьмина Т. В. Освоение языка ребенком в ситуации двуязычия / отв. ред. М. Б. Елисеева. СПб.: Златоуст, 2015. 77 с.

Шалаева Г. П. Английский язык. Первый учебник вашего малыша. М.: Филол. о-во «Слово»; Изд-во Эксмо, 2006. 287 с.

Штейнфельдт Д. А. Частотный словарь современного русского литературного языка. М.: Изд-во Таллин, 1963. 316 с.

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. От коллокаций к конструкциям // Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы / отв. ред. С. С. Сай. СПб., 2011. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Ин-та лингв. исслед. РАН / отв. редактор Н. Н. Казанский). URL: http://webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Ot_kollokatsiy_k_konstruktsiyam.pdf (дата обращения: 18.02.2016).

Fillmore Ch., Kay P. Construction grammar course book. Berkeley: University of California, 1992. 365 p.

Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of Let alone // Language 64. 1988. № 3. P. 501–538.

Fortescue M. A network model of lexical organization in the bilingual brain // Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference. 2014. Vol. 2. P. 117–135.

Goldberg A. A. Construction grammar approach to argument structure. Chicago: University of Chicago, 1995. 391 p.

Iannuzzi S. First Friends – 1. Oxford University Press, 2009. 63 p.

Langacker R. W. Integration, grammaticalization and construction meaning // Grammatical Constructions: Back to the roots. Amsterdam: John Benjamins, 2005. P. 157–186.

Leech G., Rayson P., Wilson A. Word Frequencies in Written and Spoken English: Based on the British National Corpus. Routledge: Pearson Education, 2001. 320 p.

Marvin C. A., Beukelman D. R., Bilyeu D. Vocabulary-use patterns in preschool children: ef-

fects of context and time sampling // *Augmentative and Alternative Communication*. 1994. № 10. P. 224–236.

Scopesi Al. M., Rosso A. M., Viterbori P. Mental vocabulary and markers of uncertainty in childhood // *Journal of Theories and Research in Education*. 2014. № 9 (1). P. 97–113.

Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 408 p.

References

Belaja G. E. *Strukturno-semanticheskie i funkcionalnye kharakteristiki glagol'nykh analiticheskikh leksem v sovremennom anglijskom jazyke*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Structural-semantic and functional characteristics of verbal analytical lexemes in the modern English language. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.] M., 1995. 17 p.

Boboeva G. I. *Lingvisticheskie printsipy semantizatsii lexicheskikh edinits v dvujazychnom uchebnom slovare nauk*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Linguistic principles of lexical units semantization in a bilingual academic dictionary. Synopsis of Cand. philol. sci. diss.] Dushanbe, 2007. 22 p.

Burunskij V. M. *Klishe: jazykovye kharakteristiki, funkcionirovanie i tipologija (na materiale frantsuzskogo i anglijskogo jazykov)* [Cliché: linguistic characteristics, functioning and typology (a case study of the French and English languages). Cand. philol. sci. diss.]. Kursk, 2009. 22 p.

Bystrova E. A. *Slovar' kak komponent edinogo uchebnogo kompleksa* [Dictionary as a component of the single academic complex]. *Teorija i praktika sostavlenija uchebnykh slovarej* [Theory and practice of compiling academic dictionaries]. M., 1978. P. 3–15.

Ventsov A. V., Kasevich V. B. *Slovar' dlja modeli vosprijatija rechi* [Dictionary for the speech perception model]. *St. Petersburg State University journal*. 1998. Ser. 2. Iss. 3. P. 32–39.

Vinokur T. G. *Govorjashhij i slushajushhij. Varianty rechevogo povedenija* [The speaker and the listener. Variants of verbal behavior]. M., Nauka Publ., 1993. 172 p.

Golubkova E. E., Medvedeva O. V. *Tipologija razlichij frazovykh glagolov v britanskom i v amerikanskom variantakh anglijskogo jazyka (s oporoj na korpusnye dannye)* [The typology of phrasal verbs differences in British and American English (on corpus-based data)]. *Moscow State Linguistic University journal*. 2012. Iss. 21 (654). P. 47–56.

Gudkov D. B. *Teorija i praktika mezhkulturnoj kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural

communication]. M., ITDGK «Gnozis» Publ., 2003. 288 p.

Dotsenko T. I., Leshhenko Yu. E. *Universalnye struktury i ikh funktsii v mental'nom leksikone bilingva* [Universal structures and their functions in a bilingual's mental lexicon]. *Trudy SPIIRAN* [Proceedings of SPIIRAS]. SPb., Nauka Publ., 2013. Iss. 2 (25). P. 371–384.

Dotsenko T. I., Leshhenko Yu. E. *Stanovlenie smeshannogo i inozazychnogo subleksikonov v mental'nom leksikone bilingva* [Formation of mixed and foreign sublexicons in a bilingual's mental lexicon]. *Kognitivnye issledovaniya jazyka. Vyp. XV111: Jazyk, poznanie, kul'tura: metodologija kognitivnykh issledovanij. Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike* [Cognitive research into language. Iss. 18: Language, cognition, culture: methodology of cognitive research. Proceedings of Int. Congr. on cognitive linguistics]. Moscow, Tambov, Chelyabinsk: Tomsk State Univ. Publ., Chelyabinsk State Univ. Publ., 2014. 868 p.

Zalevskaja A. A. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to psycholinguistics]. M., RSUH Publ., 1999. 349 p.

Zasorina L. N. *Chastotnyj slovar' russkogo jazyka* [Frequency dictionary of the Russian language]. M., Russkiy jazyk Publ., 1977. 936 p.

Zimnyaja I. A. *Pedagogicheskaja psikhologija: Uchebnik dlja vuzov. Izd. vtoroje, dop., ispr. i pererab.* [Pedagogical psychology: university coursebook, 2nd edition, completed, corrected and reworked]. M., Academic book, Logos Publ., 2008. 384 p.

Kasevich V. B., Jagunova E. V. *Korpus pis'mennykh tekstov i modelirovanie vosprijatija rechi* [Corpus of written texts and modeling of speech perception]. *St. Petersburg State University journal*, series 9. 2006. Iss. 3. P. 20–32.

Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Ed. by V.N. Jartseva]. M., The Soviet Encyclopedia State Publishing House, 1990. 685 p.

Ljashevskaja O. N., Sharov S. A. *Chastotnyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka (na materialakh Natsionalnogo korpusa russkogo jazyka)* [Frequency dictionary of the modern Russian language (based on the National corpus of the Russian language)]. M., Azbukovnik Publ., 2009. 1112 p.

Matveeva T. V. *Polnyj slovar' lingvisticheskikh terminov* [Complete dictionary of linguistic terms]. Rostov-on-Don, Fenix Publ., 2010. 562 p.

Morkovkin V. V. *Osnovy teorii uchebnoj leksikografii: diss. ... dokt. filol. nauk v forme nauchnogo doklada* [Foundations of the theory of academic lexicography. Dr. philol. sci. diss. in the form of a scientific report]. M., A. S. Pushkin Russian Language Institute Publ., 1990. 72 p.

- Negnevickaja E. I., Nikitenko Z. I., Lenskaja E. A. *Kniga dlja uchitelja k probnomu uchebnomu posobiju po anglijskomu jazyku dlja 1 klassa srednej shkoly* [A teacher's book to a sample English language textbook for the 1st grade of the junior school]. M., Prosveshhenie Publ., 1992. 160 p.
- Protasova E. Yu. *Deti i jazyki. Organizatsija zhiznedejatel'nosti detej v duvjazychnom detskom sadu. Metodicheskoe posobie k programme «Dvuja-zychnyj detskij sad»* [Children and languages. Organization of children's activities in a bilingual kindergarten. Methodic tutorial to the program "A bilingual kindergarten"]. M., Centr innovatsij v pedagogike Publ., 2008. 167 p.
- Rakhilina E. V. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of constructions]. M., Azbukovnik Publ., 2010. 584 p.
- Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnye kontsepty pre-sedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [Linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. M., Academia Publ., 2000. 139 p.
- Tarabukina M. V. *Uchebno-tematicheskij slovar' kak osnova formirovanija jazykovoju kompetentsii* [Academic thematic dictionary as the basis for language competence formation]. *Slovar', grammatika, tekst v svete antropocentricheskoi lingvistiki. Vypusk 2*. [Dictionary, grammar, text in terms of anthropocentric linguistics. Iss. 2]. Irkutsk, 2003. Available at: <http://www.studmed.ru/docs/document2679?view=1> (accessed 09.10.2015).
- Frumkina R. M. *Problemy vosprijatiya slov v zavisimosti ot ikh verojatnostej* [Problems of words perception depending on their verisimilitudes]. *Problemy jazykoznanija. Doklady i soobshhenija na X Mezhdunarodnom kongresse lingvistov* [Problems of linguistics. Reports at the 10th International congress of linguists]. M., Nauka Publ., 1967. P. 92–95.
- Tseytlin S. N., Chirsheva G. N., Kuz'mina T. V. *Osvoenie jazyka rebenkom v situatsii duvjazychija: nauchnaja monografija* [Mastering a language by a child in a bilingual situation: academic monograph]. Ed. by M. B. Eliseeva. SPb., Zlatoust Publ., 2015. 77 p.
- Shalaeva G. P. *Anglijskij jazyk. Pervyj uchebnik vashego malysha* [The English language. Your baby's first book]. M., Philol. comm. «Slovo»; Eksmo Publ., 2006. 287 p.
- Shtejnfel'dt D. A. *Chastotnyj slovar' sovremen-nogo russkogo literaturnogo jazyka* [Frequency dictionary of the modern Russian language]. M., Tallinn Publ., 1963. 316 p.
- Jagunova E. V., Pivovarova L. M. *Ot kollokatsij k konstruksijam* [From collocations to constructions]. *Russkij jazyk: konstruksionnye i leksikose-manticheskie podhody* [The Russian language: constructional and lexical-semantic approaches]. Ed. by S.S.Saj. SPb., 2011. (ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN) [(ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA). Proceedings of the Institute for Linguistics Studies of the RAS]. Available at: http://webground.su/data/lit/pivovarova_yagunova/Ot_kollokatsiy_k_konstruksijam.pdf (accessed 18.02.2016).
- Fillmore Ch., Kay P. *Construction grammar course book*. Berkeley: University of California, 1992. 365 p.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C. *Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of Let alone*. *Language* 64. 1988. Iss. 3. P. 501–538.
- Fortescue M. *A network model of lexical organization in the bilingual brain*. *Selected Papers from the 4th UK Cognitive Linguistics Conference*. 2014. Vol. 2. P. 117–135.
- Goldberg A. A. *Construction grammar approach to argument structure*. Chicago, University of Chicago, 1995. 391 p.
- Iannuzzi S. *First Friends – 1*. Oxford University Press, 2009. 63 p.
- Langacker R.W. *Integration, grammaticalization and construction meaning*. *Grammatical Constructions: Back to the roots*. Amsterdam: John Benjamins, 2005. P. 157–186.
- Leech G., Rayson P., Wilson A. *Word Frequencies in Written and Spoken English: Based on the British National Corpus*. Routledge: Pearson Education, 2001. 320 p.
- Marvin C. A., Beukelman D. R., Bilyeu D. *Vocabulary-use patterns in preschool children: effects of context and time sampling*. *Augmentative and Alternative Communication*. 1994. Iss. 10. P. 224–236.
- Scopesi Al. M., Rosso A. M., Viterbori P. *Mental vocabulary and markers of uncertainty in childhood*. *Journal of Theories and Research in Education*. 2014. Iss.9 (1). P. 97–113.
- Tomasello M. *Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2003. 408 p.

**ACTIVE FOREIGN-LANGUAGE LEXICON OF PRESCHOOL CHILDREN
IN A LEARNING GAME SITUATION**

Tamara I. Dotsenko

Associate Professor in the Department of General Linguistics
Perm State Humanitarian Pedagogical University

Darya V. Perestoronina

Assistant Professor in the Department of Linguistics and Translation
Perm State University

Basing on the analysis of English and mixed speech of preschool children, which was recorded in the situation of a learning game, the authors of the article describe children's active foreign-language vocabulary. It is reconstructed from speech utterances to active vocabulary units that mostly correlate with the English language educational dictionary for children of this age. Active foreign-language lexicon of preschool children is characterized on the basis of several features: the volume, the composition of units, and their probabilistic structure. The volume of the lexicon includes 344 units. Its composition covers words, compound names (phrasal verbs), language cliches, constructions, precedent statements. Some of these units convey information about children's image of the world; others refer to speech segments of English texts from speech experience. Probabilistic structure of the lexicon under consideration includes 2 poles: factual and informational. Linguistic units that are organized around each pole have the ability to move and interact with each other, therefore one can observe the following trend in linguistic units frequency distribution: from pragmatic communication-oriented units (such as imperative, address, formulae of speech etiquette) to constructions; further to informative lexical units and compound names and finally to precedent statements.

Key words: foreign-language lexicon; active vocabulary; active foreign-language vocabulary volume; active vocabulary units; probabilistic structure; game; preschool children.

УДК 811.161.1'373.215(470.11)

РУССКАЯ ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА С СЕМОЙ 'СУХОЙ' В ДИАЛЕКТАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Ольга Анатольевна Теуш

к. филол. н., доцент кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306. olga.teush@yandex.ru

В статье рассматриваются русские диалектные лексемы с семой 'сухой'. В результате исследования выявляются этимологические корни слов: описываются праславянские истоки русских лексем. Проводится идеографический анализ дериватов. Интерес представляют частотные сочетания семантических признаков, что позволяет провести идеографический анализ лексем, репрезентирующих семантику 'сухой, высохший'. В исследуемом материале встречены метафоры, которые преимущественно реализуют анатомическую модель.

Ключевые слова: лексика; номинация; праславянский язык; семантика; значение; производность; метафора; диалект; Европейский Север России.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-77-82

Русское прилагательное *сухой* многозначно. Для номинации географических объектов актуальны следующие значения: 'лишенный влаги, не сырой', 'лишенный питательных соков, омертвевший, безжизненный' [ТСРЯ: 960]. Лексема имеет праславянское и в конечном итоге индоевропейское происхождение [ТСРЯ: 960]. В диалектах представлены многочисленные производные с корнем *сух-/суш-/сох-/сош-*.

Основная идеограмма 'высохшее на корню дерево, лес': *сухár* 'сухой лес' (Влг.: Ваш.), *сухара* 'высохшее дерево' (Арх.: Вин., В.-Т., Карг., Кон., Нянд., Он., Прим., Холм.; Влг.: Бел., Гряз., Сямж.), *сухárник* 'высохшее дерево' (Арх.: Карг., Он., Пин., Холм.; Влг.: Бел., Гряз., Сямж.), 'сухой лес' (Арх.: Вин., Карг., Нянд., Он., Плес.; Влг.: Баб., Гряз., Сок., Сямж., Череп.; Яр.: Люб.), *сухárничек* 'то же' (Влг.: Вож.), *сухмéнь* 'то же' (Влг.: Вож., Кад.), *сухорняк* 'сухой лес' (Влг.: В.-Уст.), *сушенник* 'сухой лес на болоте' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], *суши́га* 'сухой срубленный лес' (Влг.: Череп.) [Герасимов: 83], *суши́на* 'лес с высохшими на корню деревьями' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], *суши́нник* 'то же' (Яр.: Пош.) [КСГРС], *сушнiк* 'сухой, усохший еловый лес' (Арх.: Мез.) [Подвысоцкий: 169], (Влг.) [Дилакторский: 492], (Влг.: В.-Уст.) [КСГРС], *сушняк* 'сухостой, мертвый лес, засохший на корню' (Костр.: Кот., Красн., Макар., Мант., Нейск., Чухл., Шар.)

[ККОС: 314], *сошнiяг* 'сухой лес' (Влг.: Ваш.) [КСГРС].

Отмечены приставочные образования с тем же значением и композиты: *подсо́х* 'высохший на корню лес' (Влг.: Ваш.), *подсу́шина* 'то же' (Арх.: Леш.), *сухобóрица* 'сухой сосновый бор' (Арх.: Вин.), *сухобóрье* 'сухой хороший лес' (Арх.: Пин.), *суховéй* 'сухой лес' (Арх.: Котл.), *сухолéс* 'лес на сухом месте' (Арх.: Вин.), *сухоподсто́й* 'высохший на корню лес, сухостой' (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], (Влг.: Череп.) [Герасимов: 83], *сухоподсто́йник* 'то же' (Влг.: Череп.) [Герасимов: 83], *сухопосто́йник* 'то же' (Яр.: Люб.), *сухосто́ина* 'сухой лес' (Влг.: В.-Уст.), *сухосто́йник* 'то же' (Влг.: У.-Куб.) [КСГРС].

Корень *сѣх-/сух-/суш-* встречается в лексемах, обозначающих сухие или подсыхающие места: *подсо́х* 'лес, растущий на сухом месте' (Арх.: Уст.) [КСГРС], *посо́ха* 'место, просушающее весной вперед других' (Псков., Твер.) [Даль 3: 339], *прису́ха* 'сухое место у воды' (Арх.: Пин.) [КСГРС], *просу́ха* 'сухая, просохшая дорога' (Влг.: Влгд., Гряз.) [Дилакторский: 417], *просу́шина* 'просохлое место в грязи' (Псков., Твер.) [Даль 3: 516], *сухáрь* 'сухое место на берегу реки' (Влг.: Бел.) [КСГРС], *сухмéнь* 'сухое возвышенное место' (Арх.: Вил., Карг., Кон., Нянд., Он., Плес.; Влг.: Бабуш., Вож., Выт., Кад., Ник., Сямж., Чаг.; Костр.: Галич., Макар., Меж., Нейск., Чухл.) [КСГРС], (Олон.: Карг.) [Д.-Опыт:

328], *сухмин* 'то же' (Влг.: Бабуш.), *сухмянь* 'то же' (Арх.: Кон.), *сухнёное место* 'то же' (Влг.: Сямж.), *сухоболотица* 'высохшее болото' (Арх.: Вин.), *сухобор* 'сухое место в лесу, на болоте' (Влг.: В.-Уст.), *суховик* 'сухое возвышенное место' (Костр.: Пыщуг.), *сухогорье* 'сухая возвышенность' (Влг.: Бел.), *суходол* 'покос между ручьями' (Влг.: Влгд.), *суходолина* 'покос на сухом месте' (Арх.: Вель; Влг.: Кир.), 'обсохший заливной покос' (Арх.: Нянд.), *суходольник* 'сухое болото' (Влг.: Кир.), 'заливной луг' (Арх.: Холм.), *суходольный* 'расположенный на возвышенности' (Арх.: Вель, В.-Т., Карг., Холм.; Влг.: Бабуш., К.-Г., Кир., Хар.), *суходон* 'сухое возвышенное место' (Влг.: Баб., Чаг.), 'пашня или пожня на сухом месте' (Влг.: Баб.), *сухозол* 'сухое болото' (Арх.: Карг.), *сухрѣц* 'сухой участок земли' (Киров.: Даров., Халт.), *суша* 'летняя дорога, идущая в обход сырых мест' (Влг.: Бел.), *сушиак* 'сухое место на болоте' (Влг.: Ваш.), *сушинка* 'тропинка через болото' (Арх.: Уст.) [КСГРС], *сушмень* 'сухая, поросшая весной дорога' (Арх.: Шенк.) [Подвысоцкий: 169], (Влг.: Сольв.) [Дилакторский: 492], (Влг.: В.-Важ.), *суходольник* 'сухое болото' (Влг.: Кир.), *сухоломина* 'сухое место на болоте' (Костр.: Кологр., Чухл.), *сухомянина* 'пожня на сухом месте' (Влг.: Бел.) [КСГРС], *сухонарый* 'не травянистый, плохой (о луге)' (Вят.) [Зеленин: 155].

Особо для производных от корня *сух-* нужно выделить семантику, связанную с пересыханием водоемов, отливом: *сухой* 'пересыхающий летом' (Арх.: Карг.; Яр.: Пош.) [КСГРС], *сухая вода* 'полный отлив, самый низкий уровень воды в данном районе' (Арх.) [Даль 4: 366], (Помор.), 'период отлива' (Помор.) [Гемп: 323], *сухая река* 'староречье' (Арх.: Он.), *сухая речка* 'мелкая речка' (Влг.: Сок.), *сухобор* 'пересохшие сухие места в русле реки' (Влг.: В.-Важ.), *сухое озеро* 'пересыхающее озеро' (Арх.: Карг.), *сушенец* 'часть берега, обнажающаяся после половодья' (Арх.: Холм.), *сухомятный* 'тот, с которого быстро сходит вода' (Влг.: Бел.), *сухостойный* 'не заливаемый водой (о луге)' (Арх.: Холм.) [КСГРС].

Семантика 'сухой', 'сушь' частотна у лексем, производных от праслав. **gor-/ger-* (> русск. гореть 'поддаваться действию огня, уничтожаться огнем') [ТСРЯ: 162]: *гориль*, *горильцы* 'место в лесу, где стоят сухие деревья и где много находится сухих древесных прутьев, образовавшихся вследствие когда-то бывшего лесного пожара' (Влг.) [Дилакторский: 88], *горильце* 'сухой лес' (Арх.: Шенк.) [КСГРС]; *жарник* 'подсохший сосновый лес' (Арх.: Карг.; Влг.: Бел.) [КСГРС],

(Арх.: Карг.) [АОС 13: 225], (Карел.: Пуд.) [СРГК 2: 38], 'сухое возвышенное место на болоте' (Ленингр.: Тихв.) [СРГК 2: 38], *жарняг* 'подсохший сосновый лес' (Арх.: Плес.; Влг.: Бел.) [КСГРС], (Арх.: Пин., Плес.) [АОС 13: 227], *жаровник* 'то же' (Арх.: Шенк.) [КСГРС].

Единично наименование, включающее прилагательное *тѣплый* (ср. литер. *тѣплый* 'нагретый, дающий или содержащий тепло' [ТСРЯ, 982]): *тѣплая грѣва* 'сухие ровные и немного покатые и несколько возвышенные места в лесах' (Влг.: Ник.) [Дилакторский: 93].

Сухое место оценивается как *крепкое* (*крѣпкое место* 'сухое неболотистое место' (Влг.: Сок., У.-Куб.) [КСГРС], (Влг.: Кир., Сок., Сямж.) [СВГ 3: 123]), *матѣрое* (*матѣрое место* 'суша, твердое место (в сравнении с водой, морем)' (Арх.: Помор.) [Подвысоцкий: 88], *матѣрица* 'сухое, не болотистое место' (Олон.: Пуд.) [Куликовский: 54]), *плотное* (*плотяк* 'сухое незаболоченное место' (Ленингр.: Кириш.) [СРГК 4: 550]).

Признак 'сухой' нередко сочетается с 'возвышенный': *бор* 'сухое возвышенное место в лесу' (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Котл., Мез., Нянд., Плес., Прим., Уст., Холм.; Влг.: Баб., Вож., Хар.) [КСГРС], (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Лен., Леш., Мез., Нянд., Он., Пин., Плес., Прим., Уст., Холм., Шенк.) [АОС 2: 73], (Влг.: Бел.; Карел.: Кондоп., Медв.; Ленингр.: Тихв.) [СРГК 1: 96], (Новг.: Борович., Валд., Вол., Дем., Кр., Любыг., Мал., Мар., Мош., Новг, Ок., Оп., Пест., Под., Ст., Хв.) [НОС 1: 73]), *бордина* 'то же' (Арх.: Вель., Уст.) [АОС 2: 86], *борник* 'то же' (Арх.: Карг.) [АОС 2: 78], *борок* 'то же' (Арх.: Лен., Леш., Мез., Прим., Холм.; Влг.: Бел., К.-Г., Ник.; Костр.: Пыщуг.) [КСГРС], (Арх.: Вин., К.-Б., Лен., Леш., Мез., Он., Пин., Прим., Уст., Холм.) [АОС 2: 83], (Карел.: Медв., Пуд.) [СРГК 1: 99], (Печор.) [СРГНП 1: 38–39], *боровик* 'то же' (Арх.) [Подвысоцкий: 10], (Новг.: Др.) [НОС 1: 75], *боровина* 'то же' (Арх.: Вин., Карг., Леш., Мез., Он., Плес., Прим., Холм., Шенк.; Влг.: Бел., Ваш., Кир., Сямж., Тарн.) [КСГРС], (Арх., Карг., Он.; Влг.: Бел., Ваш., Кир.; Карел.: Кем., Медв., Прион.; Ленингр.: Волх.; Мурман.: Тер.) [СРГК 1: 97], (Арх.: Вель, Вил., Вин., В.-Т., Кон., Котл., Леш., Мез., Пин., Плес., Холм., Шенк.) [АОС 2: 79], (Печор.) [СРГНП 1: 38–39], (Новг.: Бат., Борович., Валд., Дем., Лычк., Мош., Новг., Пест., Полав., Солец., Хв., Чуд.) [НОС 1: 76], 'сухое возвышенное песчаное место среди заболоченного участка леса' (Костр.: Кологр., Костр., Макара., Мант., Сол.) [ККОС: 37], (Новг.: Вол., Дем., Мал., Ок., Ст., Чуд.) [НОС 1: 76], *борушка* 'сухое возвышенное место в лесу или на болоте' (Арх.: Вин.) [АОС 2:

86], *борушók* 'то же' (Арх.: В.-Т.), *борушók* 'то же' (Арх.: Вин., В.-Т.) [КСГРС]. Лексема *бор* индоевропейского происхождения: < и.-е. **bher-* 'быть острым' [ТСРЯ: 56].

Сочетание семантики 'сухой' и 'возвышенный' представлено у целого ряда лексем: *веретье* 'сухое возвышенное место, горка (в лесу, на болоте, на лугу, покосе и др.), часто поросшая кустарником, лесом' (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Уст., Шенк.; Влг.: Ваш., Вель., В.-Уст.; Киров.: Халт.; Костр.: Кологр., Мант., Меж.) [КСГРС], (Арх.: Вель., В.-Т., Лен., Леш., Мез., Прим., Шенк.) [АОС 3: 114], (Влг.: Сольв., Устьс., Ярен.) [Дилакторский: 51], (Печор.) [СРГНП 1: 60], (Костр.: Меж., Нейск., Шар.) [ККОС: 59], (Новг.: Борович., Вол., Новг., Ок., Оп., Пест., Солец., Ст., Уторг., Хв., Чуд.) [НОС 1: 115], (Костр.: Макар., Мант., Солиг., Чухл.) [ККОС: 59], *веретьевка* 'то же' (Арх.: Вель.) [КСГРС], *веретька* 'то же' (Арх.: К.-Б.) [АОС 3: 115], *веретья* 'то же' (Арх.: Вил., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Прим., Уст., Холм.; Влг.: Бабуш., В.-Уст., Сок.; Киров.: Халт.; Костр.: Кологр., Мант.) [КСГРС], (Новг.: Пест.) [НОС 1: 144], (Арх.: Вель., В.-Т., К.-Б., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Прим., Холм., Шенк.) [АОС 3: 115], (Арх.: Кем., Кол., Мез., Он.) [Подвысоцкий: 16], (Костр.: Сол., Чухл.) [ККОС: 60], (Печор.) [СРГНП 1: 60-61], (Влг.: Череп.) [Герасимов: 28], *веретья* 'то же' (Арх.: В.-Т.), *веретья* 'то же' (Костр.: Кологр.), *веретья* 'то же' (Арх.: Холм.), *веретья* 'то же' (Костр.: Парф.) [КСГРС], *веретья* 'то же' (Влг.: К.-Г.) [СВГ 1: 62]. Все приведенные здесь лексемы связаны по происхождению с праслав. корнем **ver-* 'поворачивать, вертеть'.

Менее частотны, чем перечисленные выше, однако содержащие то же сочетание семантических признаков (возвышенный, 'сухой'), лексемы *горушка* 'высокое сухое место на болоте' (Влг.: Сок.) [КСГРС]; *грива* 'сухое, ровное и немного покато и несколько возвышенное место в лесах' (Влг.: Ник.) [Дилакторский: 93], 'возвышенное сухое место на болоте' (Костр.: Пыщуг., Чухл.) [КСГРС], (Костр.: Костр., Шар.) [ККОС: 91], (Яр.: Брейт.) [ЯОС 3: 108]; *грядá* 'сухое возвышенное место на болоте, кочка' (Арх.: Котл.; Влг.: Ваш., Сок.) [КСГРС], (Арх.: Он., Уст.; Влг.: Ваш., Кир.; Ленингр.: Лод., Подп.) [СРГК 1: 404]; *рёлка* 'гребень, гривка, сухая возвышенная гряда по болоту' (Сев.) [Даль 4: 91], *ролка* 'сухое возвышенное место' (Ленингр.: Кинг.) [СРГК 5: 513], *сópка* 'возвышенное сухое место среди болота, небольшая возвышенность' (Арх.: Кол.) [Меркурьев: 148], *холм* 'сухое возвышенное место на болоте' (Арх.: Пин.) [КСГРС].

Среди номинаций сухих мест встречаются метафоры: *степь* 'сухая полоса леса между реками' (Арх.) [Даль 4: 322], *степное место* 'сухой открытый участок' (Карел.: Белом.) [СРГК 3: 231] (< праслав. **stьpь*, первонач. 'спина' ~ 'безлесная, поросшая травой возвышенность') [ТСРЯ: 941]; *горлови́на* 'сухая дорога на болоте' (Влг.: Сок.) [КСГРС]; *нос* 'сухое место на болоте' (Арх.: В.-Т., Мез., Пин., Плес.) [КСГРС]; *бро́вка* 'высокая сухая полоска земли на низком, сыром месте' (Новг.: Вол.), 'высокое сухое место среди болота' (Новг.: Вол.) [НОС 1, 88], *бро́вочка* 'сухое место среди низинного' (Новг.: Мал.) [НОС 1: 88]; *пря́ник* 'сухое место на болоте' (Влг.: Хар.) [КСГРС]; *ча́ша* 'сухое место на болоте' (Влг.: Ник.) [КСГРС].

В целом, лексика с семой 'сухой' в диалектах Европейского Севера России представляет собой обширную группу слов, номинирующих в географическом пространстве два типа объектов: сухую растительность и места с сухой почвой. Большая часть лексем производна от древнейших славянских корней, однако встречаются новые описательные лексемы и отдельные метафоры, преимущественно анатомического характера.

Сокращения

1. Названия административных районов и областей

- Арх. – Архангельская область (губерния)
- Баб. – Бабаевский район Архангельской области
- Бабуш. – Бабушкинский район Вологодской области
- Бат. – Батецкий район Новгородской губернии
- Бел. – Белозерский район Вологодской области
- Белом. – Беломорский район Карелии
- Борович. – Боровичский район Новгородской губернии
- Брейт. – Брейтовский район Ярославской области
- Валд. – Валдайский район Новгородской губернии
- Ваш. – Вашкинский район Вологодской области
- В.-Важ. – Верховажский район Вологодской области
- Вель. – Вельский район Архангельской области, Вельский уезд Вологодской губернии
- Вил. – Вилегодский район Архангельской области
- Вин. – Виноградовский район Архангельской области
- Влг. – Вологодская область (губерния)
- Влгд. – Вологодский район Вологодской области

- Вож. – Вожегодский район Вологодской области
Вол. – Волотовский район Новгородской губернии
Волх. – Волховский район Ленинградской области
В.-Т. – Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст. – Великоустюжский район Вологодской области
Выг. – Вытегорский район Вологодской области, Вытегорский уезд Олонецкой губернии
Вят. – Вятская губерния
Галич. – Галичский район Костромской области
Гряз. – Грязовецкий район Вологодской области
Даров. – Даровский район Кировской области
Дем. – Демянский район Новгородской области
Др. – Дрегельский район Новгородской области
Кад. – Кадуйский район Вологодской области
Карг. – Каргопольский район Архангельской области, Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел. – Республика Карелия
К.-Б. – Красноборский район Архангельской области
К.-Г. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кем. – Кемская волость Архангельской губернии, Кемский район Карелии
Кинг. – Кингисепский район Ленинградской области
Кир. – Кирилловский район Вологодской области
Кириш. – Киришский район Ленинградской области
Киров. – Кировская область
Кол. – Кольский уезд Архангельской губернии
Кологр. – Кологривский район Костромской области
Кон. – Коношский район Архангельской области
Кондоп. – Кондопожский район Карелии
Костр. – Костромская область, район г. Кострома
Кот. – Котельничский район Костромской области
Котл. – Котласский район Архангельской области
Кр. – Крестецкий район Новгородской области
Красн. – Краснополянский район Костромской области
Лен. – Ленский район Архангельской области
Ленингр. – Ленинградская область
Леш. – Лешуконский район Архангельской области
Лод. – Лодейнопольский район Ленинградской области
Лычк. – Лычковский район Новгородской области
Люб. – Любутинский район Ярославской области
Любыт. – Любытский район Новгородской области
Макар. – Макарьевский район Костромской области
Мал. – Маловишерский район Новгородской области
Мант. – Мантуровский район Костромской области
Мар. – Марёвский район Новгородской области
Медв. – Медвежьегорский район Карелии
Меж. – Межевской район Костромской области
Мез. – Мезенский район Архангельской области
Мош. – Мошенской район Новгородской области
Мурм. – Мурманская область
Нейск. – Нейский район Костромской области
Ник. – Никольский район Вологодской области
Новг. – Новгородская область, г. Новгород
Нянд. – Няндомский район Архангельской области
Ок. – Окуловский район Новгородской области
Олон. – Олонецкая губерния
Он. – Онежский район Архангельской области
Оп. – Опеченский район Новгородской области
Парф. – Парфеньевский район Костромской области
Пест. – Пестовский район Новгородской области
Печор. – бассейн р. Печоры
Пин. – Пинежский район Архангельской области
Плес. – Плесецкий район Архангельской области
Под. – Поддорский район Новгородской области
Подп. – Подпорожский район Карелии
Полав. – Полавский район Новгородской области
Помор. – Поморье (побережье Белого моря)
Пош. – Пошехонский район Ярославской области

Прим. – Приморский район Архангельской области
Прион. – Прионежский район Карелии
Псков. – Псковская область
Пуд. – Пудожский район Карелии, Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пыщуг. – Пыщугский район Костромской области
Сев. – Север
Сок. – Сокольский район Вологодской области
Солец. – Солецкий район Костромской области
Солиг. – Солигаличский район Костромской области
Сольв. – Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Ст. – Старорусский район Новгородской области
Сямж. – Сямженский район Вологодской области
Тарн. – Тарногский район Вологодской области
Твер. – Тверская губерния
Тер. – Терский район Мурманской области
Тихв. – Тихвинский район Ленинградской области
У.-Куб. – Усть-Кубенский район Вологодской области
Уст. – Устьянский район Архангельской области
Устьс. – Устьсысольский уезд Вологодской губернии
Уторг. – Уторгошский район Новгородской области
Халт. – Халтуринский район Кировской области
Хар. – Харовский район Вологодской области
Хв. – Хвойнинский район Новгородской области
Холм. – Холмогорский район Архангельской области
Чаг. – Чагодощенский район Вологодской области
Череп. – Череповецкий район Вологодской области
Чуд. – Чудовский район Новгородской области
Чухл. – Чухломской район Костромской области
Шар. – Шарьинский район Костромской области
Шенк. – Шенкурский район Архангельской области
Яр. – Ярославская область
Ярен. – Яренский уезд Вологодской губернии
2. *Языки и диалекты*
и.-е. – индоевропейский язык

русск. – русский язык
праслав. – праславянский язык

Список литературы

- АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980 – 2001. Вып. 1–11.
Гемп – *Гемп К. П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М., Архангельск, 2004.
Герасимов – *Герасимов М. К.* Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.
Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
Дилакторский – Словарь областного вологодского наречия. По рукописям П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
Д.-Опыт – Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.
Зеленин – *Зеленин Д. К.* Дополнительные и критические замечания о Вятской лексике [Приложение к «Отчету о диалектологической поездке в Вятскую губернию»]: сб. ОРЯС. 1903. Т. 76, № 2. С. 15–189.
ККОС – Живое костромское слово: Краткий костромской областной словарь. Кострома, 2006.
КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).
Куликовский – *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
Меркурьев – *Меркурьев И. С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
НОС – Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–1995. Вып. 1–12.
Подвысоцкий – *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
СВГ – Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983. Т. 1.
СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных территорий. СПб., 1994–2005. Т. 1–6.
СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. СПб., 2003–2005.
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008.
- ### References
- AOS – Arkhangelskij oblastnoj slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Moscow, 1980–2001. Iss. 1–11.
Gemp K. P. Skaz o Belomor'je. Slovar' pomorskikh rechenij [A tale of the White Sea. The dictionary of coast-dwellers' dialects] Moscow, Arkhangelsk, 2004.

Gerasimov M. K. *Slovar' uezdnogo cherepovetskogo govora* [The dictionary of Cherepovez district dialect]. St. Petersburg, 1910.

Dahl V.I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka*. T. 1–4 [The Explanatory dictionary of the living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, 1955.

Slovar' oblastnogo vologodskogo narechija. Po rukopisjam P. A. Dilaktorskogo 1902 g. [The dictionary of Vologda region dialects. Based on manuscripts of P.A. Dilaktorsky]. St. Petersburg, 2006.

Dopolnenije k «Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarja» [Supplement to “The experience of the regional Great Russian dictionary”]. St. Petersburg, 1858.

Zelenin D. K. *Dopolnitel'nyje i kriticheskiye zamechanija o Vjatskoj leksike*. Prilozhenije k «Otchetu o dialektologicheskoj poezdke v Vjatskuju guberniju» [Supplementary and critical remarks about Vjatka lexis [Appendix to “Report on the dialectological visit to Vjatka province”]. *Sb. ORJAS* [Collection of the Department of Russian Language and Philology of the Imperial Academy of Sciences]. Vol. 76. Iss. 2. 1903. P. 15–189.

KKOS – Zhivoje kostromskoje slovo: Kratkij kostromskoj oblastnoj slovar' [The living word of Kostroma: The brief regional dictionary of Kostroma]. Kostroma, 2006.

KSGRS – Kartoteka «Slovarja govorov Russkogo Severa» [The card-catalogue of “The dictionary of the Russian North dialects”]. Kept at the Department of Russian Language and General Linguistics of the Ural Federal University.

Kulikovskij G. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechija v jego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The dictionary of regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic use]. St. Petersburg, 1898.

Merkur'jev I. S. *Zhivaja rech kol'skikh pomorov* [Living speech of Kola coast-dwellers]. Murmansk, 1979.

NOS – Novgorodskij oblastnoj slovar' [Novgorod regional dictionary]. Novgorod, 1992–1995. Iss. 1–12.

Podvysotskij A. *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechija v jego bytovom i etnograficheskom primenenii* [The dictionary of regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic use]. St. Petersburg, 1885.

SVG – Slovar' vologodskikh govorov. T. 1 [Vologda dialects dictionary. Vol. 1]. Vologda, 1983.

SRGK – Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh territorij. T. 1–6 [The dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent territories. Vol. 1–6]. St. Petersburg, 1994–2005.

SRGNP – Slovar' russkikh govorov Nizovoj Pechory. V 2-kh tomakh [The dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora. In 2 vols.]. St. Petersburg, 2003–2005.

TSRJA – Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkluchenijem svedenij o proiskhozhenii slov [The explanatory dictionary of the Russian language including information on words origin]. Moscow, 2008.

RUSSIAN GEOGRAPHICAL LEXICON WITH THE SEME “DRY” IN DIALECTS OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA

Olga A. Teush

**Associate Professor in the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University**

The article considers Russian dialect lexemes with the seme “dry”. As a result of the study, etymological roots of words are revealed, the proto-Slavic origins of Russian lexemes are described. Ideographic analysis of derivatives is conducted. Frequency of semantic features combinations is examined, which allows for conducting ideographic analysis of lexemes representing the semantics “dry, dried”. The metaphors revealed in the material analyzed are mainly based on the anatomic model.

Key words: lexicon; nomination; proto-Slavic language; semantics; meaning; derivative character; metaphor; dialect; European North of Russia.

УДК [821.111+821.161.1]’091

СВЯЩЕННОСЛУЖЕНИЕ В МИРУ: ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ В РОМАНАХ «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И «ДЭНИЕЛ ДЕРОНДА» ДЖОРДЖ ЭЛИОТ¹

Ирина Федоровна Гнюсова

к. филол. н., доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела
и редактирования

Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Томск, пр. Ленина, 36. irbor2004@mail.ru

В статье предпринимается попытка доказать, что в своих последних романах Ф. М. Достоевский и Дж. Элиот создают особый тип героя, концентрируя в нем главные идеи своего творчества. Алеша Карамазов и Дэниел Деронда – герои своего времени с великими помыслами и жаждой «подвига» – берут на себя функцию духовников, умеющих услышать и понять окружающих. Не будучи священниками по своему статусу, оба осуществляют, по сути, священнослужение в миру, которое и становится их главной жизненной миссией. Проведенное исследование позволяет заявить о наличии не просто типологического сходства в творчестве Достоевского и Элиот, но близости их концепций человека и мира, об общем поиске героя, который сумел бы нести христианские истины людям и претворять в жизнь авторские идеалы «симпатии» и братства.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; Дж. Элиот; образ; герой; мотив; священнослужитель.
doi 10.17072/2037-6681-2016-2-83-93

Роман «Братья Карамазовы» (1879–1880) – общепризнанный итог и вершина творчества Ф. М. Достоевского. О его связях с мировой литературой, как непосредственных, так и типологических, писали неоднократно². В настоящей статье будет представлен новый материал, раскрывающий принципиально важные точки соприкосновения «Братьев Карамазовых» с итоговым произведением крупного европейского автора той же эпохи – а именно романом «Дэниел Деронда» (1876–1877) Джордж Элиот.

Проблема «Достоевский и Джордж Элиот» практически не привлекала внимания отечественных исследователей³. Причиной тому является не только малая известность наследия Джордж Элиот в России, но и отсутствие каких-либо свидетельств того, что Достоевский, в отличие от Л. Н. Толстого или Н. С. Лескова, был знаком с творчеством английской писательницы⁴. За рубежом к сопоставлению имен Достоевского и Элиот обращаются гораздо чаще, можно обнаружить и монографические исследования этой темы⁵. Однако проблема типологических

связей романов «Братья Карамазовы» и «Дэниел Деронда» до сих пор не поднималась в литературоведческой науке.

Основанием для ее постановки могут служить уже внешние факторы: и Достоевский, и Элиот были одними из самых знаковых фигур как в национальной, так и в мировой литературе второй половины XIX в.⁶ Оба разрабатывали методы реалистического психологизма в литературе и оказали значительное влияние на последующих авторов. Весьма схожи и религиозно-философские взгляды Элиот и Достоевского: известно, что оба писателя весьма критично относились к официальной церкви, но при этом сущность их нравственной философии была глубоко христианской. Как пишет Б. М. Проскурнин, «кризис религиозного мышления Дж. Элиот, приведший к разрыву с официальной церковью, побудил ее познакомиться с книгой немецкого теолога и философа Д. Штрауса “Жизнь Иисуса”, ...связанной с оспариванием идеи божественности Христа» [Проскурнин 2006: 292]. Другой «настойной книгой» Элиот стала «Сущность

христианства» Л. Фейербаха, с идеями которого писательница, по ее собственному утверждению, была «везде согласна» [The George Eliot letters 1955: 153]. Вслед за Фейербахом Элиот была убеждена, что суть христианства является антропологической.

Скептическое отношение к официальной Церкви было присуще и Достоевскому⁷, и при этом он также был хорошо знаком с трудами Штрауса и Фейербаха, идеи которых оказали большое влияние на всех участников петербургских кружков 1840-х гг., куда входил и Достоевский⁸. И хотя впоследствии труды немецких философов подвергались писателем резкой критике (в «Дневнике писателя» он, в частности, замечает, что Штраус «ненавидит Христа», хотя «обожает человечество» (22, 132)), исследователи указывают на то, что он оказал влияние на многие идеи в творчестве Достоевского⁹.

Романы «Дэниел Деронда» и «Братья Карамазовы» создавались Достоевским и Элиот практически в одно время, с разницей в пару лет¹⁰, и одинаково стали для писателей финальными в творчестве: Достоевский умрет через четыре месяца после публикации «Братьев Карамазовых»; Джордж Элиот проживет после завершения «Дэниела Деронды» четыре года, но больше не создаст ни одного художественного произведения.

Итоговый характер обоих романов ощущается и в их идейно-образной структуре: и Элиот, и Достоевский стремятся здесь с максимальной полнотой выразить свои концепции человека и мироустройства. Представляется, что ключевым пунктом сближения «Братьев Карамазовых» и «Дэниела Деронды» является то, что оба писателя ставят в центр своих последних романов совершенно особого героя, концентрируя в нем все главные идеи своего творчества. Неслучайно в образах и Алеши Карамазова, и Дэниела Деронды чувствуются отголоски предыдущих «любимых» героев обоих писателей: оба они словно отливались годами и теперь предстают перед читателями как итог раздумий своих создателей.

Этот «мостик» к предшествующему творчеству перебрасывает сам Достоевский, в черновых набросках к «Братьям Карамазовым» называющий Алешу «Идиотом»¹¹ (15, 199, 202, 203). Хотя роман строится по традиционному для писателя «полифоническому» [Бахтин 2000: 12] принципу (на это указывает и его название), уже в первых строках предисловия Достоевский подчеркивает, что именно Алексей Федорович Карамазов – герой, причем не одного, а двух романов (второй, ненаписанный, должен был повествовать о деятельности Алеши в миру). Более того

– автор сразу же выдает, насколько дорог ему этот образ. Прямо или косвенно он семь раз называет Алешу «мой герой» (14, 5–6), это же выражение предваряет четвертую главу, посвященную младшему из Карамазовых (14, 17).

В предисловии Достоевский сразу обозначает и необычность своего героя: «человек странный, даже чудак» (14, 5). Однако эта странность Алеши ведет вовсе не к его обособленности, «юродивости» (хотя слово это упоминается в главе IV первой книги (14, 20)), но, напротив, к избранничеству, особой миссии героя. Алеша, как пишет автор, «носит в себе... сердцевину целого», т. е. потенциально способен понять суть своего времени, увидеть ключевые духовные потребности окружающих его людей. Этот вектор в характере и судьбе героя – направленность не столько к Богу, к монастырскому уединению, сколько к людям – Достоевский также обозначает в самом начале романа: «Алеша... был вовсе не фанатик»; «не мистик»; «был он просто ранний человеколюбец» (14, 17); «людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей», и при этом не хотел «быть судьей людей» (14, 18).

А вслед за этим Достоевский еще и придает образу Алеши характер широкого обобщения, делая его подлинным героем своей эпохи. Он указывает, что его герой – это «юноша отчасти уже нашего последнего времени, то есть честный по природе своей, требующий правды, ищущий ее и верующий в нее, а уверовав, требующий немедленного участия в ней всею силой души своей, требующий скорого подвига, с неперменным желанием хотя бы всем пожертвовать для этого подвига, даже жизнью» (14, 25). Впрочем, в романе «Братья Карамазовы», первом из задуманной диалогии, Алеша вовсе не совершает никаких подвигов – он лишь «становится, что не менее важно», как подчеркивает В. К. Кантор [Кантор 1983: 158]. Внешне второстепенная роль Алеши в драматических событиях, произошедших в семье Карамазовых, не затемняет возложенной на него автором идеологической функции. По словам В. К. Кантора, «сама поэтика романа свидетельствует о том замысле, который связывал Достоевский с образом Алеши: защитник, заступник русской земли должен быть и ее соединителем» [там же: 165].

Эта структурно-соединительная функция образа Алеши выражается, как уже было замечено исследователями, в том, что по ходу действия он постоянно перемещается от одного героя к другому, способствует их «со-общению», а также проговариванию ими собственной позиции, тех идей, из которых складывается целостное нрав-

ственно-философское содержание романа. Однако, на наш взгляд, образ Алеши тем самым выражает не одну лишь авторскую концепцию братства, всеобщего единения людей на основе христианских ценностей. В предполагаемой диалогии Достоевский формирует, как нам представляется, свой собственный идеал героя-подвижника, героя-спасителя. Он не совершает революционных преобразований, но неустанно осуществляет дело помощи людям, которое выражается в сочувствии, живом участии, попытке принятия самых разных жизненных позиций при неизменном следовании христианским заветам. По сути, герой Достоевского выполняет функции священнослужителя, а его дело является не чем иным, как священнослужением в миру.

На эту интерпретацию указывают уже очевидные внешние факторы: Алеша появляется перед читателем «в ряске послушника» (14, 17), он осознанно готовится стать частью черного духовенства. Дальнейшее сюжетное действие, казалось бы, удаляет героя от этой дороги: умирает старец Зосима, благословляя своего любимого ученика «на великое послушание в миру» (14, 71), и Алеша готовится «выйти из монастыря» (14, 167). Распространенные в советском литературоведении версии о том, что Достоевский собирался во втором романе сделать героя революционером и даже цареубийцей, нередко вводили исследователей от более глубокого анализа того дела, которому посвящает себя Алеша.

Д. Д. Благой, убедительно доказывающий в своей статье необоснованность этих интерпретаций (см.: [Благой 1974: 14–15, 19–22]), обращает внимание на то, что, посылая героя «в мир», старец Зосима делает малозаметное уточнение: «Все должен будешь перенести, пока вновь прибудешь» (14, 71) (курсив мой. – И.Г.). «Такое возвращение отвечало бы чаяниям самого писателя», – полагает исследователь [там же: 19]. Таким образом, Достоевский изначально замыкает жизненный путь героя в кольцо: монастырь – «послушание в миру» – монастырь, тем самым не сводя его с духовного пути.

Если отбросить предположения о сюжете второй части диалогии и не выходить за рамки созданного Достоевским романа, то можно найти ответ и на вопрос о том, на какой путь направляет Алешу старец Зосима, что должен включать этот временной промежуток между уходом из монастыря и возвращением в него. Слова Зосимы, обращенные непосредственно к Алеше, действительно заключают неясную перспективу: «...Дела много будет. <...> С тобой Христос. Сохрани его, и он сохранит тебя. Горе узришь великое и в горе сем счастлив будешь. Вот тебе

завет: в горе счастья ищи. Работай, неустанно работай» (14, 71–72). Однако в «Житии» старца, составленном самим Алешей, есть эпизод, содержащий прямые переключки с заветом Зосимы своему ученику. Это наставление рядовым священнослужителям, которые «жалуются слезно и повсеместно на малое свое содержание и на унижение свое и прямо заверяют, ... что не могут они уже теперь будто бы толковать народу Писание» (14, 265).

Картина, которую рисует далее старец, во многих деталях корреспондирует с деятельностью Алеши в романе. «Собери он у себя раз в неделю, в вечерний час, сначала лишь только хоть деток, – прослышат отцы, и отцы приходиться начнут. <...> Разверни-ка он им эту книгу (Библию. – И.Г.) и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко...»¹² (14, 266), – это прямая отсылка к книге десятой «Мальчики», в которой Алеша объединяет ожесточенных прежде подростков у постели умирающего Илюшечки и незаметно внушает им евангельские истины. Здесь же находит отражение и указание Зосимы: «...Растолкуй иное непонятное простолюдину слово» (14, 266); завершается эпизод посещения Илюшечки восклицанием его отца (отголосок фразы «прослышат отцы» из наставлений старца), штабс-капитана Снегирева, который неожиданно цитирует Библию («Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...») (14, 507), и Алешиным объяснением мальчишкам этой фразы.

В поучении старца Зосимы есть и другие отсылки к образу Алеши – например, упоминание о «житии Алексея человека Божия» (14, 267), с которым автор имплицитно соотносит своего героя на протяжении всего повествования (см. подробнее: [Ветловская 1977: 168–175]); а также повторение евангельского мотива семени, который присутствовал и в последнем разговоре старца с Алешей¹³: «Нужно лишь малое семя, крохотное: брось он его в душу простолюдина, и не умрет оно, будет жить в душе его во всю жизнь, таиться в нем среди мрака, среди смрада грехов его...» (14, 266). В призыве Зосимы «уверовать» в народ («Кто же уверовал в народ Божий, тот узрит и святыню его») (14, 267) также очевидно соотнесение с авторским описанием характера Алеши («всю жизнь жил, совершенно веря в людей») (14, 18).

Наконец, в этом эпизоде жития старца Зосимы многократно повторяются слова «дело», «работа», «труд», что косвенно указывает на вероятное приложение сил Алеши в будущем. Возможно, он и не станет священником в профессиональном смысле, однако обрамляющие его

образ мотивы указывают на то, что это будет путь, близкий полноценному священнослужению. На протяжении всего романа Алеша как раз и занимается исполнением обязанностей духовника, исповедника. На это указывают даже названия глав: трижды в книге третьей повторяется заголовок «Исповедь горячего сердца», и исповедуется в этих главах Митя именно Алеше. Впрочем, и разговоры всех остальных героев (Ивана, Грушеньки, Катерины Ивановны, штабс-капитана Снегирева, Коли Красоткина, отчасти Лизы) с младшим из Карамазовых – не что иное, как исповеди, а порой и духовные беседы. Характерен в этом смысле визит Алеши к Грушеньке перед ее отъездом в Мокрое, в финале которого Ракитин раздраженно бросает: «Что ж, обратил грешницу?.. Блудницу на путь истины обратил?» (14, 324). А в последней главе романа Алеша произносит и полноценную проповедь перед мальчиками, призывая их помнить друг о друге и тем самым спастись от всякого зла: «И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение» (15, 195). Обращение к детям в финале – это тоже своеобразный «мост» во второй роман об Алеше, начало его деятельности в полном соответствии с заветами старца Зосимы – учить сперва «только хоть деток» (14, 266).

Подобный тип героя мы находим и в романе Джордж Элиот. Дэниел Деронда – молодой человек, который, как и Алеша, только выбирает свой путь в жизни и при этом, традиционно для героев Элиот, желает посвятить себя не просто определенной профессии, но высокой цели, которая наполнила бы его жизнь смыслом, указала бы приложение его душевных сил, знаний и энергии: «...В последние годы окончательной возмужалости он... всего более желал или какого-нибудь внешнего события, или какого-нибудь внутреннего света, которые побудили бы его к определенному образу действий и сжали его разбросанную энергию»¹⁴ (439).

Причем поиск цели во многом предопределен характером героя: «Люди привлекали его... соразмерно той возможности, которую он имел, чтобы защищать их, спасать, иметь на их жизнь благотворное влияние» (388–389). Эта «страсть к людям, побиваемым камнями»¹⁵ (877), как называет ее опекун героя сэр Хьюго, и подталкивает Деронду к знакомству с двумя молодыми женщинами, каждая из которых действительно остро нуждается в поддержке и сочувствии. Участие в судьбе этих героинь – аристократки Гвендолен Харлет и еврейки Миры Лапидот¹⁶ – и формирует две сюжетные линии романа. Факти-

чески, по аналогии с задуманной Достоевским диалогией, «Дэниел Деронда» также состоит из двух «романов». В одном из них – и он все-таки занимает центральное место в структуре – на первый план выходит драма взаимоотношений Гвендолен и ее мужа Грандкорта. Здесь Деронда практически не действует сам, но становится единственным и постоянным слушателем и советчиком героини, а главное – чем-то вроде нравственного мерила в ее сознании.

В другом «романе» Дэниел, напротив, является центральным действующим лицом, он чрезвычайно активен, находится в постоянном движении. Желание помочь Мире найти ее родных заставляет его интересоваться не только жизнью евреев, но и их религией и историей. Итог этих поисков закономерен: Деронда узнает, что его родители тоже были евреями, женится на Мире и уезжает на Восток, решая посвятить жизнь делу национального единения своего народа.

То, что Дэниел – личность незаурядная, подчеркивается Элиот с первых страниц романа. Причем эта незаурядность показана через ощущения других героев. Один пристальный взгляд, брошенный Дерондой на еще не знакомую ему Гвендолен в игорном зале, внушает ей не просто «едкое чувство, что он относится к ней критически», но и понимание, «что он создан не из того материала, как то человеческое отребье, которое окружало ее; что он сознает себя в сфере, чуждой ей и выше той, в которой находилась она...» (9–10).

Близким ему людям Дэниел также представляется человеком более совершенным и безгрешным, чем остальные. Особенно отчетливо это проявляется в сознании Миры: «Ее первое воображаемое впечатление, что Деронда был божественный посланец, все еще окружало его образ» (567). Подобным образом думает о герое и его лучший друг Ганс Мейрик, это выдают опять же слова Миры: «...Мистер Ганс говорил вчера, что вы так много думаете о других, что для себя не желаете ничего. <...> Он сказал, что вы похожи на Будду. Мы все думаем это о вас» (567). Это высокое доверие чувствует и сам Деронда: в тот момент, когда Ганс признается ему в любви к Мире, он ощущает «то странное раздражение, которое иногда случается с человеком, на которого другие смотрят как на руководителя, – раздражение, происходившее от того, что его не считают подверженным таким же желаниям и искушениям, как те, которые ему исповедуются» (564).

Хотя деятельность героя Элиот внешне никак не связана с религией и религиозными институтами, функционально его роль в романе, как и в

случае с Алешей, крайне близка к роли священнослужителя. Деронда, прежде всего, спаситель, помощник, наставник, духовный руководитель других людей. Кроме того, в его образ постоянно вплетаются мотивы священнослужения – в первую очередь, мотив исповеди. В том же эпизоде признания в своих чувствах Ганс пытается доказать Дэниелу свою искренность словами: «Я как в исповедалъне» (563). Многозначный глагол «to confess» (признаваться или исповедоваться) неоднократно встречается и в разговорах Деронды с Гвендолен, которые по сути являются не чем иным, как духовными беседами священнослужителя с грешницей, жаждущей утешения и наставления.

Цикл «исповедей» Гвендолен, которая после знакомства с героем стремится при любом удобном случае излить ему душу и добиться ответа на вопрос о том, как ей стать лучше и избавиться от чувства, что «жизнь ничего не стоит» (549), во многом повторяет ситуации более ранних произведений Элиот. Это и эпизод «двойной исповеди» в повести «Исповедь Джэнет» (1857), где молодой священник Эдгар Триан своим глубоким участием спасает доведенную до отчаяния молодую женщину Джэнет Демпстер¹⁷; и диалоги молодых героев в романе «Феликс Холт, радикал» (1866), где образованный ремесленник Феликс Холт призывает дочь священника Эсфирь Лайон отказаться от себялюбия и мелочности в пользу каких-то более серьезных жизненных целей и идеалов¹⁸.

На первый план во всех этих сюжетных ситуациях выходит ключевая для Элиот идея сострадания, сочувствия (simpathy). Это чувство многократно акцентируется и в описании Деронды, беседующего с Гвендолен: «побуждаемый состраданием, вложил в глаза и голос выражение сильного участия» (534), «его сердце было исполнено сострадания к ней» (548), «сказал... кротким тоном» (551), «в глубоком тоне Деронды была робкая нежность» (980). Мысли, внушаемые Дэниелом героине, очень близки тем истинам, которые традиционно высказывает духовник: «Постарайтесь заботиться о чем-нибудь

в этом обширном мире, кроме удовлетворения своих собственных мелких желаний. Постарайтесь заботиться о лучших мыслях и поступках – о том, что хорошо помимо вашей собственной жизни» (542–543).

Как и Алеша, Дэниел находит и собственного духовного учителя. Им становится брат Миры, молодой еврей Мардохей, который умирает от чахотки и завещает Деронде продолжить дело своей жизни – изучать историю еврейского народа и способствовать восстановлению его былого величия. Как Алешу монастырская дорога поражает «лишь потому, что на ней он встретил... необыкновенное... существо» (14, 18), так и Деронда находится под глубоким впечатлением от незаурядной личности Мардохея, глубоко верящего в важность своей миссии.

Однако, помимо учителей, на выбор героями своего пути влияет и еще одно обстоятельство – образ матери и связанные с ним детские воспоминания. Оба героя лишились матери в раннем детстве (Деронда на третьем, а Алеша на четвертом году жизни), и этот факт причиняет им одинаковое страдание. В «Братьях Карамазовых» образ набожной матери Алеши связывается и даже сливается с образом Богородицы (см. об этом: [Кантор 1983: 162–163]); для Деронды также «слова Отец и Мать заключали в себе Божественный огонь» (572). Глубокая убежденность Мардохея в том, что Дэниел принадлежит к их народу, возобновляет его страстное желание узнать тайну своего происхождения, найти свою мать. Точно так же устремленность Алеши в монастырь, как предполагает повествователь, могла родиться «из воспоминаний... младенчества», где «может быть, сохранилось нечто о нашем подгородном монастыре, куда могла возить его мать к обедне» (14, 25).

Акцент, сделанный обоими авторами на детских воспоминаниях своих героев, позволяет обнаружить в романах два весьма схожих эпизода, оказавших значительное влияние на формирование характеров Алеши и Деронды (в обоих текстах курсив мой. – И.Г.).

«Братья Карамазовы»	«Дэниел Деронда»
«Такие воспоминания могут запоминаться (и это всем известно) даже и из более раннего возраста, даже с двухлетнего, но лишь <i>выступая всю жизнь</i> как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины, которая вся погасла и исчезла, кроме этого только уголочка. Так точ-	« <i>Одна минута составила в его жизни главную эпоху</i> – минута, полная <i>июльского солнца</i> и больших роз, усыпавших своими последними лепестками травянистый двор, обрамленный с трех сторон готическим монастырем. Представьте его в подобном месте: тринадцатилетнего мальчика, распростертого ничком на траве, где была тень; его кудрявая головка подпирается

но было и с ним: он запомнил *один вечер, летний*, тихий, отворенное окно, *косые лучи заходящего солнца* (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу образ, пред ним зажженную лампадку, а пред образом на коленях *рыдающую* как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко *до боли* и молящую за него Богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к образу как бы под покров Богородице... и вдруг вбегает нянька и вырывает его у нее в испуге. Вот картина! Алеша запомнил в тот миг и лицо своей матери: он говорил, что оно было испуганное, но прекрасное...»¹⁹ (14, 18)

рукою над книгой, а учитель его, также читая, сидит на садовом стуле под тенью.

<...> Вдруг он опустил свою левую руку и взглянул на учителя, сказав чистым детским голосом:

– Мистер Фрейзер, почему у пап и кардиналов всегда было так много племянников? <...>

– Их родные дети назывались племянниками. <...>

...Деронда, как будто что-то ужалило его, приподнялся...

Он всегда называл сэра Хьюго дядей, и когда... старался различить что-нибудь в этих ранних сумерках (своего раннего детства. – И.Г.), смутно ощущал, как его целовали очень много и окружали тонкой, облачной, душистой драпировкой, пока его пальцы не ухватились за что-то жесткое, отчего *ему сделалось больно*, и он *расплакался*. <...>

...В эту минуту на траве между розовыми лепестками Дэниел Деронда познакомился в первый раз с этими горестями. Новая мысль вошла в его голову и начала изменять его обычные чувства...» (201–204)

Оба автора подчеркивают особую роль этих моментов в судьбе героев: это очевидно из указания на «один вечер» и «всю жизнь» Алеши и «одну минуту» как «главную эпоху в жизни» Дэниела. В обоих случаях события происходят летом, что усиливает ощущение радости бытия, гармоничности мира для юных героев. Ключевым мотивом и тех и других воспоминаний становится солнечный свет («косые лучи заходящего солнца» у Алеши и наполненность «июльским солнцем» у Деронды). Свет и освещает, и одновременно *освящает* в памяти героев эти короткие фрагменты, особенно очевидно это в тексте Достоевского. Сакрализации мыслей и чувств Деронды способствует другая деталь – указание на монастырские стены вокруг него. В других эпизодах романа неоднократно упоминается, что герой Элиот рос в имении, которое когда-то было аббатством, – таким образом, он тоже своеобразно «выходит из монастыря», как и Алеша.

Однако, несмотря на внешнюю гармонию, старательно подчеркиваемую обоими авторами («вечер, летний, тихий», «отворенное окно», «зажженная лампадка» у Достоевского и «травянистый двор», усыпанный лепестками «больших роз», «кудрявая головка» и «чистый детский голос» героя у Элиот), в эту картину одинаково резко врываются людские страдания. Мать Алеши «рыдает в истерике» и обнимает его «до боли»; Деронда точно так же во «вложенном» в

этот эпизод дополнительном воспоминании ощущает, как забота матери причиняет ему боль и вызывает слезы. Однако еще сильнее его собственные чувства, вызванные словами учителя в описываемый летний день: герой вдруг начинает подозревать, что он незаконнорожденный сын и тайна его происхождения связана с чем-то позорным и постыдным. Такой же диссонанс в отношении к матери сформируется под влиянием детских воспоминаний и у Алеши: ореол святости, окружающий в душе героя ее образ, постоянно будет входить в противоречие с отношением к ней других людей – прежде всего, Федора Павловича, не гнушающегося посмеяться над странностями своей покойной жены-«кликуши».

В биографии Алеши и Деронды до начала сюжетного действия вообще обнаруживается много схожих моментов. Оба они остались сиротами при живых родителях и воспитывались чужими людьми, оба в силу этих обстоятельств сильно погружены в свой внутренний мир. Деронду в школе «считали мальчиком скрытным, хотя он был так добродушен и незаносчив, ... что никто не находил его сдержанность неприятной» (213), а впоследствии желание помогать другим и вовсе способствует его «популярности» (220). Алеша «в детстве и юности... был мало экспансивен и даже мало разговорчив, но не от недоверия, не от робости или угрюмой нелюдимости, вовсе даже напротив, а от чего-то другого, от

какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной...» (14, 18), но при этом «товарищи его до того полюбили, что решительно можно было назвать его всеобщим любимцем» (14, 19).

Схожим оказывается и сильное нравственное воздействие Алеши и Деронды на главных героинь романа – Грушеньку и Гвендолен. Во время упомянутого посещения Грушеньки, когда Алеша называет ее своей «сестрой», признавая в ней «сокровище – душу любящую» (14, 318), героиня начинает остро нуждаться в его участии и наставлении. «Да неужто ж ты уходить, Алеша, хочешь!» – восклицает Грушенька «в горестном изумлении» (14, 323) в финале разговора. А после ареста Мити героиня «только одному ему [Алеше] доверяла свое сердце и непрерывно просила у него советов» (15, 6).

Точно такую же потребность в Деронде очень быстро начинает ощущать и Гвендолен. А финальная «исповедь» героини после гибели ее мужа буквально пронизана страхом, что она лишится участия Дэниела из-за своих дурных желаний и поступков. «Вы не должны бросать меня, – сказала Гвендолен... – Я вынесу всякое наказание. Я буду вести такую жизнь, какую вы назначите мне. Но вы не должны бросать меня» (855).

Глубину душевного потрясения обеих героинь и их отношение к героям выдает и одинаковое желание встать на колени: Гвендолен едва сдерживает порыв «броситься... на колени» (849) перед Дерондой; Грушенька действительно падает перед Алешей на колени «как бы в испуге», выражая ту же безмерную признательность, что чувствует и героиня Элиот: «Пожалел он меня первый, единый, вот что!» (14, 323).

Помогая другим, оба героя ищут и свой собственный путь, однако ни Достоевский, ни Элиот не дают четких ответов на духовный запрос своих героев: Алеша в финале знает только то, что покинет «здешний город, может быть, надолго» (15, 195) – вероятно, для того, чтобы помочь брату бежать из ссылки; Деронда готовится «к отъезду на Восток» (991), чтобы «лучше ознакомиться с положением» своей нации «в разных странах» и попытаться восстановить ее «политическое существование» (982). В обоих случаях ближайшая деятельность героев представляет собой неопределенный сплав политических и духовных задач. Но поэтическая структура обоих романов позволяет дать более четкую характеристику их будущему: очевидно, что и Алеша, и Дэниел продолжат свой путь священнослужения в миру, т. е. духовного слу-

жения людям, к какому бы народу они ни оказались принадлежащими.

Дискуссионным в этой связи остается вопрос о том, почему Элиот отправляет одного из самых совершенных своих героев на Восток. Исследователи нередко интерпретируют контрастное соединение двух сюжетных линий романа – Деронды и Гвендолен–Грандкорта – как сатирический взгляд писательницы на современную английскую и европейскую жизнь (см.: [Frazier]). Такая интерпретация романа напрямую перекликается с точкой зрения Достоевского, высказывающего в «Зимних заметках о летних впечатлениях» целый ряд критических замечаний о западной цивилизации: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности. <...> ...Эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была всё свое Я, всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротив, отдать его обществу без всяких условий» (5, 79).

Выбор пути для каждого из своих итоговых героев был обусловлен и общностью во взглядах Достоевского и Элиот на институт Церкви. Главными героями произведений Элиот чаще становились не священнослужители англиканской Церкви, а проповедники самых разных протестантских общин – методисты, евангелисты, индипенденты, объединенные общим рвением «достучаться» до сердца каждого отдельного человека, обратить его к Богу путем сострадания и любви. Эта позиция проявляется и в творчестве писателя, где также редко встречаются образы православного духовенства²⁰, – даже в «Братьях Карамазовых» он намеренно выделяет феномен старчества как явление новое и еще не совсем органичное для русского монастыря. Гораздо чаще в произведениях Достоевского появляются другие, чисто национальные носители духовных истин, – юродивые, странники, богомольцы. Они-то и становятся учителями, духовным ориентиром для остальных героев.

В своих последних романах Элиот и Достоевский одинаково решаются возложить эту миссию на героев, которые не принадлежат к духовенству. Это просто молодые люди, герои своего времени с великими помыслами и жаждой «подвига». Однако именно они на этот раз берут на себя функцию если не духовных учителей, то духовников, умеющих услышать и понять окружающих, вовремя дать нужный совет, наставить на истинный путь. В перспективе у обоих – и Алеши, и Деронды – решение сложнейшей задачи братского единения людей, но начинают они с

малого – кропотливого, ежедневного священнослужения в миру, среди людей, остро нуждающихся в утешении и поддержке.

Проведенный анализ, разумеется, не полон и является лишь заявкой на исследование многогранной темы «Достоевский и Джордж Элиот». Однако реализация идеи священнослужения в миру через образы «Братьев Карамазовых» и «Дэниела Деронды» позволяет уверенно заявить о наличии не просто типологического сходства в творчестве писателей, но и близости их концепций человека и мира, об общем поиске героя, который сумел бы нести христианские истины людям и претворять в жизнь авторские идеалы «симпатии» и братства.

Сопоставление финальных романов Элиот и Достоевского тем самым указывает на наличие общих художественных закономерностей в развитии мировой литературы; одинаковой потребности в появлении героя, который сочетал бы в себе горячую приверженность христианским ценностям с подлинно человеческим отношением к людям. И в «Братьях Карамазовых», и в «Дэниеле Деронде» писатели предпринимают общую попытку поставить проблему истинно духовной личности на материале обыкновенного человека – то, что впоследствии станет одной из самых явных тенденций в литературе начала XX в.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант № 14-34-01240.

² См., например, раздел во вступительной статье Г. М. Фридендера [Фридендер 1976: 460–469]; диссертационное исследование Н. Д. Старосельской [Старосельская 1984]; статьи С. Г. Бочарова [Бочаров 1976], Н. Ф. Будановой [Буданова 1996], Д. И. Чижевского [Чижевский 2010] и мн. др.

³ Исключением являются недавно вышедшие статьи В. Б. Ивановой [Иванова 2015] и Т. А. Пирусской [Пирусская 2015].

⁴ Ни в письмах, ни в произведениях Достоевского не обнаруживается никаких упоминаний о Джордж Элиот. Ни одно из изданий, где публиковались русские переводы ее произведений (первый вышел в 1859 г., последний при жизни Достоевского – в 1880), не присутствует в личной библиотеке писателя (см.: Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции, научное описание. СПб., 2005. 336 с.). При этом потенциально роман «Дэниел Деронда» мог быть знаком Достоевскому: на русском языке он был опубликован в 1876 г. в журнале «Дело», в 1876–

1877 – выпущен в серии «Собрание иностранных романов», в 1877 г. вышел отдельным изданием.

⁵ Примером может быть магистерская диссертация Кэтрин Кертис «Восприятие и действие: сочувствие, милосердие и идеальные сообщества в “Мидлмарче” Элиот и “Братьях Карамазовых” Достоевского» [Perception 2011], а также научно-популярная публикация Кевина Фрейзера «Джордж Элиот и Федор Достоевский» [Frazier 2011].

⁶ О вкладе Джордж Элиот в развитие мировой литературы много пишет в своих работах Б. М. Проскурнин. В частности, он подчеркивает, что она «одна из первых начала художественно глубоко исследовать психологию человека и его сознание, что весьма типично и показательно для современной английской литературы»; а также то, что «Элиот была одним из самых крупных английских писателей XIX века, своим творчеством способствовавших философии английского романа» [Проскурнин 2006: 289, 291].

⁷ Известны его резкие высказывания на этот счет: «...Кто всего ближе стоит к народу? Духовенство? Но духовенство наше не отвечает на вопросы народа давно уже. Кроме иных, еще горящих огнем ревности о Христе священников, часто незаметных, никому не известных, именно потому что ничего не ищут для себя, а живут лишь для паствы, — кроме этих и, увы, весьма, кажется, немногих, остальные, если уж очень потребуются от них ответы, — ответят на вопросы, пожалуй, еще доносом на них» (25, 174).

Здесь и далее ссылки на полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского [Достоевский 1972–1990] даются в тексте в круглых скобках, где первая цифра обозначает номер тома, вторая – страницу.

⁸ Так, в «Дневнике писателя» он вспоминает, что Белинский «очень склонялся» перед Фейербахом и в его окружении «о Штраусе говорилось с благоговением» (21, 11). Постоянно обсуждалась «Сущность христианства» Фейербаха и в кружке петрашевцев; один из участников собраний А. В. Ханьков стал первым ее переводчиком на русский язык (см. (18, 318)). А книгу Штрауса «Жизнь Иисуса» Достоевский, как было установлено, брал именно из библиотеки Петрашевского (см. (18, 340–341)).

⁹ См. вступительную статью Г. М. Фридендера к «Братьям Карамазовым» в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского: «...Первый толчок к зарождению философско-символического истолкования евангельского рассказа о трех искушениях Христа, сформулированного Достоевским в подготовительных ма-

териалах к “Бесам” и к “Подростку”, а позднее получившего отражение в “Дневнике писателя”, в письме к В. А. Алексееву и в “Легенде”, дало чтение §§ 54–55 знаменитой книги младогегельянца Д. Ф. Штрауса “Жизнь Христа”» [Фридлендер 1976: 465].

¹⁰ Удивительным фактом историко-литературных схождений можно считать то, что замысел «Братьев Карамазовых» возникает у Достоевского как раз в течение 1876–1877 гг., когда в России публиковались переводы «Дэниела Деронды». Об этом он сообщает в последнем номере «Дневника писателя» за декабрь 1877 г.: «В этот год отдыха от *срочного* издания (т.е. 1878-й. – И.Г.) я... займусь одной художественной работой, сложившейся у меня в эти два года издания “Дневника” неприметно и невольно» (26, 126).

¹¹ Г. М. Фридлендер указывает в этой связи и на важность образа Алеши Валковского из «Униженных и оскорбленных» [Фридлендер 1976: 404].

¹² Отметим, что эта излагаемая Зосимой программа очень близка еще и концепции просвещения народа, которую излагает Джордж Элиот в романе «Феликс Холт, радикал» (1866). Именно так действует здесь главный герой, молодой ремесленник Феликс Холт, задавшийся целью просвещения рабочих, при поддержке священника Руфуса Лайона. Перевод романа был опубликован в «Отечественных записках» в 1867 г. и потенциально мог быть знаком Достоевскому.

¹³ «Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода». Запомни сие» (14, 259), – говорит Зосима Алеше накануне последней беседы с гостями, дословно повторяя эпиграф к роману.

¹⁴ Здесь и далее роман «Дэниел Деронда» цитируется по изданию: [Дэниэль Деронда 1877]. В скобках указаны номера страниц. Имена героев изменены согласно современным нормам написания.

¹⁵ Заметим, что в романе Достоевского также проявлен евангельский мотив «побивания камнями»: в четвертой книге школьники кидают камни в Илюшечку, а тот, в свою очередь, делает ответный бросок в Алешу, брата обидчика его отца. Образ Илюшечки связывается и с «большим камнем» (14, 507), под которым он хочет быть похороненным и возле которого в финале произносит свою речь-проповедь Алеша.

¹⁶ Еще одна реализация мотива «побивания камнями»: фамилия отчаявшейся молодой еврейки, которую отец хотел продать в содержанки, – Lapidoth, что явно переключается с англ. lapidate – побивать камнями.

¹⁷ См. об этом нашу работу: [Гнюсова 2014].

¹⁸ См. об этом нашу работу: [Гнюсова 2013].

¹⁹ Этот важный для понимания образа Алеши эпизод также находит свое «зеркальное отражение» в упомянутой части «Жития старца Зосимы». Учитель героя указывает, что и на его судьбу оказал первостепенное влияние образ матери, приобщившей его к вере. В рассказе Зосимы сохранятся те же ключевые детали, что и в воспоминании Алеши, – в частности, солнечные лучи как знак Божьего присутствия: «... Помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет от роду. Повела матушка меня одного... во храм Господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно и в первый раз от роду принял я тогда в душу *первое семя* слова божия осмысленно» (14, 264) (курсив мой. – И.Г.). А продолжение эпизода является опять же косвенным указанием на дальнейший путь Алеши, указанный им старцем: «Вышел на средину храма отрок с большою книгой, ...и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз нечто понял, в первый раз в жизни понял, что во храме божием читают» (14, 264).

²⁰ Можно вспомнить в связи с этим начало шуточной эпиграммы Достоевского 1874 г., адресованной Н. С. Лескову:

«Описывать всё сплошь одних попов,
По-моему, и скучно, и не в моде...» (17, 23).

Список литературы

Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М., 2000. Т. 2. 799 с.

Благой Д. Д. Путь Алеши Карамазова // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. Л., 1974. Т. 33, № 1. С. 8–26.

Бочаров С. Г. О двух пушкинских реминисценциях в «Братьях Карамазовых» // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. Т. 2. С. 145–153.

Буданова Н. Ф. «А поле битвы – сердца людей» («Братья Карамазовы» и «Девяносто третий год») // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 137–161.

Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы». Л., 1977. 199 с.

Гнюсова И. Ф. «Исповедь Джэнет» Джордж Элиот и «Отец Сергей» Л. Н. Толстого: сострадание вместо поучения // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 81–90.

Гнюсова И. Ф. Совершенствующая героиня в творчестве Джордж Элиот и Л. Н. Толстого // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 17–24.

Даниэль Деронда. Роман Джорджа Эллиота. СПб., 1877. 992 с.

Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.

Иванова В. Б. Флоренция в русской и английской литературе (Флоренция, Ф. М. Достоевский и Джордж Элиот) // Междунар. науч.-исслед. журн. 2015. Вып. 5–1 (36). С. 90–95.

Кантор В. К. «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского. М., 1983. 192 с.

Пирусская Т. А. Сплетня как авторефлексивный механизм в романах Достоевского «Бесы» и Джордж Элиот «Мидлмарч» // Вопросы литературы. 2015. № 2. С. 193–216.

Проскурнин Б. М., Яшенькина Р. Ф. История зарубежной литературы XIX века: западноевропейская реалистическая проза. М., 2006. 411 с.

Старосельская Н. Д. Тема русского фаустианства в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984. 208 с.

Фридендер Г. М. «Братья Карамазовы»: [Вступ. статья в примеч. (§ 8)] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 459–473.

Чижевский Д. И. Шиллер и «Братья Карамазовы» // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2010. Т. 19. С. 27–57.

The George Eliot letters: in IX vol. New Haven and London: Yale UP, 1955. Vol. V. 475 p.

Frazier K. Star-Crossed: George Eliot and Fyodor Dostoevsky. URL: http://www.bookslut.com/features/2011_11_018325.php (дата обращения: 10.11.2015).

Perception and Action: Sympathy, Charity and Ideal Communities in Eliot's Middlemarch and Dostoevsky's The Brothers Karamazov: A Thesis Submitted to The Faculty of the School of Communication In Candidacy for the Degree of Master of Arts in English by Katherine R. Curtis. Lynchburg: Liberty University, 2011. 102 p. URL: <http://digitalcommons.liberty.edu/masters/172/> (дата обращения: 10.11.2015).

References

Bakhtin M. M. Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. *Sobranie sochinenij: V 7 t. T.2* [Collected Works. In 7 vols. Vol. 2]. Moscow, 2000. 799 p.

Blagoj D. D. Put' Alejoshi Karamazova [Alyosha Karamazov's path]. *Izvestija AN SSSR. Serija literatura i jazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Literature and Languages]. 1974. Vol. 33(1). P. 8–26.

Bocharov S. G. O dvukh pushkinskikh reministsensijakh v "Brat'jakh Karamazovykh" [About two Pushkin's reminiscences in "The Brothers Karamazov"]. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 2. P. 145–153.

Budanova N. F. "A pole bitvy – serdtsa ljudej" ("Brat'ja Karamazovy" i "Devjanosto tretij god") ["And the battlefield is hearts of people" ("The Brothers Karamazov" and "Ninety-Three")]. *Dostoevskij. Materialy i issledovanija* [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. Vol. 12. P. 137–161.

Vetlovskaja V. E. *Poetika romana "Brat'ja Karamazovy"* [Poetics of "The Brothers Karamazov"]. Leningrad, Nauka Publ., 1977. 199 p.

Gnjusova I. F. "Ispoved' Dzhenet" George Eliot i "Otets Sergij" L. N. Tolstogo: sostradanie vmesto pouchenija [George Eliot's "Janet's Repentance" and Leo Tolstoy's "Father Sergius": Sympathy instead of Homily]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 1(25). P. 81–90.

Gnyusova I. F. Sovershenstvujushhajasja geroinja v tvorcestve George Eliot i L. N. Tolstogo [Perfecting female character in George Eliot's and Leo Tolstoy's works]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal]. 2013. Iss. 369. P. 17–24.

Eliot G. *Daniel' Deronda* [Daniel Deronda]. St. Petersburg, 1877. 992 p.

Dostoevsky F. M. *Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990.

Ivanova V. B. Florentsija v russkoj i anglijskoj literature (Florentsija, F. M. Dostoevskij i George Eliot) [Florence in Russian and English literature (Florence, Dostoyevsky and George Eliot)]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2015. Iss. 5–1(36). P. 90–95.

Kantor V. K. "Brat'ja Karamazovy" F. Dostoevskogo ["The Brothers Karamazov" by Fyodor Dostoevsky]. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 192 p.

Pirusskaja T. A. Spletnja kak avtorefleksivnyj mekhanizm v romanakh Dostoevskogo "Besy" i Dzhordzha Eliota "Middlemarch" [Gossip as an autoreflexive mechanism in Dostoyevsky's "Demons" and George Eliot's "Middlemarch"]. *Voprosy litera-*

ture [Problems of Literature]. 2015. Iss. 2. P. 193–216.

Proskurnin B. M., Jashen'kina R. F. *Istorija zarubezhnoj literatury 19 veka: zapadnoevropejskaja realističeskaja proza* [History of foreign literature of the 19th century: West European realistic prose]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 411 p.

Starosel'skaya N. D. Tema russkogo faustianstva v romane F. M. Dostoevskogo "Brat'ja Karamazovy". Dis. kand. filol. nauk [Russian faustianism in F. M. Dostoevsky's "The Brothers Karamazov". Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1984. 208 p.

Fridlender G. M. "Brat'ja Karamazovy". Vstupitel'naja stat'ja v primečanija (paragraf 8) ["The Brothers Karamazov". Introduction and commentary (paragraph 8)]. *Dostoevsky F. M. Polnoe sobranie sočinenij: V 30 t.* [Complete Works: In 30 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. Vol. 15. P. 459–473.

Chizhevsky D. I. Shiller i "Brat'ja Karamazovy" [Schiller and "The Brothers Karamazov"]. *Dos-*

toevsky. Materialy i issledovanija [Dostoevsky. Materials and Research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. P. 27–57.

Haight G. Sh. (ed.) *The George Eliot letters*: In 19 vols. Vol. 5. New Haven and London, Yale UP, 1955. 475 p.

Frazier K. *Star-Crossed: George Eliot and Fyodor Dostoevsky*. Available at: http://www.bookslut.com/features/2011_11_018325.php (accessed 10.11.2015).

Curtis K. R. *Perception and Action: Sympathy, Charity and Ideal Communities in Eliot's Middlemarch and Dostoevsky's The Brothers Karamazov*: A Thesis Submitted to The Faculty of the School of Communication In Candidacy for the Degree of Master of Arts in English. Lynchburg: Liberty University, 2011. 102 p. Available at: <http://digital-commons.liberty.edu/masters/172/> (accessed 10.11.2015).

**MINISTERING IN THE WORLD: THE MAIN CHARACTER IN THE NOVELS
«THE BROTHERS KARMAZOV» BY F. M. DOSTOEVSKY
AND «DANIEL DERONDA» BY GEORGE ELIOT**

Irina F. Gnyusova

**Associate Professor in the Department of Literary Criticism, Publishing and Editing
National Research Tomsk State University**

The paper attempts to prove that in their last novels F. M. Dostoevsky and George Eliot create a specific type of character, accumulating the main ideas of their artistic activity in him. Alyosha Karamazov and Daniel Deronda – the heroes of their time with great ideas and desire for "feat" – assume the function of confessors who can hear and understand surrounding people. Not being clergymen by status, they, in fact, minister in the world, which becomes the main mission of their lives. The investigation reveals not only the typological similarity of Dostoevsky's and George Eliot's creative activity, but also common features in their conceptions of the man and world, as well as a common search for a character that would be able to convey Christian truth to people and realize the author's ideals of "sympathy" and brotherhood.

Key words: F. M. Dostoevsky; George Eliot; type; character; motive; clergyman.

УДК 820 (73):821.161.1“19”

ИСПОВЕДАЛЬНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО И СОВРЕМЕННЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ РОМАН О ПОДРОСТКЕ

Евгения Михайловна Бутенина

к. филол. н., доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации

Дальневосточный федеральный университет

690920, Владивосток, о. Русский, корп. D, каб.414. eve-butenina@yandex.ru

Роман о подростке стал осмысляться в США как важная часть национальной словесности с середины XX в., и для его развития отмечалась равная значимость «Приключений Гекельберри Финна» и «Записок из подполья». Однако не только и, возможно, не столько эта повесть Достоевского важна для американского повествования о юношестве. Так, классический роман Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и современный роман Донны Тартт «Щегол» скорее говорят о значении для этой традиции «Братьев Карамазовых» и «Подростка». В статье сопоставляются образы молодых героев Достоевского, Сэлинджера и Тартт через призму исповедального повествования. Подобное сопоставление позволяет увидеть синтетичность русской «родословной» Холдена Колфилда, а также некоторые переключки с героями Достоевского в образе Теодора Декера, протагониста романа Тартт. В заключение делаются выводы о нарративных и идейных параллелях между классическими русскими и современными американскими романами. Как и исповеди в романах Достоевского, исповедальные повествования Сэлинджера и Тартт выполняют самоаналитическую и нарративную функции. Молодых героев русского и американских писателей объединяет, главным образом, развитие ими какой-то большой идеи или теории. Кроме того, Сэлинджеру близка христианская символика Достоевского, а Тартт использует опыт русского классика для описания героя в обрамлении города. Вслед за Достоевским американские писатели приводят своих героев-подростков к определенному примирению с действительностью, в котором им помогает написание искренней исповеди.

Ключевые слова: Достоевский; исповедальность; «Братья Карамазовы»; Коля Красоткин; «Подросток»; современный американский роман; Сэлинджер; «Над пропастью во ржи»; Тартт; «Щегол».

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-94-100

Роман о подростке стал осмысляться в США как важная часть национальной словесности с середины XX в., и для его развития отмечалась значимость повести Достоевского «Записки из подполья». Так, Ихаб Хассан заметил, что американская литература вышла не только из «Приключений Гекельберри Финна», но и из «Записок из подполья» [Hassan 1961: 24]; Лилиан Ферст подробно сопоставила повесть Достоевского и роман Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и заключила, что Холден Колфилд представляет собой не только американского подростка, но и антигероя «по другую сторону Атлантики» [Furst 1978: 85]. Однако не только и, возможно, не столько эта повесть Достоевского важна для американского романа о подростке. И роман

Сэлинджера, и роман современной писательницы Донны Тартт «Щегол» скорее говорят о значении для этой традиции романов «Братья Карамазовы» и «Подросток». В статье сопоставляются образы молодых героев Достоевского, Сэлинджера и Тартт через призму исповедального повествования.

Парадоксально, но в англоязычных работах об исповедальности и о юности в литературе практически не упоминается роман «Подросток» (1875), первоначальный ироничный подзаголовок которого, «Исповедь великого грешника, писанная для себя», определяет знаковое место романа в традиции фикционального дневникового письма молодого человека. Возможно, комментарий Джона Марри, в известной ранее моногра-

фии о Достоевском отнесшего этот роман в категорию текстов «меньшей значимости» [Murty 1916: x], определил мнение англоязычных критиков о нем на десятилетия. В 1965 г. американский «литературный лев», поэт и переводчик Кеннетт Рексрот, отчасти попытался восстановить справедливость в своей популярной книге «Перечитывая классику», представляющей собой короткие эссе о великих книгах от древности до современности. В главке о «Братьях Карамазовых» Рексрот отметил, что насмешка героев Достоевского над самими собой наиболее очевидна в романе «Подросток», «редко читаемом сегодня, хотя наиболее восприимчивые критики, начиная с Мейера-Грефе¹, называли его раскрытием метода» писателя и его «величайшим романом». Далее Рексрот называет «Подростка» «почти пародией на “Дэвида Копперфильда” и комической вариацией всех любимых героев и ситуаций Достоевского», несколько туманно добавляя, что метод Достоевского в этом романе «становится сознательным и эксплицитным; послы растворяются, а с ними и дилеммы (*the messages dissolve, and the dilemmas along with them*)» [Rexroth 1986: 185–186].

В числе современных «восприимчивых критиков» – известный немецкий славист Хорст-Юрген Геригк, предпринявший убедительную попытку сопоставления «Подростка» и «Над пропастью во ржи». Исследователь отметил и мучительные попытки обрести отца или наставника, способного его заменить, и концентрированность действия, занимающего несколько дней, и терапевтическую функцию исповеди, в обоих случаях описывающей события почти годичной давности [Gerigk 1983]², что принципиально отличает эти тексты от сюжетной главы «Записок из подполья», в которой зрелый герой рассказывает об эпизодах своей молодости. На статью Геригка полемически откликнулся Дональд Фиен, категорично называя ее «блестящей, но ошибочной» и предлагая взамен сопоставление Холдена Колфилда с Колей Красоткиным. Фиен приводит текстуальные доказательства того, что Сэлинджер рано прочел «Братьев Карамазовых» – ссылки на роман встречаются в его рассказах, – подробно сопоставляет переключки в эпизодах и религиозной символике двух романов и приходит к выводу, что двух подростков можно воспринять как цельный образ юного спасителя, мучительно мечтающего уберечь всех страдающих детей [Fiene 1987].

Многие параллели между двумя романами, действительно, поражают: в частности, пронзительный образ затравленного до смерти ребенка – умерший от мучительной болезни Илюша в

«Братьях Карамазовых» и покончивший самоубийством Джеймс Касл в романе «Над пропастью во ржи». При чтении романа Сэлинджера нельзя не обратить внимание на совпадение инициалов этого мальчика с инициалами Христа: James Castle – Jesus Christ, и эта отсылка усиливается ремаркой Холдена «<...> он всегда был сразу передо мной на переключке <...> Касл, Колфилд» (*always right ahead of me at roll call. <...> Castle, Caulfield*) (171)³. Так Касл, первым вызванный на переключке, становится первозванным (*the first called*), а Колфилд чувствует свое предназначение последовать за ним.

Холдена Колфилда и Колю Красоткина, безусловно, роднит сострадание к детям, предельная искренность, эмоциональность, ранимость, интеллектуальная развитость, что вызывает их нетерпимость, некоторое высокомерие и склонность дурачить окружающих (*horse around*, в романе Сэлинджера повторенное многократно). В отличие от Холдена, Коля не пишет исповедь для воображаемого читателя, но обращает довольно длинные монологи о себе к своему confidentу Алеше Карамазову. Оба мальчика стремятся независимо высказаться об официальной религии: по мнению Коли, «бог есть только гипотеза <...> для мирового порядка и так далее...»⁴ (XIV, 499), Холден же просто заявляет, что «он как бы атеист» (99). При этом и тот и другой непринужденно выказывают симпатию Христу. «И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность <...>», – говорит Коля (XIV, 500), и ему вторит Холден: «Мне нравится Иисус и все такое», однако американский подросток сопровождает свое признание скептической тирадой о Библии и апостолах (99). Независимое мышление порождает критические высказывания мальчиков об образовании. Пылкая фраза Коли – «Классические языки, если хотите все мое о них мнение, – это полицейская мера, вот для чего единственно они заведены, <...> – они заведены потому, что скучны, и потому, что отупляют наши способности» (XIV, с. 498) – соотносима с нарочито пустым эссе Холдена о египтянах и его манкированием практически всеми школьными предметами.

Однако порыв Коли Красоткина «умереть за все человечество, а что до позора, то все равно: да погибнут наши имена» (XV, 190) по размаху и пафосу сильно отличается от мечты Колфилда «просто быть ловцом во ржи» (173). В Коле сильны честолюбие и тщеславие (прозрачно обозначенные в его фамилии), ему жизненно необходимо поклонение, к которому он относится снисходительно («предался мне рабски», «слушает меня как бога» (XIV, 479)), любые робкие

попытки соперничества он безжалостно подавляет, а ради эффектной сцены способен на неосознанную жестокость (история с Жучкой). Холдену подобное стремление совершенно чуждо, ему нестерпимо практически любое общество, и даже в разговорах с любимой сестрой он порой испытывает неистовое раздражение. Его мечта – уединение с глухонемой женой в лесной хижине, где они «сами учили бы своих детей читать и писать» (199).

Разница между героями очень заметна в их отношении к чтению: Коле интересно найти в книгах что-то эффектное, чтобы произвести впечатление на публику (сразить учителя вопросом об основателях Трои или попытаться вызвать уважение Алеши Карамазова ссылками на Вольтера и Белинского, которых юный мыслитель пока «не то чтобы читал» или «не совсем читал» (XIV, 500–501)). Холден – тонкий читатель: в первой же строке своей исповеди он отрешивается от «всей этой муры в духе Дэвида Копперфильда» (1), остро чувствуя ее сентиментальность; с монахинями говорит о Меркуцио как о любимом герое «Ромео и Джульетты» и о несправедливости, когда «кого-то убивают – особенно такого умного и веселого и все такое – по вине других» (111); о Лоуренсе Оливье в роли Гамлета метко замечает, что такому красавцу больше подошло бы играть «какого-нибудь чертова генерала, а не грустного, потерянного парня» (117). Сленговое словечко *screwed up* Холден вскоре использует и для описания собственного состояния после осознания своей ошибки в неловкой сцене с мистером Антолини (195). Наконец, вызывает душевный отклик «исправленная» героем отсылка к Бернсу в заглавной идее романа: на самом деле, поймать «кого-то вечером во ржи» гораздо важнее, чем просто встретить.

В раскрытии аллюзивной идентичности Холдена значимо, что единственный сданный им в школе предмет – литература и единственный учитель, к которому он мог обратиться за поддержкой, – учитель литературы мистер Антолини, о котором рассказывается на той же странице, что и о ржаном поле (173). Только этот молодой учитель чувствовал, что сам Холден мог сорваться в «страшную пропасть» или «благородно умереть за какое-то абсолютно нестоящее дело» (187–188), и пытался его предостеречь.

Различия в натурах русского и американского подростков, конечно, объясняются в том числе разницей в возрасте, хотя в каком-то смысле они эмоциональные ровесники: Холдену в момент событий романа шестнадцать, но на первых же страницах своей истории он сообщает, что «иногда ведет себя, будто ему тринадцать» (9); Коля в

разговоре с Карамазовым дважды настаивает, что ему «через две недели четырнадцать» (XIV, 483, 500). Холден как будто стремится задержаться в детстве, однако вслед за признанием в инфантильности говорит о своих седых волосах и о том, что часто «ведет себя гораздо старше своих лет, но люди никогда этого не замечают» (9).

Сэлинджеру был интересен самый амбивалентный возраст подростка: ровно посередине «тинейджерства», в английском языке четко обозначенного периодом между тринадцатью (*thirteen*) и девятнадцатью (*nineteen*) годами. Примечательно, что этот возраст занимает срединное положение и между двумя юными героями Достоевского: тринадцатилетним Колей Красоткиным и девятнадцатилетним Аркадием Долгурюким. Уже поэтому можно говорить о синтетичности русской «родословной» Холдена, у которого немало общего и с героем «Подростка». Помимо отмеченных выше наблюдений Геригка и Львовой, можно отметить романтическую мечту о недостижимой возлюбленной: у Аркадия это совершенно недоступная ему богатая вдова Катерина Николаевна Ахмакова, а у Холдена – детская любовь Джейн Галлахер, которой он как будто может, но так за весь роман и не решается позвонить. В целом, противоречивость героя Сэлинджера, отчаянное одиночество, шутовская природа грубоватого юмора [Takeuchi 2007] сближают его и со многими другими героями Достоевского.

В качестве примера продолжающегося диалога американского повествования о подростке с исповедальной традицией Достоевского можно рассмотреть роман Донны Тартт «Щегол» (*The Goldfinch*, 2013), удостоенный Пулитцеровской премии и других наград. Донна Тартт – уроженка штата Миссисипи, и, хотя действие происходит на Юге только во втором романе писательницы, психологическом детективе «Маленький друг» (*The Little Friend*, 2002), в ее обращении к наследию Достоевского могло сыграть роль и южное происхождение. «Щегол» – третья книга Тартт, и, несмотря на обилие хвалебных отзывов, многие критики отмечали мелодраматический диккенсовский колорит этого романа воспитания (характерно, что рецензия Джеймса Вуда в «Нью-Йоркере» называется «Новая лавка древностей»). Действительно, недостижимая Пиппа, ровесница тринадцатилетнего героя, которую он увидел в нью-йоркском Метрополитен-музее, когда там произошел взрыв, и полюбил на всю жизнь; их общий добрый покровитель Хоби, владелец нью-йоркской антикварной лавки, говорящий на некоем викторианском языке [Wood 2013]; многочисленные счастливые совпадения –

все это может выглядеть странно, если не принять условие, что Тартт пишет литературную модернизацию.

Диккенсовский текст вполне естественно сочетается в романе Тартт с текстом Достоевского, намеченном уже в имени героя, Теодоре, «тезке» писателя. Коллизия романа построена на архетипической модели преступления и наказания: в роковой день взрыва загадочный умирающий старик просит Тео вынести из музея картину Карела Фабрициуса «Щегол», и мальчик, будучи в состоянии шока, выполняет эту просьбу. В течение многих лет его будут мучить страх разоблачения и невозможность расстаться с картиной, которую особенно любила его погибшая во время взрыва мать. Он будет привязан к этому полотну, как изображенный на нем щегол к своей жердочке.

Через несколько месяцев после взрыва отец Тео неохотно забирает сына от случайных опекунов и привозит в Лас-Вегас, где в их жизнь вскоре вторгается одноклассник Тео, таинственный эмигрант по имени Борис. Тео комментирует, что Борис и его отец Ларри любят проводить время за «интеллектуальными разговорами», «обсуждая известных игроков в русской истории: Пушкина, Достоевского и других, чьих имен я не знал» (р. 285; с. 296)⁵. Ампула игрока в прямом и переносном смысле близко и Борису, и Ларри, и последнего оно вскоре приводит к самоубийству из-за долгов. Борис стремится обыграть жизнь, несмотря на незавидные исходные карты, и, узнав, что у Тео есть бесценная картина, незаметно ворует ее, сохраняя у того иллюзию, что содержимое запечатанного свертка осталось прежним. После этого Борис надолго исчезает из жизни Тео, и тот возвращается в Нью-Йорк, в лавку молчаливого антиквара Хоби, и взрослеет, практически предоставленный самому себе.

Рассказывая о взрослении Тео, Тартт использует опыт Достоевского для создания эмоциональной исповеди героя через призму восприятия им города. Дональд Фангер, исследуя творчество Достоевского как «наследника» романтического реализма Бальзака, Диккенса и Гоголя, отметил, что уже с «Петербургской летописи» Достоевский «открывает возможности завуалированной исповеди» своего рассказчика, фланера-мечтателя, которому свойственно новое «урбанистическое любопытство» [Fanger 1998: xv, 166]. Мечтатель Достоевского, как и фланер, описанный Беньямином, «ищет прибежище в толпе. <...> Толпа – это вуаль, через которую привычная городская среда подмигивает фланеру, как фантазмагория. В толпе город – то пей-

заж, то жилая комната» [Беньямин 2013: 50]. Такое ощущение выражал герой «Подростка» в начале своей истории: «Я вышел в каком-то восхищении. Ступив на улицу, я готов был запеть. Как нарочно, было прелестное утро, солнце, прохожие, шум, движение, радость, толпа» (XIII, 35). Радостное ощущение города посещает и героя Донны Тартт в нечастые минуты ощущения правильности совершенных поступков: так, выходя из хранилища, где он оставил мучивший его сверток с картиной, он ощущает головокружение и, словно впервые, видит «голубое небо и трубящее солнце», благодаря чему улица как будто «растягивалась в солнечное царство толпы и удачи» (396).

Однако зыбкость этого просветленного мироощущения выражена еще в монологах героя «Белых ночей» (1848): «Между тем слышишь, как кругом тебя гремит и кружится в жизненном вихре людская толпа, слышишь, видишь, как живут люди, – живут наяву, видишь, что жизнь для них не заказана, что их жизнь не разлетится, как сон, как видение, что их жизнь вечно обновляющаяся, вечно юная и ни один час ее не похож на другой, тогда как уныла и до пошлости однообразна пугливая фантазия, раба тени, идеи, раба первого облака, которое внезапно застелет солнце и сожмет тоскою настоящее петербургское сердце, которое так дорожит своим солнцем, – а уж в тоске какая фантазия!» (II, 18–19). Петербургский мечтатель излагает эти мысли Настеньке, как будто счастливо встреченной судьбе, но чувствует, однако, что его фантазия о счастье иллюзорна. Такое же смутное предчувствие испытывает нью-йоркский герой незадолго до своей несостоявшейся свадьбы на богатой девушке, уведенной соперником: «Мы вместе вышли на улицу, в рождественское столпотворение, и на меня накатила тоска и растерянность; от зданий в праздничной упаковке, от переливов витрин гнетущая печаль только разрасталась: темное зимнее небо, серые каньоны мехов и драгоценностей, сила и сплин богатства» (480, 491).

Даже мечтателям порой свойственно экзистенциальное восприятие мира и города как его части. «Подпольные» же петербургские скитальцы Достоевского, производившие «впечатление чудаков или пьяных, а то и просто сумасшедших» [Анциферов 1991: 25], с фланерами-мечтателями имеют мало общего, и в «Преступлении и наказании» писатель противопоставляет эти типажи: «Любите вы уличное пение? – обратился вдруг Раскольников к одному, уже немолodomу, прохожему, стоявшему рядом с ним у шарманки и имевшему вид фланера. Тот дико посмотрел и удивился. – Я люблю, – продолжал

Раскольников, но с таким видом, как будто вовсе не об уличном пении говорил, — я люблю, как поют под шарманку в холодный, темный и сырой осенний вечер, непременно в сырой, когда у всех прохожих бледно-зеленые и больные лица; или, еще лучше, когда снег мокрый падает, совсем прямо, без ветру, знаете? а сквозь него фонари с газом блистают... — Не знаю-с... Извините... — пробормотал господин, испуганный и вопросом, и странным видом Раскольникова, и перешел на другую сторону улицы» (VI, 121).

Подобное настроение близко герою Тартт: свое взросление Тео описывает как бесприютное скитальчество по промозглому городу, и многократно повторенные слова «бродить» (*wander*) и «туман» (*fog*) относятся не только к его прогулкам «под туманной короной уличных фонарей» Нью-Йорка (545), но и к пограничному состоянию между реальностью и невротическим безумием, нередко усиленным наркотиками. Третье ключевое слово воспоминаний Тео — *dream*, в английском языке имеющее значения и мечты, и сна, а для сироты, видящего мать только во сне, эти понятия становятся особенно неразрывны.

Существуя в таком амбивалентном состоянии, Тео даже не взглянул на свою бесценную картину, прежде чем оставить ее в тайнике, и о краже Бориса узнал лишь тогда, когда тот снова неожиданно возник в его жизни. Глава, в которой описывается это появление, называется «Идиот». При встрече Тео рассказывает своему пожизненному другу-врагу, как читал этот роман в программе русской литературы, выбранной им для подготовки в колледж, и представлял, будто слышит голос Бориса, когда-то несколько раз подряд читавшего книгу в оригинале. Борису не свойственна сентиментальность, но в ответ он выражает легкое раскаяние в своей краже, о которой, как он был уверен, Тео уже известно. Несмотря на естественную вспышку ярости и обиды, Тео снова не может устоять перед демоническим обаянием славянского афериста и в день своей несостоявшейся свадьбы следует за ним в Амстердам, чтобы попытаться найти уже кому-то проданную картину.

В последней главе герои, едва уцелев в криминальных разборках, сообщают о похитителях картины в полицию и получают вознаграждение за помощь в обнаружении краденых шедевров. После этого Борис раздражается длинным монологом о своем понимании романа «Идиот» и заканчивает его такой идеей: «Если от добрых дел бывает вред, то где сказано, что от плохих бывает только плохое? А вдруг иногда неверный путь как раз верный? Вдруг можно пойти по неверному пути и оказаться там, где хотел? Или иногда

сделать все не так, а оно все равно выйдет, как надо?» (697, 708). В этом монологе Борис косвенно уподобляет Тео князю Мышкину, а сам выступает как своеобразный анти-Мышкин, никогда не стремившийся делать добро, но тем не менее невольно спасший запутавшегося Тео.

Исповедальность составляет одну из основ художественного и эссеистического наследия Достоевского [Holquist 1977; Розенблюм 1981; Frank 2010; Ковалев 2011 и др.]. Как и исповеди в романах русского классика [Кривицын 2001], исповедальные повествования Сэлинджера и Тартт выполняют самоаналитическую и нарративную функции. Молодых героев русского и американских писателей объединяет, главным образом, развитие ими какой-то большой идеи или теории. Коля Красоткин и Холден Колфилд мечтали о спасительской миссии, Аркадий Долгорукий придумал, как стать Ротшильдом, чтобы обрести желанную свободу, Тео Декер открыл для себя существование некоего «промежуточного пространства», где можно найти и красоту, и любовь. Сэлинджеру близка христианская символика Достоевского; Тартт продолжает традицию описания героя в обрамлении города. При этом в образе юного нью-йоркского скитальца Тартт вполне сознательно создает параллели с романом «Над пропастью во ржи» (как до нее это делал, например, Дж. С. Фокс) и, возможно, не случайно дает своему герою фамилию, начинающуюся с «Д»: в переключке, начатой Сэлинджером, Декер может следовать сразу за Колфилдом. Вслед за Достоевским американские писатели приводят своих героев-подростков к определенному примирению с действительностью, в котором им помогает написание искренней исповеди.

Примечания

¹ О его концепции, упоминавшейся и Бахтиным, см., например: [Мотылева 1959]. Можно отметить, что роман «Подросток» был глубже воспринят в немецкоязычной, чем в англоязычной традиции. См., в частности: [Геригк 2012].

² *Достоевский Ф.М.* Собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием тома и номера страницы в круглых скобках.

³ Вслед за Геригком это сопоставление предпринимает И.Л. Львова, подчеркивая, в частности, описания лицемерных и безжалостных нравов в школах для мальчиков [Львова 2010].

⁴ *Salinger J.D.* *The Catcher in the Rye.* New York; Boston: Little, Brown & Co., 1951. 214 p. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием номеров страниц в круглых скобках.

⁵ *Tartt D.* The Goldfinch. New York; Boston; London: Little, Brown, 2015. 784 p. *Тартт Д.* Щегол / пер. А. Завозовой. М.: Corpus, 2015. 827 с. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием номеров страниц в круглых скобках; в случае цитирования перевода за номером страницы оригинала указывается номер страницы перевода.

Список литературы

Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга [Репринт. изд.]. М.: Канон, 1991. 88 с.

Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: АдМаргинем Пресс, 2013. 144 с.

Геригк Х.-Ю. О «Подростке» Достоевского // Достоевский и мировая культура: альманах. М., 2012. № 28. С. 11–29.

Ковалев О.А. Нарративные стратегии в творчестве Ф.М. Достоевского. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2011. 316 с.

Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека: К антропологии Ф.М. Достоевского. М.: Макс Пресс, 2001. 372 с.

Львова И.В. Ф.М. Достоевский и американский роман 1940–1960-х годов: дисс. ... д-ра филол. наук. Великий Новгород, 2010. 286 с.

Мотылева Т.Л. Достоевский и мировая литература // Творчество Ф.М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 15–44.

Розенблум Л.М. Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 367 с.

Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Evanston: Northwestern University Press, 1998. 307 p.

Fiene D. M. J. D. Salinger and The Brothers Karamazov: A Response to Horst-Jurgen Gerigk's «Dostojewskis Jungling und Salingers The Catcher in the Rye» // Dostoevsky Studies. 1987. Vol. 4. P. 171–186. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/08/171.shtml> (дата обращения: 26.02.2016).

Frank J. Dostoevsky: A Writer in His Time. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. 958 p.

Furst L.R. Dostoyevsky's Notes from Underground and Salinger's The Catcher in the Rye // Canadian Review of Comparative Literature. Winter, 1978. P. 72–85.

Holquist M. Dostoevsky and the Novel. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977. 216 p.

Gerigk H. J. Dostojewskijs Jungling und Salinger's The Catcher in the Rye // Dostoevsky Studies. 1983. Vol. 4. P. 37–52. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/04/037.shtml> (дата обращения: 26.02.2016).

Hassan I. Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel. Princeton: Princeton University Press, 1961. 362 p.

Murry J.M. Fyodor Dostoevsky: A Critical Study. London: Hogarth Press, 1916. 263 p.

Rexroth K. Classics Revisited. New York: New Direction Books, 1986. 214 p.

Takeuchi Y. On the Carnavalesque // J.D. Salinger's The Catcher in the Rye / ed. by Harold Bloom. New York: Infobase Publishing, 2007. P. 99–105.

Wood J. The New Curiosity Shop. Donna Tartt's "The Goldfinch." October 21, 2013. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2013/10/21/the-new-curiosity-shop> (дата обращения: 26.02.2016).

References

Antsiferov N.P. Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Byl' i mif Peterburga [Petersburg's soul. Dostoevsky's Petersburg. Petersburg's reality and myth]. Reprint. ed. Moscow, Kanon Publ., 1991. 88 p.

Benjamin W. Kratkaja istorija fotografii [A short history of photography]. Moscow, AdMarginem Press, 2013. 144 p.

Gerigk H. Ju. O "Podrostke" Dostoevskogo [About Dostoevsky's "The Adolescent"]. Dostoevsky i mirovaja kul'tura [Dostoevsky and the world culture. Almanac]. Iss. 28. Moscow, 2012. P. 11–29.

Kovaljov O.A. Narrativnye strategii v tvorcestve Dostoevskogo [Narrative strategies in Dostoevsky's works]. Barnaul, Altai State University Publ., 2011. 316 p.

Krinitsin A.B. Isповед' podpol'nogo cheloveka: K antropologii F.M. Dostoevskogo [Confessions of the underground man: to Dostoevsky's anthropology]. M., Maks Press Publ., 2001. 286 p.

L'vova I.V. F.M. Dostoevskij i amerikanskij roman 1940–1960kh godov. Diss. dokt. fil. nauk [F.M. Dostoevsky and the American novel of the 1940–1960s. dr. philol. sci. diss.]. Veliky Novgorod, 2010. 286 p.

Motyleva T.L. Dostoevskij i mirovaja kul'tura [Dostoevsky and the world culture]. Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo [F.M. Dostoevsky's works]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1959. P. 15–44.

Rozenbljum L.M. Tvorcheskie dnevniki Dostoevskogo [Dostoevsky's diaries of a writer]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 367 p.

Fanger D. Dostoevsky and Romantic Realism: A Study of Dostoevsky in Relation to Balzac, Dickens, and Gogol. Evanston: Northwestern University Press, 1998. 307 p.

Fiene D. M. J. D. Salinger and The Brothers Karamazov: A Response to Horst-Jurgen Gerigk's

"Dostoevsky's *The Adolescent* and Salinger's *The Catcher in the Rye*". *Dostoevsky Studies*. 1987. Vol. 4. P. 171–186. Available at: <http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/08/171.shtml> (accessed: 26.02.2016).

Frank J. *Dostoevsky: A Writer in His Time*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010. 958 p.

Furst L.R. Dostoyevsky's *Notes from Underground* and Salinger's *The Catcher in the Rye*. *Canadian Review of Comparative Literature*. Winter, 1978. P. 72–85.

Holquist M. *Dostoevsky and the Novel*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1977. 216 p.

Gerigk H. J. Dostoevsky's Jungling und Salinger's *The Catcher in the Rye*. *Dostoevsky Studies*. 1983. Vol. 4. P. 37–52. Available at:

<http://sites.utoronto.ca/tsq/DS/04/037.shtml> (accessed: 26.02.2016).

Hassan I. *Radical Innocence: Studies in the Contemporary American Novel*. Princeton: Princeton University Press, 1961. P. 24. 362 p.

Murry J.M. *Fyodor Dostoevsky: A Critical Study*. London: Hogarth Press, 1916. 263 p.

Rexroth K. *Classics Revisited*. New York: New Direction Books, 1986. 214 p.

Takeuchi Y. On the Carnavalesque. *J.D. Salinger's The Catcher in the Rye*. Ed. by Harold Bloom. New York: Infobase Publishing, 2007. P. 99–105.

Wood J. *The New Curiosity Shop*. Donna Tartt's "The Goldfinch." October 21, 2013. Available at: <http://www.newyorker.com/magazine/2013/10/21/the-new-curiosity-shop> (accessed: 26.02.2016).

DOSTOEVSKY'S CONFESSIONAL NARRATIVE AND CONTEMPORARY AMERICAN ADOLESCENT NOVEL

Evgenia M. Butenina

Associate Professor in the Department of Linguistics and Intercultural Communication
Far Eastern Federal University

American critics have recognized the adolescent novel as a formative subgenre of the national literature since the middle of the 20th century, and some have found that Dostoevsky's *Notes from Underground* are as important for it as Mark Twain's *The Adventures of Huckleberry Finn*. However, analysis of J. Salinger's classic *The Catcher in the Rye* and Donna Tartt's recent *The Goldfinch* shows that *The Karamazov Brothers* and *The Raw Youth (The Adolescent)* seem to be even more important for American first-person novels about a young hero as they draw a lot from Dostoevsky's confessional narratives. The comparison of classic Russian and contemporary American adolescent novels demonstrates parallels in Christian symbolism (Salinger) and urban imagery (Tartt) to reveal the protagonist's inner self. As in Dostoevsky, confessions in Salinger and Tartt perform both self-analytical and narrative functions. Following Dostoevsky's model, Salinger and Tartt bring their characters to some reconciliation with the reality thanks to the development of a great theory, or idea. For Salinger's hero it is a savior-like mission; for Tartt's it is a discovery of special "middle zone" where he can find both beauty and love. Writing a sincere confession helps both Russian and American adolescents arrive at this relatively peaceful state of mind.

Key words: Dostoevsky; confessional narrative; *The Karamazov Brothers*; Kolya Krasotkin; *The Adolescent*; contemporary American novel; Salinger; *The Catcher in the Rye*; Tartt; *The Goldfinch*.

УДК 821.111

ОБРАЗЫ ВЫМЫШЛЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ В РОМАНЕ ОБРИ БЕРДСЛИ «ПОД ХОЛМОМ»

Ирина Александровна Табункина

к. филол. н., доцент кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. ira-tabunkina@mail.ru

Нина Станиславна Бочкарева

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. nsbochk@mail.ru

В статье проанализированы образы двух вымышленных художников, созданных английским графиком Обри Бердсли в незаконченном романе «Под Холмом». Выявлены значения имен художников, вербальная репрезентация их творчества, живописные и литературные реминисценции, связь с другими произведениями автора. Если образ Жана Баптиста Дора в романе создан только через экфрасис его произведений, то другой художник – Де Ла Пин – непосредственно участвует в сюжете как персонаж. Пейзажи и праздники Де Ла Пина ассоциируются с картинами Клода Лоррена и Антуана Ватто, а рисунки Ж.Б. Дора – с гротесками и виньетками самого Бердсли, однако в образах обоих вымышленных художников французская «галантная» традиция обнажается до порнографии, а живых людей заменяют интерьеры, костюмы и грим. Через призму сатирического гротеска порок не оправдывается, а высмеивается Бердсли.

Ключевые слова: английская литература; декаданс; конец века; вымышленные художники; французская галантная традиция; рококо; экфрасис; гротеск; сатира; Обри Бердсли; «Под Холмом».

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-101-112

Незаконченный роман «Под Холмом» (*Under the Hill*¹, 1894–1898) занимает центральное место в литературном творчестве английского графика Обри Бердсли (*Aubrey Beardsley*, 1872–1898). Известный в разных вариантах², он изучается в контексте биографии художника [Ross 1909; Евреинов 1912; Symons 1918; Lavers 1967; Weintraub 1967; Brophy 1976; Benkovitz 1981; Heyd 1986; Jackson 1988; Beckson 1989; Довжик 2013], его графики [Сидоров 1917, 1926, 1985; Macfall 1928; Walker 1948; Reade 1966, 1967; Easton 1972; Clark 1979; Fletcher 1987, 1989; Slessor 1989; Raby 1998; Calloway 1998], а также в контексте эпохи [Zatlin 1990; Sutton 2002; Савельев 2005, 2007]. Исследуя литературное наследие Бердсли в его жанровом разнообразии [Бочкарева, Табункина 2010], мы акцентировали внимание на синтетической природе романа «Под Холмом», образах главных героев, хронотопе, взаимодействии музыки, живописи и театра. В предлагаемой

статье предпринимается попытка проанализировать образы двух вымышленных художников – Жана Баптиста Дора и Де Ла Пина.

Имя Жана Баптиста Дора (*Jean Baptiste Dorat*) в романе появляется трижды. Впервые оно упоминается во второй главе (р. 79–80) в связи с его произведениями – это галантные росписи на панелях, которыми обшита комната Венеры (*was panelled with the gallant paintings*), – здесь совершается ее туалет – обряд причесывания и одевания к ужину. «Галантные» картины Дора на первый взгляд противопоставляются гротескному³ контексту, в который они помещены, – вульгарному поведению карликов и сомнительных существ (*some dwarfs and doubtful creatures*): находясь рядом с голубями из свиты богини, они «вывалили наружу свои языки, щипали друг друга и вели себя странно» (*lolling out their tongues, pinching each other, and behaving oddly enough*).

Другие произведения художника упоминаются в седьмой главе (р. 107) – это гравюры (*print*) Дора и его школы, которые висят в спальне Тангейзера на стенах, покрытых полосным рисунком из роз (*rose-striped walls*). В «изящно изогнутые» (*delicate curved*) рамы помещены изображения существ «порочных и обходительных» (*corrupt and gracious*). На этот раз сами гротескные создания Дора (*creatures*) как будто оживают (*lived*).

Сюжеты гравюр отнесены к «галантному» веку придворного театра и маскарада, но охарактеризованы как карикатурное соединение красоты и безобразия: грациозные и ужасно улыбающиеся дети в масках и домино (*slender children in masque and domino smiling horribly*), изысканные развратники, склонившиеся над глянцевыми плечами куклоподобных девушек⁴ (*exquisite lechers leaning over the shoulders of smooth doll-like girls*), ужасные маленькие Пьеро – любовники дам (*terrible little Pierrots posing as lady lovers*), таинственные щеголи и огромные птицеобразные женщины (*unearthly fops and huge birdlike women*). Последние помещены в рокайльную комнату, таинственно освещенную мерцанием угасающего огня, которое бросает огромные тени на стены и потолок (*in some rococo room, lighted mysteriously by the flicker of a dying fire that throws great shadows upon wall and ceiling*). Пространство гравюр расширяется: Пьеро указывают на что-то за пределами картины, рокайльная комната вбирает в себя всех персонажей, отраженных на ее стенах и потолке, как в «зеркале без амальгамы».

В русском переводе [Бердслей 1905, Бердслей 2001] отсутствует описание еще одной гравюры, вызвавшей у Тангейзера особое возбуждение. Здесь «галантные» сценки превращаются в порнографию (*One of the prints showing how an old Marquis practised the five-finger exercise, while in front of him his mistress offered her warm fesses [фр.] to a panting poodle, made the Chevalier stroke himself a little*). Карикатурность персонажей подчеркивается музыкальными ассоциациями (старый маркиз делает упражнение для тренировки беглости пальцев, необходимой при игре на фортепиано) и присутствием животных (любовница маркиза предлагает свои теплые ягодички дрожащему от желания пуделю). Графические листы самого Бердсли тоже указывают на грубый сексуальный подтекст «галантных» празднеств.

Кроме картин и гравюр, вымышленный художник Дора рисует причудливые гротески и виньетки (*extraordinary grotesques and vignettes*) на телах обитателей «Холма Венеры», собравшихся на ужине в третьей главе (р. 88). Перечислительный ряд состоит из девяти периодов, каждый из которых включает обозначение части те-

ла и рисунка на ней. Таким образом, воображение скользит по всему телу, с удивлением останавливаясь на каждом изображении: *Upon a cheek* (на щеке), *an old man scratching his horned head* (старик, почесывающий рогатую голову); *upon a forehead* (на лбу), *an old woman teased by an impudent amour* (старуха, дразнимая бесстыдным амуром); *upon a shoulder* (на плечах), *an amorous singerie* (фр.) (любовное кривлянье); *round a breast* (вокруг груди), *a circlet of satyrs* (кольцо сатиров); *about a wrist* (вокруг запястья), *a wreath of pale, unconscious babes* (гирлянда бледных, наивных младенцев); *upon an elbow* (на локте) *a bouquet of spring flowers* (букет весенних цветов); *across a back* (вдоль спины), *some surprising scenes of adventure* (некие удивительные авантурные сценки); *at the corners of a mouth* (в углах рта), *tiny, red spots* (крошечные красные пятнышки); *and upon a neck* (на шее), *a flight of birds, a caged parrot, a branch of fruit, a butterfly, a spider, a drunken dwarf, or, simply, some initials* (полет птиц, попугай в клетке, фруктовая ветка, бабочка, паук, пьяный карлик или просто инициалы). Мифологические персонажи (сатиры, амур, карлики) чередуются с растениями и животными, как на гротесках⁵.

Росписи на телах придворных⁶ завершают развернутое описание их причудливых нарядов. Выполняя декоративную функцию, рисунки сами становятся нарядами. «Самыми удивительными» (*most wonderful*) из всех рисунков называются черные силуэты, нарисованные на ногах и проступающие сквозь белые шелковые чулки (*black silhouettes painted upon the legs, and which showed through a white silk stocking*). Их сходство с роскошными синяками (*like a sumptuous bruise*) усиливает гротескное впечатление, создавая карикатурный эффект. Гротески и виньетки на телах придворных графичны благодаря контрасту черного и белого и тематически близки виньеткам самого Бердсли, сделанным для книги С. Смита и Р. Шеридана «Острословия» [Бердслей 1992: 66–81] (рис. 1), для альманаха «Сен-Пол» [Бердслей 2002: 54], деталям на листах («Осень. Рисунок для календаря», «Обложка для каталога редких книг», «Странные истории Лукиана») [там же: 95, 99].

Рис. 1. Виньетка, выполненная О. Бердсли, для книги С. Смита и Р. Шеридана «Острословия» (1893–1894)

Имя художника Жана Баптиста Дора из романа «Под Холмом» ассоциируется с именем французского поэта рококо [Brady 1984: 84], автора «легкой» поэзии Клода Жозефа Дора (*Claude-Joseph Dorat*, 1734–1780). Реминисценция к К.Ж. Дора подчеркивает синтетическую традицию образа художника Ж.Б. Дора в романе Бердсли. Рокайльная поэзия часто читалась и пелась. К.Ж. Дора рекомендовал мелодии, на которые нужно исполнять его стихотворения [Пахсарьян 2001]. Имя Ж.Б. Дора в романе Бердсли связано также с французским гравером, иллюстратором эпохи романтизма Полем Гюставом Доре⁷ (*Paul Gustave Doré*, 1831–1883). Бердсли, как и Г. Дора, не получил специального систематического художественного образования. Для изучения живописи они посещали художественные галереи.

Критики начала XX в. связывали образ Ж.Б. Дора с самим Обри Бердсли и его художественной манерой. Мифологизируя личность графика, Н. Евреинов восклицал: «Выдуманный “Жан Баптист Дор и его школа” ведь это ли не всамделишный “Обри Винсент Бердслей и его школа”!» [Евреинов 2001: 24]. По его словам, школа Бердсли – это «оправдание порока через красоту», а его темы – «это темы ужаса, порока, скандала» [там же: 24–25]. Действительно, в экфрасисе произведений Дора и его школы угадываются рисунки Обри Бердсли.

Если образ Ж.Б. Дора в романе создан только через экфрасис его произведений, то другой художник – Де Ла Пин (*De La Pine*) – непосредственно участвует в сюжете как персонаж. Первые его имя возникает в связи с интерьерами павильонов в Холме Венеры. В шестой главе романа (р. 102) говорится о складных ширмах (*folding screens*), расписанных Де Ла Пином пейзажами французского художника XVII в. Клода Лоррена: во всем павильоне не было ничего прекраснее их (*nothing in the pavilion was more beautiful*). Повествователь восхищен тем, что перед ландшафтами Лоррена можно млеть (*melt*), часами лежать и смотреть (*lie and look at*) и забыть о том, что сельская местность может быть скучна и утомительна (*forget the country can ever be dull and tiresome*)⁸.

Ландшафты в духе Клода Лоррена, сделанные Де Ла Пином, помещены в контекст интерьеров рококо. В хронотопе Холма Венеры сады переходят в парки, а ландшафт становится все таинственней (*mysterious*) [Бочкарева, Табункина 2010: 163]. Павильоны рококо «воспринимаются как уголок природы», а природа представлена «как уголок интерьера» [Данилова 2005: 231]. Четыре изящные стены (*delicate walls*) из склад-

ных ширм, расписанных пейзажами, образуют закрытое пространство – комнату в комнате (*make room within room*), чтобы окружить и оградить любовников, уютно спрятавшихся за ширмами (*hem in an amour so cosily*), как в «садах любви» (XVIII в. «не случайно любил ширмы» [там же]). Пейзажи, изображенные на ширмах, словно отражаются друг в друге и создают загадочные и таинственные лабиринты. Комната похожа на раковину. Схематично раковину можно изобразить как «спиралевидный завиток», из которого выводятся «основные параметры стилистики рококо»: динамика, асимметрия, криволинейность форм, неразрывное единство частей и целого» [Карякина 2000–2005: 322].

Форма завитков – наиболее частая в интерьере туалетной комнаты Венеры и на листе «Туалет Венеры» (1896): гирлянды завитков обрамляют туалетный столик богини. Ножки пюпитра и столика состоят из завитков, они изогнуты и хрупки. Подсвечник, рама зеркала, столик Венеры неотличимы от стены. В интерьере рококо «плоскость стены уничтожается декоративными панно и зеркалами, отражающимися друг в друге» [Дмитриева 2004: 360]. Так нарушается «традиционная иерархия» между элементами целого (*elimination of the traditional hierarchy among the elements of the whole*) [Brady 1984: 42–43]. П. Брэди демонстрирует эту черту рококо на примере, когда стол и стена не отличаются друг от друга: стол – это часть стены или стол – это стена, этот пристеночный столик с двумя ножками – это стол или орнамент на стене? [ibid.]. В интерьерах рококо протекают события романа – любовные встречи героев, одевания, купания, трапезы. События «в интерьере», «будуарные эпизоды» [Пахсарьян 1996: 38, 209] определяют тип хронотопа и жанровую разновидность романа Бердсли как «роман интерьера», а также его рокайльную стилистику, модифицированную в духе декаданса и модерна.

В последней (десятой) главе романа (р. 122–123) Тангейзер и Венера наносят визит в мастерскую художника Де Ла Пина (*De La Pine's studio, workshop*). Слава Де Ла Пина как художника необыкновенно усилилась благодаря его репутации как *fouteur* (от фр. *foutoir* – кавардак, бордель, беспорядок). Пристрастный взгляд дам, связанный с их приятными воспоминаниями, обращен прежде всего к французской традиции «галантных праздников» (*fêtes galantes merveilleuses*)⁹ и «безумств пастушек» (*folies bergères*)¹⁰.

Жанр «галантных праздников» в истории изобразительного искусства связан, прежде всего, с творчеством Антуана Ватто, его полотнами «Праздник любви», «Общество в парке» (рис. 2, 3) и стилем рококо в целом.

Рис. 2. А. Ватто «Праздник любви» (1717–1719)

Рис. 3. А. Ватто «Общество в парке» (1718)

Утонченное очарование живописи французского художника, нежные яркие оттенки и сочетания, «сплав бытового, декоративного и театрального в интимных лирических фантазиях» французского художника [Дмитриева 2004: 355], кажется, контрастируют с образом Де Ла Пина. В пропущенном в русском переводе [Бердслей 1905, Бердслей 2001] абзаце десятой главы Де Ла Пин назван «непристойным творением» (*bawdy creature*), а его мастерская – «обычным борделем» (*regular brothel*). Повествователь иронически утверждает, что огромный талант Де Ла Пина (*his great talent*) не нуждается в такой показной и «фаллической» поддержке (*meretricious and phallic support*), но при этом сравнивает его владение кистью, сильное и свободное (*every whit as strong and facile*), с владением половым органом (*with his brush as with his tool*). Этот же смысл несет и имя *De La Pine* (от фр. *pine* – половой член).

В мастерской Де Ла Пин показан среди группы друзей и знатоков, которые восхищались его самой последней картиной (*liking his latest picture*). Это маленькое полотно (*small canvas*), один из его восхитительных утренних шедевров

(*delightful morning pieces*), гости рассматривают в вечернее время (*later in the afternoon*). На заднем плане картины простирается галльский пейзаж (*Gallic country*), группы деревьев, венчающие гребни низких холмов (*clusters of trees cresting the ridges of low hills*), река, замок и утреннее небо (*a bit of river, a château, and the morning sky*). Таким образом, эпитет «утренний» получает двойной смысл.

На фоне похожего пейзажа – Франция, лес (*France, wood*), из которого видна кровля рядом стоящего замка (*chateau's roof*) – происходит действие в балладе Бердсли «Три музыканта» (*The Three Musicians*, 1896) (рис. 4) и на листах к ней (см. о них подробнее: [Бочкарева, Табункина 2010: 44–45]).

Рис. 4. Рисунок, выполненный О. Бердсли, к балладе «Три музыканта» (1896)

Женщины на картине Де Ла Пина и в балладе Бердсли одеты сходным образом: платье из белой ткани (*white frock*), коричневые чулки (*brown stockings*), нижние юбки (*straw-coloured petticoats*), белые туфли (*white shoes*). На рисунках к балладе обладательница сопрано носит легкую шляпку. Примечательно, что герои баллады напевают «самое последнее» сочинение композитора – его «утренний шедевр»: *Franz Himmel's latest roundelay, / The morning's work, a new-found theme, their breakfast and the summer day* [In Black and White 1998: 139].

Леди на картине Де Ла Пина носит шляпку из итальянской соломки (*Leghorn hat*) и стоит на итальянском балконе (*Italian balcony*). Ее волосы рыжие и убраны в шиньон (*Her hair was red and in a chignon*)¹¹. Рыжие волосы, убранные в шиньон, характерны для натурщиц Тулуз-Лотрека (например, на рекламном плакате «Японского Дивана») (рис. 5).

Рис. 5. А. Тулуз-Лотрек «Японский Диван» (1893)

У Бердсли на «Портрете мадам Режан» (рис. 6), выполненном тушью и красным карандашом, красный получает другой оттенок.

Рис. 6. О. Бердсли «Портрет мадам Режан» (1894)

У ног героини Де Ла Пина – крошечная японская собачка, срисованная с фаворитки королевы по имени «Фани» (*a tiny Japanese dog, painted from the Queen's favourite "Fanny"*), а на балюстраде балкона – открытая пустая птичья клетка (*an open empty bird cage*). На обложке для «Каталога редких книг» Л. Смитерса (рис. 7) Бердсли изобразил над балюстрадой балкона не пустую клетку, а попугая. Девушка здесь сидит, а не стоит, как у Де Ла Пина, и читает книгу, а не письмо.

Рис. 7. Обложка, выполненная О. Бердсли, для «Каталога редких книг» Л. Смитерса (1896)

Мотив девушки с письмом на вымышленной картине Де Ла Пина вызывает ассоциацию с полотнами голландского художника Яна Вермеера Дельфтского, в частности, с известной картиной «Девушка, читающая письмо у открытого окна» (рис. 8.). На этой картине представлено пространство комнаты, оформленное открытой створкой окна и красной шторой, а также зеленым полотном на кольцах и штанге, подчеркивающим иллюзию занавеса. Свет «врывается в интерьер извне, беспощадно обнажая все – и предметы, и человеческие фигуры, *опредмечивая, одрагоценивая их*, превращая в элементы обстановки» [Данилова 2005: 218].

Рис. 8. Я. Вермеер «Девушка, читающая письмо у открытого окна» (1657–1659)

В экфрасисе картины Де Ла Пина больше легкости, открытости, пейзажа. По сравнению с полотном Вермеера в ней нет пространственной глубины и светотеневой моделировки, поэтому она напоминает скорее гравюры Бердсли.

Тангейзер и Венера зашли в мастерскую Де Ла Пина, т.к. Тангейзер очень хотел иметь свой портрет. Но Де Ла Пин уже пишет портрет (*portrait*) парикмахера Венеры Космэ. Полотно обещает быть шедевром (*promised to be a veritable chef d'oeuvre*). Однако вместо экфрасиса картины Де Ла Пина повествователь дает характеристику мастерства парикмахера Космэ (*he was pastmaster in his art, that fine, relevant art of coiffing*), говорит о восторженном отношении к нему придворных (*loved and admired by everybody*), о его необычном костюме (*he was decorative in his white apron, black mask and silver suit*), скромном поведении и важной роли при дворе Венеры (*he was really modest and obliging, and was only seen and heard when he was wanted; he was useful <...> he was discreet*).

Словесный портрет Де Ла Пина не менее театрален, чем словесный портрет парикмахера Космэ. Прежде всего, это широкие пурпурные одежды, все в кисточках и пышных складках (*purple and full dress, all tassels and grand folds*).

Им соответствуют великолепно завитые волосы (*his hair magnificently curled*), тяжелые накрашенные ресницы (*his heavy eyelids painted*), широкие и романтические жесты (*his gestures large and romantic*). Портрет завершает сравнение Де Ла Пина с французским певцом-баритоном эпохи романтизма Виктором Морелем в роли Вольфрама во втором акте оперы Вагнера. Имеется в виду, конечно, опера «Тангейзер и состязание певцов в Вартбурге» (1845), послужившая толчком к написанию романа Бердсли «Под Холмом».

Во втором акте оперы происходит состязание: чередуются небольшие ариозо – выступления миннезингеров. Первое ариозо Вольфрама «Взор мой смущен» – сдержанное и спокойное, в сопровождении арфы. С думой о Елизавете воспевает он «чистый источник любви, который никогда не дерзнет осквернить» [Сто опер 1968: 64]. Рыцарь-певец Вольфрам у Вагнера противопоставлен Тангейзеру как соперник в поэтическом состязании и в любви к Елизавете. В романе Бердсли все персонажи отражаются друг в друге, меняют свой облик, одежду. Тангейзер переодевается в женское платье и выглядит как Богиня (*Goddess*). А Космэ напоминает маркиза из комической оперы (*Marquis in a comic opera*). Таким образом, музыкальная драма Вагнера под пером Бердсли превращается в комедию, в фарс.

Анализ образов вымышленных художников Жана Баптиста Дора и Де Ла Пина и экфрасиса их произведений в романе «Под Холмом» позволяет сделать следующие выводы. Оба художника носят французские имена и наследуют французскую «галантную» традицию. Зафиксированное в текстах XIV в. слово «галантный» означало «подвижность, непоседливость», а у Рабле – «предприимчивость, находчивость, хитрость». Но уже в «Галантных дамах» (*Les Dames galantes*) аббата де Брантома (Пьера де Бурдея, 1540–1614), послуживших для Бердсли образцом при создании романа «Под Холмом», слово «галантный» означает «благовоспитанность, изящество, обходительность ... в сфере любовных отношений» [Михайлов 1998: 17].

Литературный стиль Бердсли лаконичен и графичен до карикатурности. Интермедийность романа восходит к культуре рококо, отражает театральные и музыкальные традиции Италии и Германии. Хотя пейзажи и праздники Де Ла Пина ассоциируются с картинами Клода Лоррена и Антуана Ватто, а рисунки Ж.Б. Дора – с гротесками и виньетками самого Бердсли, в образах обоих художников «галантная» традиция обнажается до порнографии, а живых людей заменяют интерьеры, костюмы и грим. Через призму сатирического гротеска Бердсли порок не оправдывается, а высмеивается.

Примечания

¹ Роман Обри Бердсли «Под Холмом» цитируется с указанием номера страницы в круглых скобках по изданию: [Beardsley 1996: 67–114].

² Существует несколько версий незаконченного романа Бердсли. Первая имеет название «The Story of Venus and Tannhäuser», и главными героями являются Венера и Тангейзер. Полностью этот вариант романа был опубликован только после смерти автора в 1907 г. Л.Смитерсом и позже неоднократно переиздавался. Бердсли предложил несколько уже написанных им глав «Истории Венеры и Тангейзера» издателю Джону Лейну, планируя их выход на начало 1895 г. [The Letters... 1970: 76]. Однако скандал, связанный с арестом О. Уайльда, увольнение Бердсли из журнала «The Yellow Book», отказ Дента поддержать молодого художника задержали их выход до января 1896 г. Первые три главы появились в первом номере журнала «The Savoy», издаваемого Л. Смитерсом, под названием «Under the Hill» вместо «The Story of Venus and Tannhäuser» и с другими именами героев: первоначальные Венера и Тангейзер были заменены на Елену (*Helen*) и аббата Фанфрелюша (*Abbé Fanfreluche*). В апрельском номере опубликована четвертая глава произведения (эти четыре главы соответствуют семи главам полного варианта из десяти глав). В июле 1896 г. Л. Смитерс объявляет, что выпуск романа по частям будет прекращен, но произведение будет издано в форме книги с множеством иллюстраций [The Letters... 1970: 135], чего так и не произошло при жизни художника. «Журнальный» вариант был опубликован Д. Лейном в виде книги с рисунками автора в 1904 г. [Beardsley 1904: 7–36] и напечатан в переводе на русский язык в 1905 г. в № 11 «Вестник» [Бердсли 1905: 30–49].

³ По воспоминаниям Чарльза Лоренса, Бердсли утверждал: “[I]f I am not grotesque, I am nothing” (цит. по: [Higgins 2011: 63]). Дженнифер Хиггинс обнаруживает связь между сатирическим гротеском Бердсли и французскими реминисценциями в «Трех музыкантах», «Балладе о парикмахере» и в романе «Под Холмом».

⁴ Образ женщины-куклы, как и других «галантных» персонажей, – характерный элемент живописи русского художника, участника петербургского общества «Мир искусства» Константина Сомова, которого называют наследником художественных традиций О. Бердсли: «Поэзия женщины-куклы в пудренном парике и атласных фижмах, знавшей когда-то все шалости любви, а теперь – явившейся нам вожделеющим привидением “другого мира”, ядовитым цветком старинных боскетов» [Маковский 1999: 193].

⁵ В конце XV в. в Риме при раскопке подземных частей терм Тита был обнаружен незнакомый до того времени вид римского живописного орнамента, который назвали по-итальянски *la grottesca* (от *grotta*, т.е. грот, подземелье). Этот орнамент «поразил современников необычайной, причудливой и вольной игрой растительными, животными и человеческими формами, которые переходят друг в друга, как бы порождают друг друга» [Бахтин 1990: 39–40]. Рафаэль и его ученики подражали гротеску при росписи ватиканских лоджий. М.М. Бахтин анализирует природу гротеска в карнавальном искусстве и его проявления на разных этапах европейской литературы.

⁶ Росписи на теле имеют давнюю традицию, зафиксированную антропологами XIX–XX вв., и связанную с представлениями о душе, религиозных культах и социальных градациях (см.: [Фрезер 1980: 206, 392; Леви-Стросс 1984: 78–88]). Традицию росписи тела продолжают футуристы, обосновав концепцию футуристического «грима», созданную в 1913 г. М. Ларионовым и И. Зданевичем. Она «оказалась одной из наиболее ярких манифестаций новой формы существования искусства и одной из первых версий преддадаистской эстетики» [Бобринская 2005: 88–89].

⁷ В продолжении неоконченного романа Бердсли, принадлежащем перу американского поэта Джона Гласко, «искусно разбитые сады» в Холме Венеры сменяются «пейзажем в духе Доре» (*the Doré-like landscape* [Beardsley, Glassco 1959: 104]): «лабиринт огромных мрачных деревьев <...> Высокие дубы и буки бросали на землю угрюмые тени, вековые ивы сутулились, словно старухи, и толстые корни кошмарными змеями вились по земле. Под деревьями царил темнота...» [Уайльд, Бердслей 2003: 191]. В цитируемом переводе романа с продолжением нет купюр непристойных фрагментов.

⁸ Характеристика пейзажей Клода Лоррена, их превосходство над пейзажами Тернера и Коро, продолжается в сноске к седьмой главе романа (р. 106), где Тангейзер размышляет о картинах художника в коллекции Леди Делавер (*Delaware*) (подробнее об этом см.: [Табункина 2015: 151–158]). Сам Бердсли внимательно изучал искусство Клода Лоррена [Сидоров 1992: 275], а во время создания романа «Под Холмом» высказывал горячее желание иметь иллюстрированный каталог (*illustrated account*) его картин: «...хотя, возможно, было бы лучше получить 4–5 фотографий его морского порта и аркадских пейзажей» (письмо А. Раффаловичу от 26 октября 1896 г.) [The Letters of Aubrey Beardsley 1970: 189]. Бердсли надеялся заимствовать у Клода образы кораблей и морских берегов – «совершить мелкую

кражу» (*to pilfer ships and sea-shores from Claude*) (письмо от 30 октября 1896 г.) [ibid.: 194].

⁹ «Галантные празднества» (*fêtes galantes*, переведенные М. Ликиардорпуло как «амурные сцены» [Бердслей 2001: 55]) были изображены, наряду с другими любопытными рисунками (*curious designs*), на чулках придворных, собравшихся у Венеры за ужином (третья глава романа, р. 87).

Жанр «галантных праздников», мотив прогулки напоминают о Поле Верлене и его книге «Галантные празднества» (*Fêtes galantes*, 1869). Бердсли видел Верлена в Лондоне в ноябре 1893 г. у Г. Харланда, отзываясь о нем как о «симпатичном старичке» (*dear old thing*). График критикует опубликованную о Верлене статью Мура (*Moor*) «Великий поэт» (*The hawk*, 25 февр. 1890 г.), называя ее «совершенной клеветой» (*downright libel*) (см. письмо Р. Россу: [The Letters of Aubrey Beardsley 1970: 58]).

¹⁰ В Париже в 1869 г. было создано, а с 1890-е гг. получило особую популярность кабаре (мюзик-холл) под названием *Folies Bergère*. В 1882 г. Эдуард Мане написал картину «Бар в Фоли-Бержер» (*A Bar at the Folies-Bergère*), на которой за стойкой бара изображена девушка, а в зеркале за ее спиной отражается не только она сама, но и весь зал. Создается впечатление, что эта девушка-служанка находится на сцене, в самом центре зала. С 1886 г. девушки становятся гвоздем устраиваемых здесь танцевальных представлений. В начале 1890-х гг. в *Folies Bergère* выступала знаменитая американская танцовщица Лои Фуллер.

¹¹ О мотиве волос и прически в творчестве О. Бердсли см. напр.: [Бочкарева, Табункина 2010: 136–143; Табункина 2012а: 134–139; Табункина 2012б: 99–106].

Список литературы

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.

Бердслей О. Многоликий порок: История Венеры и Тангейзера, стихотворения, письма / сост. Л. Володарская. М.: Эксмо-пресс, 2001. 368 с.

Бердслей О. Под холмом: Романтическая новелла // Весы. 1905. № 11. С. 30–49.

Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А. Басманов. М.: Игра-техника, 1992. 288 с.

Бердслей О. Шедевры графики / сост. И. Пименова. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 216 с. (Сер. «Шедевры графики»).

Бобринская Е. А. Футуристический «грим» // Вестник истории, литературы, искусства / Отделение историко-философских наук РАН. М.: Собрание; Наука, 2005. С. 88–99. URL: <http://ес>

dejavu.ru/f-2/Futurism-2.html (дата обращения: 14.12.2015).

Бочкарева Н. С., Табункина И. А. Художественный синтез в литературном наследии Обри Бердсли / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. 254 с.

Данилова И.Е. Судьба картины в европейской живописи. СПб.: Искусство – СПб, 2005. 294 с.

Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М.: АСТ-ПРЕСС; Галарт, 2004. 624 с. (История искусств).

Довжик А.К. Адресаты работ Обри Бердслея: сексуальные коды «узкого круга друзей» // Культура и искусство. 2013. № 6. С. 615–622. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.9795.

Евреинев Н. Обри Бердслей // Бердслей О. Многоликий порок: История Венеры и Тангейзера, стихотворения, письма / сост. Л. Володарская. М.: Эксмо-пресс, 2001. С. 6–34.

Евреинев Н. Бердслей: очерк. СПб.: Н.И. Бутковская, 1912. 48 с. (Современное искусство. Серия иллюстрированных монографий. Вып. 5).

Карякина Т. Д. Стилеобразующие принципы искусства рококо – от архитектуры к фарфоровой пластике // Пространство и время воображаемой архитектуры. Синтез искусств и рождение стиля: Царицынский научный вестник. Вып. 7–8 / сост. и науч. ред. Б.М. Соколов. М.: Пробел – 2000–2005. С. 322–328.

Леви-Строс К. Индейское общество и его стиль // Леви-Строс К. Печальные тропики. М., 1984. С. 78–88. URL: http://ecdejavu.ru/p/Publ_Strauss_Tattoo.html (дата обращения: 15.12.2015).

Маковский С. К. Обри Бердслей. Современная графика // Бердслей О. Многоликий порок: История Венеры и Тангейзера, стихотворения, письма / сост. Л. Володарская. М.: Эксмо-пресс, 2001. С. 316–339.

Маковский С. К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. 383 с.

Михайлов А. Д. Брантом – автор «Галантных дам» // Брантом. Галантные дамы. М.: Республика, 1998. С. 3–18.

Пахсарьян Н. Т. Французская «легкая» поэзия: эстетические функции и жанровые варианты // XVIII век: Судьбы поэзии в эпоху прозы / отв. ред. Н. Т. Пахсарьян. М., 2001. URL: http://natapa.org/biblio/articles/poesie_legere (дата обращения: 18.12.2015).

Пахсарьян Н. Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690–1760-х годов. Днепропетровск: «Пороги», 1996. 271 с.

Савельев К. Н. «История Венеры и Тангейзера» О. Бердслея как мифологема английского декаданса // Вестник Оренбургского университета. 2005. № 9. С. 20–24.

Савельев К. Н. Литература английского декаданса: истоки, генезис, становление. Магнитогорск: МаГУ, 2007. 344 с.

Сидоров А. А. Жизнь Бердслея // Бердслей О. Рисунки. Проза. Стихи. Афоризмы. Письма. Воспоминания и статьи о Бердслее / сост. А. Басманов. М.: Игра-техника, 1992. С. 267–280.

Сидоров А. А. Искусство Бердслея. Juvenilia. М.: Г.А.Х.Н., 1926. Вып 1. 78 с.

Сидоров А. А. Искусство Бердслея // Сидоров А. А. О мастерах зарубежного, русского и советского искусства. М.: Сов. художник, 1985. С. 82–97 (Б-ка искусствознания).

Сидоров А. А. Обри Бердслей. Жизнь и творчество. М.: Венок, 1917. 88 с.

Сто опер. История создания. Сюжет. Музыка / сост. М. С. Друскин. Л.: Музыка, 1968. 624 с.

Табункина И. А. Интерпретация сюжета о парикмахере в стихотворении «Парикмахер» Джона Грея и в «Балладе о парикмахере» Обри Бердсли // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012а. Вып. 3 (19). С. 134–139.

Табункина И. А. «The Ballad of a Barber» О. Бердсли и «Баллада о цирюльнике» М. Кузмина: сравнительный анализ // Зарубежная литература: проблемы изучения и преподавания: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. О.Ю. Полякова. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012б. Вып. 5. С. 99–106.

Табункина И. А. Комментарий к картине Клода Лоррена в романе Обри Бердсли «Под Холмом» в контексте эстетического движения конца XIX века // Мировая литература в контексте культуры. Пермь, 2015. Вып. 4(10). С. 151–158.

Уайльд О. Телени, или Обратная сторона медали: роман / пер. А. Мурыгиной; Бердслей О. История Венеры и Тангейзера: повесть / пер. Н. Горной. М.: ВРС, 2003. 223 с. (Улица красных фонарей. Кн. 26).

Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / пер. с англ. М.: Политиздат, 1980. 831 с. (Б-ка атеист. лит.).

Beardsley A. Under the Hill // Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill. L.: Creation Books, 1996. P. 65–123.

Beardsley A., Glassco J. The Story of Venus and Tannhauser, or Under the Hill. N.Y.: Crove, 1959. 140 p.

Beckson K. The Artist as Transcendent Phallus: Aubrey Beardsley and the Ritual of Defense // Reconsidering Aubrey Beardsley / ed. by Robert Langenfeld. L.: UMI Research Press, 1989. P. 207–226.

Benkovitz M.J. Aubrey Beardsley. An Account of His Life. N.Y.: S.P.Putnam's sons, 1981. 200 p.

- Brady P. *Rococo Style Versus Enlightenmen Novel: With essays on Letters persanes, La Vie de Marianne, candide, La nouvelle Héloïse, Le Neveu de Rameau*. Genève: Edition Slatkine, 1984. 304 p.
- Brophy B. *Beardsley and His World*. L.: Thames and Hudson, 1976. 128 p.
- Calloway S. *Aubrey Beardsley*. L.: V&A Publication, 1998. 260 p.
- Clark K. *The best of Aubrey Beardsley*. L.: Murray, 1979. 173 p.
- Easton M. *Aubrey and the Dying Lady. A Beardsley riddle*. L.: Secker & Warburg, 1972. 272 p.
- Fletcher I. *Aubrey Beardsley*. Boston: Twayne Publishers, 1987. 206 p.
- Fletcher I. *Inventions for the Left Hand: Beardsley in Verse and Prose // Reconsidering Aubrey Beardsley / ed. by R. Langenfeld*. L.: UMI Research Press, 1989. P. 227–266.
- Heyd M. *Aubrey Beardsley: Symbol, Mask and Self-irony*. N.Y.: Lang, 1986. 247 p.
- Higgins J. *Unfamiliar Places: France and the Grotesque in Aubrey Beardsley's Poetry and Prose // The Modern Language Review*. (January 2011). Vol. 106, No. 1. P. 63–85. DOI: 10.5699/modelangrevi.106.1.0063. Stable URL: <http://www.jstor.org/stable/10.5699/modelangrevi.106.1.0063> (дата обращения: 27.04.2016).
- In *Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including «Under the Hill», «The Ballad of a Barber», «The Free Musicians», «Table Talk» and Other Writings in Prose and Verse / ed. by S. Calloway and D. Colvin*. L.: Cypher, МИИМ, 1998. 201 p.
- Jackson H. *Aubrey Beardsley // Jackson H. The Eighteen Nineties. A Review of Art and Ideas at the Close of the 19th century*. New introd. by Malcolm Bradbury. L.: The Cresset Library, 1988. P. 109–125.
- Lavers A. *Aubrey Beardsley, Man of Letters // Romantic Mythologies / ed. by I. Fletcher*. L.: Routledge & Kegan Paul, 1967. P. 234–270.
- Macfall H. *Aubrey Beardsley, the Man and his Work*. L.: Lane, the Boodley Head, 1928. 119 p.
- Raby P. *Aubrey Beardsley and the Nineties*. L.: London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road, 1998. 117 p.
- Read B. *Aubrey Beardsley*. L.: Her Majesty's Stationary office, 1966. 34 p. (Victoria & Albert Museum).
- Read B. *Aubrey Beardsley / Introd. by J. Rothenstein*. N.Y.: Bonanza Book, 1967. 372 p.
- Ross R. *Aubrey Beardsley / rev. iconography by Arthur Vallance*. L.; N.Y.: Lane, The Bodley Head, 1909. 112 p.
- Slessor C. *The Art of Aubrey Beardsley*. L.: The Apple press, 1989. 128 p.
- Sutton E. *Aubrey Beardsley and British Wagnerism in 1890s*. Oxford: Oxford University Press, 2002. 237 p.
- Symons A. *The Art of Aubrey Beardsley*. N.Y.: BONI AND LIVERIGHT, INC, 1918. URL: <http://www.gutenberg.org/files/50171/50171-h/50171-h.htm#art004> (дата обращения: 25.04.2016).
- The Letters of Aubrey Beardsley / ed. by H. Maas*. L.: Rutherford, Fairleigh Dickinson university press, 1970. 472 p.
- Walker R.A. *The Best of Beardsley / collected and ed. R.A. Walker*. L.: The Bodley Heard, 1948. 155 p.
- Weintraub S. *Beardsley. A biography*. N.Y.: Braziller, 1967. 293 p.
- Zatlin L.G. *Aubrey Beardsley and Victorian Sexual Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 234 p.

References

Bakhtin M. M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekovja i Renessansa* [The creative work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1990. 543 p.

Beardsley A. *Mnogolikij porok: Istorija Venery i Tangejzera, stikhotvorenija, pis'ma* [Many faces of the vice: The Story of Venus and Tannhauser, poems, letters]. Ed. by L.Volodarskaya. Moscow, Eksmo-press Publ., 2001. 368 p.

Beardsley A. *Pod kholmom: Romanticheskaja novella* [Under the Hill: A romantic story]. *Vesy* [Scales]. 1905, Iss. 11. P. 30–49.

Beardsley A. *Risunki. Proza. Stikhi. Aforizmy. Pis'ma. Vospominanija i stat'i o Beardsley* [Beardsley A. Pictures. Prose. Poems. Aphorisms. Letters. Memories and articles about Beardsley]. Ed. by A.Basmanov. Moscow, Igra-tehnika Publ., 1992. 288 p.

Beardsley A. *Shedevry grafiki* [Masterpieces of graphics]. Ed. by I. Pimenova. Moscow, Eksmo Publ., 2002. 216 p.

Bobrinskaja E. A. *Futuristicheskij «grim»* [Futuristic «make-up»]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva. Otdelenie istoriko-filosofskikh nauk RAN* [Bulletin of history, literature, art. Historico-philosophical department of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, Sobranie, Nauka Publ., 2005. P. 88–99. Available at: <http://ec-dejavu.ru/f-2/Futurism-2.html> (accessed 14.12.2015).

Bochkareva N. S., Tabunkina I. A. *Khudozhestvennyj sintez v literaturnom nasledii Aubrey Beardsley* [Artistic synthesis in the literary heritage of Aubrey Beardsley]. Perm, Perm. St. Univ. Publ., 2010. 254 p.

Danilova I. E. *Sud'ba kartiny v evropejskoj zhivopisi* [The fate of paintings in European art]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2005. 294 p.

Dmitrieva N. A. *Kratkaja istorija iskusstv* [Brief History of Arts]. Moscow, AST-PRESS; Galart Publ., 2004. 624 p. (History of Arts).

Dovzhik A. K. *Adresaty rabot Aubrey Beardsley: seksual'nyje kody «uzkogo kruga druzej»* [Recipients of Aubrey Beardsley's works: sexual codes of the "narrow circle of friends"]. *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and art]. 2013, Iss. 6. P. 615–622. DOI: 10.7256/2222-1956.2013.6.9795.

Evreinov N. *Aubrey Beardsley. Beardsley A. Mnogolikij porok: Istorija Venery i Tangejzera, stikhotvorenija, pis'ma* [Many Faces of the vice: The Story of Venus and Tannhauser, poems, letters]. Moscow, Ehksmo-press Publ., 2001. P. 6–34.

Evreinov N. *Beardsley: ocherk* [Beardsley: essay]. St. Petersburg, N.I. Butkovskaja Publ., 1912. 48 p.

Karjakina T. D. *Stileobrazujushhie printsipy iskusstva rokoko – ot arkhitektury k farforovoj plastike* [Style forming principles of Rococo art – from architecture to porcelain plastics]. *Prostranstvo i vremya voobrazhaemoj arhitektury. Sintez iskusstv i rozhdenie stilja: Tsaritsynskij nauchnyj vestnik. Vyp. 7–8* [Space and time of imaginary architecture. Synthesis of Art and style birth: Research Tsaritsinsky Gazette, Iss. 7–8]. Comp. and ed. by B.M. Sokolov. Moscow, Probel Publ., 2000–2005. P. 322–328.

Levi-Stros K. *Indejskoe obshhestvo i ego stil'* [Native American society and its style]. *Levi-Stros K. Pechalnye tropiki* [Tristes Tropiques]. Moscow, 1984. P. 78–88. Available at: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Strauss_Tattoo.html (accessed 15.12.2015).

Makovskij S. K. *Aubrey Beardsley. Sovremennaja grafika* [Aubrey Beardsley. Modern graphics]. *Beardsley A. Mnogolikij porok: Istorija Venery i Tangejzera, stikhotvorenija, pis'ma* [Many Faces of the vice: The Story of Venus and Tannhauser, poems, letters]. Moscow, Eksmo-press Publ., 2001. P. 316–339.

Makovskij S. K. *Siluetny russkikh khudozhnikov* [Silhouettes of Russian artists]. Moscow, Respublika Publ., 1999. 383 p.

Mihajlov A. D. *Brantome – avtor "Gallantnykh dam"* [Brantome as the author of the "Gallant ladies"]. *Brantome. Gallantnye damy* [Gallant Ladies]. Moscow, Respublika Publ., 1998 P. 3–18.

Pakhsar'jan N. T. *Frantsuzskaja legkaja poezija: esticheskie funktsii i zhanrovyje varianty* [French "light" poetry: aesthetic functions and genre options]. *18 vek: Sud'by poezii v epokhu prozy* [18th century: Fates of poetry in the age of prose]. Ed. by N. T. Pakhsar'jan. Moscow, 2001. Available at:

http://natapa.org/biblio/articles/poesie_legere (accessed 18.12.2015).

Pakhsar'jan N. T. *Genezis, poetika i zhanrovaja sistema frantsuzskogo romana 1690–1760-h godov* [Genesis, poetics and genre system of the French novel of the 1690–1760s]. Dnepropetrovsk, Porogi Publ., 1996. 271 p.

Savel'ev K. N. «Istorija Venery i Tangejzera» *Aubrey Beardsley kak mifologema anglijskogo dekadansa* ["Story of Venus and Tannhauser" by A. Beardsley as the myth of English decadence]. *Vestnik Orenburgskogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University]. 2005, Iss. 9. P. 20–24.

Savel'ev K. N. *Literatura anglijskogo dekadansa: istoki, genesis, stanovlenie* [Literature of English decadence: the origins, genesis, formation]. Magnitogorsk, Magnitogorsk State University, 2007. 344 p.

Sidorov A. A. *Zhizn Beardsley* [Life of Beardsley]. *Beardsley A. Risunki. Proza. Stikhi. Aforizmy. Pis'ma. Vospominanija i stat'i o Berdsley* [Beardsley A. Pictures. Prose. Poems. Aphorisms. Letters. Memories and articles about Beardsley]. Ed. by A. Basmanov. Moscow, Igra-tehnika Publ., 1992. P. 267–280.

Sidorov A. A. *Iskusstvo Berdsley. Juvenilia* [Beardsley Art. Juvenilia]. Moscow, Russian Academy of Artistic Sciences Publ., 1926. Iss. 1. 78 p.

Sidorov A. A. *Iskusstvo Beardsley* [Art of Beardsley]. *Sidorov A.A. O masterakh zarubezhnogo russkogo i sovetskogo iskusstva* [On the masters of foreign, Russian and Soviet art]. Moscow, Sov. Artist Publ., 1985. P. 82–97.

Sidorov A. A. *Aubrey Beardsley. Zhizn' i tvorcestvo* [Aubrey Beardsley. Life and art]. Moscow, Garland Publ., 1917. 88 p.

Sto oper. Istorija sozdanija. Sjuzhet. Muzyka. [One hundred of operas. History of creation. Plot. Music]. L., Music Publ., 1968. 624 p.

Tabunkina I. A. *Interpretatsija sjuzheta o parikmakhere v stikhotvorenii «Parikmakher» John Gray i v «Ballade o parikmakhere» Aubrey Beardsley* [Interpretation of the story about the barber in the poem «The Barber» by John Gray and in the «Ballad of a barber» by Aubrey Beardsley]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2012a. Iss. 3 (19). P. 134–139.

Tabunkina I. A. «The Ballad of a Barber» *A. Beardsley i «Ballada o tsirjul'nike» M. Kuzmina: sravnitel'nyj analiz* [«The Ballad of a Barber» by A. Beardsley and the «Ballad of a Barber» by Mikhail Kuzmin: comparative analysis]. *Zarubezhnaja literatura: problemy izuchenija i prepodavanija: mezhvuzovskij sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 5* [Foreign literature: problems of

studying and teaching: Interuniversity collection of scientific papers. Iss.5]. Ed. by O.Ju. Poljakova. Kirov, Vyatsky State University for the Humanities Publ., 2012. P. 99–106.

Tabunkina I. A. Kommentarij k kartine Claude Lorrain v romane Aubrey Beardsley «Pod Holmom» v kontekste estetičeskogo dvizhenija kontsa 19 veka [Comment to the painting of Claude Lorrain in Aubrey Beardsley's romance "Under the Hill" in the context of the late 19th century aesthetic movement]. *Mirovaja literatura v kontekste kul'tury* [World literature in the context of culture]. Iss. 4 (10). Perm, Perm. St. Univ. Publ., 2015 P. 151–158.

Wilde O. *Teleni, ili Oborotnaja storona medalj: roman* [Teleny or the Reverse of the medal: a novel]. Transl. by A. Murygina; Beardsley A. *Istorija Venery i Tangejzera: povest'* [O. Beardsley. The Story of Venus and Tannhauser: story]. Transl. by N. Gornaja. Moscow, VRS Publ., 2003. 223 p. (Red lanterns street. Book 26).

Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaja vetv': Issledovanija magii i religii* [The Golden Bough: studies of magic and religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1980. 831 p.

Beardsley A. Under the Hill. *Wilde O. Salome. Beardsley A. Under the Hill*. L., Creation Books Publ., 1996. P. 65–123.

Beardsley A., Glassco J. *The Story of Venus and Tannhauser, or Under the Hill*. New York, Grove Publ., 1959. 140 p.

Beckson K. The Artist as Transcendent Phallus: Aubrey Beardsley and the Ritual of Defense. *Reconsidering Aubrey Beardsley*. ed. by Robert Langenfeld. L., UMI Research Press, 1989. P. 207–226.

Benkovitz M.J. Aubrey Beardsley. *An Account of His Life*. N.Y., S.P. Putnam's sons Publ., 1981. 200 p.

Brady P. *Rococo Style Versus Enlightenmen Novel: With essays on Letters persanes, La Vie de Marianne, candide, La nouvelle Héloïse, Le Neveu de Rameau*. Genève, Edition Slatkine Publ., 1984. 304 p.

Brophy B. *Beardsley and His World*. L., Thames and Hudson Publ., 1976. 128 p.

Calloway S. *Aubrey Beardsley*. L., V&A Publication, 1998. 260 p.

Clark K. *The best of Aubrey Beardsley*. L., Murray, 1979. 173 p.

Easton M. *Aubrey and the Dying Lady. A Beardsley riddle*. L., Secker & Warburg Publ., 1972. 272 p.

Fletcher I. *Aubrey Beardsley*. Boston, Twayne Publishers, 1987. 206 p.

Fletcher I. Inventions for the Left Hand: Beardsley in Verse and Prose. *Reconsidering Aubrey Beardsley*. Ed. by R. Langenfeld. L., UMI Research Press, 1989. P. 227–266.

Heyd M. *Aubrey Beardsley: Symbol, Mask and Self-irony*. N.Y., Lang Publ., 1986. 247 p.

Higgins J. Unfamiliar Places: France and the Grotesque in Aubrey Beardsley's Poetry and Prose. *The Modern Language Review*. Vol. 106, Iss. 1 (January 2011). P. 63–85. DOI: 10.5699/ modelangrevi.106.1.0063. Available at:

<http://www.jstor.org/stable/10.5699/modelangrevi.106.1.0063>

In Black and White. The Literary Remains of Aubrey Beardsley. Including «Under the Hill», «The Ballad of a Barber», «The Free Musicians», «Table Talk» and Other Writings in Prose and Verse. Ed. by S. Calloway and D. Colvin. L., Cypther, MIIM, 1998. 201 p.

Jackson H. Aubrey Beardsley. *Jackson H. The Eighteen Nineties. A Review of Art and Ideas at the Close of the 19th century*. New introd. by Malcolm Bradbury. L., The Cresset Library Publ., 1988. P. 109–125.

Lavers A. Aubrey Beardsley, Man of Letters. *Romantic Mythologies*. ed. by I. Fletcher. L., Routledge & Kegan Paul Publ., 1967. P. 234–270.

Macfall H. *Aubrey Beardsley, the Man and his Work*. L., Lane, the Boodley Head Publ., 1928. 119 p.

Raby P. *Aubrey Beardsley and the Nineties*. L., London Houser, Great Eastern Wharf Parkgate Road Publ., 1998. 117 p.

Read B. *Aubrey Beardsley*. L., Her Majesty's Stationary office, 1966. 34 p. (Victoria & Albert Museum).

Read B. *Aubrey Beardsley*. Introd. by J. Rothenstein. N.Y.: Bonanza Book, 1967. 372 p.

Ross R. *Aubrey Beardsley*. rev. iconography by Arthur Vallance. L., NY.: Lane, The Bodley Head Publ., 1909. 112 p.

Slessor C. *The Art of Aubrey Beardsley*. L.: The Apple press, 1989. 128 p.

Sutton E. *Aubrey Beardsley and British Wagnerism in 1890s*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2002. 237 p.

Symons A. *The Art of Aubrey Beardsley*. N.Y., BONI AND LIVERIGHT, INC, 1918. (Available at: <http://www.gutenberg.org/files/50171/50171-h/50171-h.htm#art004> (accessed 25.04.2016)).

The Letters of Aubrey Beardsley. ed. by H. Maas. L., Rutherford, Fairleigh Dickinson university press, 1970. 472 p.

Walker R.A. *The Best of Beardsley*. collected and ed. R.A. Walker. L.: The Bodley Heard, 1948. 155 p.

Weintraub S. *Beardsley. A biography*. N.Y., Braziller, 1967. 293 p.

Zatlin L.G. *Aubrey Beardsley and Victorian Sexual Politics*. Oxford, Oxford university press Publ., 1990. 234 p.

IMAGES OF FICTIONAL ARTISTS IN AUBREY BEARDSLEY'S NOVEL *UNDER THE HILL*

Irina A. Tabunkina

Associate Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

Nina S. Bochkareva

Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University

The article analyzes images of two fictional artists created by the English writer and illustrator Aubrey Beardsley in his unfinished novel *Under the Hill*. Meanings of the artists' names, verbal representation of their work, pictorial and literary allusions, relationship with other works of the author are revealed. In the novel, the image of Jean Baptiste Dora is only represented through ekphrasis of his works, while the other artist – De La Ping – is directly involved into the story as a character. Landscapes and holidays of De La Ping are associated with paintings of Claude Lorrain and Antoine Watteau while drawings by J.B. Dora refer readers to grotesques and vignettes of Beardsley himself. However, in the images of both fictional artists French “gallant” tradition tends to pornography, and people are replaced by interiors, costumes and makeup. Through the prism of Beardsley's satirical grotesque vices are not justified but ridiculed.

Key words: English literature; decadence; end of the century; fictional artists; French gallant tradition; rococo; ekphrasis; grotesque; satire, Aubrey Beardsley; *Under the Hill*.

УДК 821.112

ДРАМА-СКАЗКА Г. ГАУПТМАНА «ПОТОНУВШИЙ КОЛОКОЛ» КАК НЕОРОМАНТИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Алла Персиевна Склизкова

к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной филологии

Владимирский государственный университет им. А.Н. и Г.Н. Столетовых

600000, Владимир, ул. Никитская, 1. burelomy@list.ru

В драме-сказке Г. Гауптмана «Потонувший колокол» происходит творческая модификация романтических принципов. Автор в драматической форме передаёт последовательность ступеней созерцания главного героя, показывает его непрекращающееся развитие, вечное непостоянство, непрестанное изменение. Мастер-литейщик Генрих – герой драмы – не в состоянии осмыслить противоположности, внутреннюю разногласицу, бытующие в его сознании. Тем не менее всё это позволяет ему перейти границу экзистенции, выйти за пределы своего Я. Рефлексия овладевает им полностью, и он оказывается в её власти вплоть до того момента, когда завершается определённый круг его бытия.

Ключевые слова: неоромантизм; становление; разрушение; созерцание; рефлексия; бессознательное.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-113-119

Практически все литературоведы, несмотря на разные, иногда диаметрально противоположные, оценки «Потонувшего колокола», относят его к неоромантизму – одному из литературных направлений микроэпохи модерна конца XIX – начала XX в. Действительно, рассмотрение раннего творчества Г. Гауптмана в контексте макроэпохи модерна, нижняя граница которого, с точки зрения современного немецкого литературоведения, середина XVIII в. (1750 г.) [Кемпег 2004: 40–48], позволяет прийти к таким выводам. Однако остаётся нерешённым вопрос, что же нового происходит в культурном сознании на следующем рубеже веков, в чём сходство и различие между романтизмом и так называемым неоромантизмом. Вот тот круг проблем, решить которые отчасти позволяет толкование одного из самых загадочных произведений Г. Гауптмана. В данной работе поэтому речь пойдёт о «романтических» процессах на рубеже XIX–XX вв., о рефлексии на них Г. Гауптмана, наконец, о творческой репрезентации их в «Потонувшем колоколе».

Итак, возрождение романтических идей на последующем рубеже веков не подлежит сомнению. В конце XIX столетия Р. Хух выражала уверенность, что Германия движется навстречу

романтизму, его идеи актуальны сейчас, как никогда раньше [Huch 1899: 27]. В России профессор Ф.А. Браун утверждал нечто подобное: «...искусство нашего времени во многом напоминает то, что было прежде пережито <...>» [Браун 1912: 209, 211]. В.М. Жирмунский расширяет это представление, считая, что «романтизм перестаёт быть только литературным фактом, он становится новой формой чувствования, формой переживания» [Жирмунский 1996: 198]. Позднее А.В. Карельский говорит о бурном всплеске неоромантических течений [Карельский 1994: 163], а А.И. Жеребин подчёркивает, что «термин «неоромантизм» представляет собой важный источник для исследования культуры раннего модернизма, <...> эпоха декаданса заново переживает искушения, отвергнутые когда-то романтиками» [Жеребин 2012: 271, 283]. Современные немецкие исследователи уверены, что Германия находится в эпицентре романтического возрождения, романтика осмысливается как немецкая судьба, как спасение от духовной деградации [Deppertmann 2009: 23, 32, 55].

Думается, что повторяемость культурных процессов свидетельствует об их продуктивности, необходимости нового осмысления. Можно говорить о самоузнавании романтизма, о его са-

морасширению и, как следствие этого, самопознанию. Романтизм, обретая новое бытие на рубеже XIX–XX вв., манифестирует самую свою судьбою особое субстанциональное движение: «всякий процесс начинается с нерасчленённого целого, затем распадается на мелкие части, в итоге приходит к высокоорганизованной целостности» [Жеребин 2012: 286]. Идея тройственности, необычайно важная в романтизме, определила его новое рождение век спустя. Ф. Шлегель в «Теории созерцания» говорит о триединстве как основе всякого построения (Gliederbau) [Шлегель 1983: 169]. Вместе с ним Ф. Шеллинг в «Системе трансцендентного идеализма» подчёркивает движение от антитезиса к синтезу и выдвигает триаду: тезис–антитезис–синтез [Шеллинг 1987: 279]. Соответственно можно представить эволюционное движение романтизма: иенский (нерасчленённое целое, тезис) – постиенский (распадение, антитезис) – романтизм (неоромантизм) на последующем рубеже веков (высокоорганизованная целостность, синтез).

При таком решении проблемы напрашивается вопрос, как и посредством чего осуществляется высокоорганизованный синтез в конце XIX столетия. Возникают следующие предположения. Романтики Иены, выдвигая идею всеединства, видели её наиболее полное художественное воплощение в драме. Называя драму высшим видом искусства, в котором смыкаются все противоположности, они вели речь о философской трагедии – в ней наблюдается поиск утраченных первоисточков, её цель – познание высшей реальности. В драме ставятся вопросы судьбы, провидения, происходит соприкосновение земного духа с небесным [Шеллинг 1987: 57]. Между тем, столь высоко оценивая драму, романтики в большинстве своём не пробуют силы в этом жанре. Бесспорно, выделяются драматические опыты Л. Тика, развивается драма под пером Г. фон Клейста, который оценивается литературоведами как родоначальник «новой драмы», в Вене ставятся трагедии Грильпарцера, З. Вернер создаёт «трагедию рока». Однако тотального распространения, что свойственно концу следующего столетия, драма не получает. И если в романтической Иене происходит постулирование драматических идей, то художественное их воплощение достаётся на долю следующей переходной эпохи.

Ответ на вопрос, почему подобное оказалось возможным, кроется в большей степени в поэтических декларациях ранних романтиков. Так, Ф. Шлегель возражает против попыток популяризировать поэзию, избирать современный материал это приведёт к снижению поэтического

взгляда, внесёт банальность и пошлость в художественное творение [Шлегель 1983: 67]. Для романтиков неприемлемо массовое зрелище, опасаются они и искусства, в основе которого лежит современный материал. Возрождённый романтизм сохранил старое содержание (идею всеединства, чувство присутствия конечного в бесконечном, осознание мистической сущности жизни), но расцвёл в иных формах – драматических, которые проступили в концентрированной форме через столетие.

Г. Гауптман был одним из тех, для кого драма становится формой мышления. Его известное высказывание: «Во мне звучит много голосов, и я не вижу иной возможности их соединить, кроме как писать драмы» [Hauptmann 1965: 49] – говорит о восприятии искусства как вечного созидательного процесса, ликвидирующего все сомнения, сглаживающего все противоположности. Подобное ощущение очень сближает Гауптмана с романтиками. Он сам неоднократно говорил, что ему присущ романтический дух, подчёркивает, что у Ф. Шлегеля он находит девиз для себя: «Вся святая игра искусства есть отражение игры мира» [Hauptmann 1987: 76]. Гауптман восхищается «Речами о религии» Шлейермахера, подобно ему и всем иенцам, создаёт для себя индивидуальную религию, называя её «Homo Religiosus» [Hauptmann 1980: 65]. Гауптман неоднократно подчёркивает важность для себя рецепций из Новалиса, немецкому драматургу близко его высказывание: «Мы – дети солнца и враги ночи». Художник слова на рубеже веков постигает Новалиса экзистенциально, Гауптман считает, что в творениях великого мастера иенской эпохи речь идёт о грандиозной борьбе универсума (день-ночь), той, в которой каждый человек принимает непосредственное и невольное участие [Hauptmann 1987: 57]. Связь с романтиками проявляется у Гауптмана в стремлении воспринять всё великое бытие как единое целое, осознать множественность как единство, показать мир и человека в непрерывном развитии и становлении. Но Гауптман является не только продолжателем романтической традиции, но и её творческим модификатором. Одно из его самых сложных и неоднозначных творений – «Потонувший колокол» (1896) – является ярким тому примером.

Сюжет драмы «Потонувший колокол» напоминает романтические произведения, идейный центр которых составляет личность художника – энтузиаста, творческого гения. Мастер Генрих – герой драмы Гауптмана – отливает колокол, который звучит в долине, а в горах не может. Фея Раутенделейн пробуждает литейщика к но-

вой жизни, уводит его с собой в горы, пытается помочь Генриху создать небывалый шедевр – колокола, которые звучат сами. Генрих, обуреваемый чувством раскаяния (он оставил жену Магду, и она утопилась, не выдержав разлуки с ним), отталкивает Раутенделейн. Она становится женой Водяного, а Генрих покидает этот мир, понимая, что близким он принёс лишь страдания, творческие порывы его давно безнадежно иссякли.

Можно вести речь о том, что в «Потонувшем колоколе» Гауптман углубляет романтические постулаты, подавая и осознавая их драматически. В связи с этим интересно проследить, как Гауптман посредством драматической каузальности творчески воссоздаёт то, что Шеллинг наметил в «Системе трансцендентного идеализма», – теоретическую декларацию Я, становление Я интеллигенцией через собственное субъективное восприятие: Я созерцает самого себя, потом созерцание переходит в рефлексию, наконец, на последней, третьей стадии Я-рефлексия становится актом воли. В рамках статьи имеет смысл рассмотреть раннюю стадию – созерцание Я самого себя, которая включает два первых действия «Потонувшего колокола».

Гауптман показывает героя, который, говоря словами Шеллинга, «в поисках себя бежит от самого себя». Генриху, как почти всем героям Гауптмана, свойствен бинаризм – «центральный принцип мышления, весьма рано сформировавшийся в виде органичных для художника взаимоотношений парностей» [Мальчуков 2009: 76–77]. Однако Генрих подсознательно стремится преодолеть подобный бинаризм, включиться в тотальность мировой жизни, овладеть её динамикой.

Для показа подобной динамики Гауптман драматически передаёт последовательность ступеней созерцания. Они берут начало с внешнего хода – он задан и предсказан Лешим: отлитый в долине колокол упал вниз, его поглотили глубокие волны. Соединённому со своим творением Генриху предстоит тот же путь, но Гауптман интересуется потенции сознания героя, его внутренний ход в бесконечность. Генрих должен достигнуть трансцендентного понимания, проникнуть в глубокие бездны собственной души, пройти путь внутреннего и внешнего угасания, в итоге предпринять попытку воскрешения для новой жизни. Подобный процесс, крайне сложный, постепенный, связан с самоопределением личности, с потенциальным желанием быть причастным ходу целого. Такое сопричастие Гауптман передаёт через особую поэтику – Утро, День, Вечер, Ночь. В суточных изменениях Га-

уптман всегда видел нечто мистическое, ночь вызывает страх, это прерывание дня. Утро – свидетельство того, что человеку удалось пережить ночь, каждое засыпание – это смерть, каждое пробуждение – новое рождение [Hauptmann 1980: 536]. Первое действие начинается в сумерки, час, который Гауптман определяет как надлом, трещину дня [ibid.: 290]. Подобные сумерки царят в душе литейщика Генриха. Он выглядит больным (так Гауптман определяет его состояние в ремарках), передвигается с трудом, лицо белое, на нём печать страданий. Генрих, что является уже из его первых реплик, заблудился, упал, он молит о помощи, говорит, что больше не может: «ich – kann – nicht – mehr» [Hauptmann 1906: 71]. Последняя фраза подаётся графически определённым образом: между каждым из четырёх слов ставится тире, один из тех знаков, которые Новалис определял как «грамматическую мистику» [Новалис 2011: 71]. Создаётся впечатление, что любой звук произносится героем с большим трудом, он на пределе своих возможностей, находится в том состоянии, которое Гауптман определяет как сердечную тяжесть, душевную разбитость [Hauptmann 1908: 183]. В таком состоянии Генрих вводится в текст – это сумерки духа, недаром почти сразу же даётся ремарка – солнце заходит, темнеет.

Драматическая задача центрального персонажа – внутренне прозреть, ощутить движение своего духа к свету солнца, обрести новое рождение. На первом этапе, когда, согласно Шеллингу, Я созерцает самого себя, становится сам для себя объектом в качестве ощущающего [Шеллинг 1987: 331, 335], герой Гауптмана находится в состоянии парения между противоположностями, пытается осмыслить антиномии. Так, Генрих, придя в себя, видит прекрасную Раутенделейн, ничего не может понять, задаёт ей множество вопросов, ответов на которые нет ни у него, ни у неё. Генрих не знает, где он, что с ним случилось, жив он или мёртв, спит или бодрствует. Герой не в состоянии постичь бытующие в его сознании противоположности, но подобная внутренняя разногласица, сомнение во внешней объективности происходящего позволяют ему перейти границу экзистенции, выйти за пределы своего Я.

Об антиномиях жизни и смерти много говорили романтики. Размышления Новалиса о таинственной дороге после смерти («Куда уходим мы? Всегда домой») долгое время оставались лозунгом романтического движения. Художники слова на последующем рубеже веков, осмысляя романтическую философию, ориентируются вслед за своими предшественниками на великого

Парацельса. Ф. Гартман в своей книге о нём приводит высказывания Парацельса о смерти, о её неразрывной связи с жизнью: «смерть не может иметь другого значения, кроме трансформации» [Гартман 1998: 116]. В. Бёльше, с которым долгое время общался Гауптман, считает, что индивид бессмертен, он исчезает, но не погибает [Bölsche 1901]. Сам Гауптман сходным образом, на основании личных переживаний, утверждает одинаковость категорий жизни и смерти, разница, с его точки зрения, состоит в том, что «одна зримая, другую лицезреть невозможно» [Hauptmann 1987: 207].

Мастер Генрих вначале достаточно категорично утверждает, что он умер, когда понесся в тёмную бездну, а теперь он жив. Почти сразу же он отказывается от своих слов, в душе у него обилие сомнений, связанных с реальностью объективного: не знает, в какой сфере – видимой или невидимой – он находится, поскольку смерть есть жизнь, а жизнь есть смерть [Hauptmann 1906: 76]. Гауптман посредством акта художественного творения драматически воссоздаёт мысль Ф. Шлегеля, касающуюся антиномии ощущения. Оно, по Шлегелю, состоит в допущении, что Мы являемся частью себя, это ведёт к вере в некое Ты, мир и Я – это по сути одно и то же [Шлегель 1983: 154, 160]. Взгляд романтика Шлегеля на философию как на драматический диалог позволяет преобразовать и поэтически ввести его в глубинную структуру драмы. Гауптман воспринимает любую драму как диалог Я и Ты, драма заложена в человеческом сознании [Hauptmann 1965: 58].

Мастер Генрих, погружённый в драму сознания, внешне обращаясь к Раутенделейн, ведёт разговор с собой, мысленно, невольно проходя ступени самосозерцания. Он желает, чтобы Раутенделейн осталась с ним, не уходила, пытается рассказать ей о происшествии с ним. Связная речь ему недоступна в данный момент, поскольку, магически созерцая себя, Генрих теряет в собственных ощущениях: говорит Раутенделейн, что он упал или они упали вместе с колоколом, кто знает, задаёт он сам себе вопрос и продолжает дальше так называемый монолог, по тематике мало связанный с предыдущим повествованием. Он просит девушку не покидать его, говорит, что именно для неё так долго боролся, вновь задаёт себе вопрос, где он раньше видел Раутенделейн, вопрос, на который у него также нет ответа. Именно в этот момент, пытаясь стать для себя объектом познания, Генрих начинает ощущать заложенное в нём трансцендентное начало. Оно проявляет себя в интуитивном, бессознательном стремлении Генриха к сказке: он ощущает её чу-

десное дыхание, уверен, что она присутствует везде, веет в лесу, шевелит листочками, приближается к Генриху в одежде из тумана, показывает на него бледным, прозрачным пальцем [Hauptmann 1906: 75, 78]. Тотальный сказочный мир, однако, лишь короткое время занимает сознание Генриха. Гармоническую, истинно сказочную целостность он ощущает в красоте, непосредственности и мистичности девушки, находящейся рядом с ним. Кажущиеся антиномии, представленные в полярных репликах главного героя: «Сказка ушла» и – сразу же обращение к Раутенделейн: «Ты сказка, сказка, поцелуй меня!» [ibid.: 78], обретают единство в апперцепирующем духе посредством сильнейшего чувственного переживания. Трансцендентное начало, следовательно, акцентируется в сознании героя в тот момент, когда изменяется ракурс его внутреннего видения, ракурс внутреннего восприятия, – Генрих способен почувствовать сказочную суть мира и сказочную суть Раутенделейн. Генрих мечтает оторваться от земли, к которой он пригвождён, стремится к иной, обновлённой жизни, просит Раутенделейн приподнять его, освободить.

Интерпретация данных слов Генриха вызывает определённые сложности. Напрашивается явная аналогия со «Строителем Сольнесом» Ибсена. Осмысливая символику Ибсена, Гауптман усиливает в «Потонувшем колоколе» тему духовного подъёма, душевного воспарения. Она связана не только и не столько с Юностью, как в «Строителе Сольнесе», сколько с попыткой Генриха достигнуть универсума и обрести единения с ним, который, говоря словами Ф. Шлегеля, «нельзя ни объяснить, ни постигнуть, можно только созерцать и являть в откровении» [Шлегель 1983: 364]. Единение с универсумом, по Гауптману, возможно тогда, когда индивид интуитивно руководствуется непреложным природным законом – законом становящегося мира. Герой Гауптмана должен внутренне вписаться в этот закон, сознательно вовлечь себя в него, последовательно пройти особые ступени естественной жизни, постепенно подниматься вверх, не забывая и не отрицая уроков низа. О подобных ступенях говорил Баховен, называя их метафизическим стремлением к солярному бытию: низшая ступень – это теллурия (земля), средняя ступень – луна, самая высшая – солнце. Баховен подчёркивает, что эти ступени составляют единый, общий для всех закон Вселенной: от темноты к свету, от теллурии к соляризму [Bachofen 1857].

Желание Генриха навсегда оставить теллурию позволяет ему возвысится до интеллигенции в

шеллинговском смысле. Раутенделейн, выполняя просьбу Генриха, чертит цветущей веткой магический круг, подчёркивая, что отныне он принадлежит и себе, и ей, сохраняет свою сущность, но и вбирает её – мистическую, гармонически всеобъемлющую: «Bleibe, Kömmling, unversehrt! / Bleibe Dein und Dein und mein!» [Hauptmann 1906: 83]. Раутенделейн связывает себя навеки с мастером-литейщиком. Она возносит его в свой мир природы, гармонии, сказки, приподнимает над землёй, отдаляет от теллурии.

Между тем она вынуждена свершить ещё один мистический обряд – сварить питьё жизни Генриху. Раутенделейн делает то, что под силу оказывается Мефистофелю в поэтическом творении Гёте. Однако если Мефистофель благодаря напитку ведьмы способствует внешнему омоложению Фауста, то для самого доктора «простор, открывшийся эросу, означает сильный регресс в духовном развитии» [Аствацатуров 2010: 104]. В отношении героя Гауптмана можно говорить, напротив, о душевном творческом подъёме, являющемся следствием омоложения души. Раутенделейн в доме Генриха варит волшебный напиток, который должен сделать его здоровым и физически, и духовно, влить в него жизненные силы, обновить душу.

Необходимо иметь в виду, что романтики воспринимали медицину как натурфилософскую науку, не случайно выдвигается понятие жизненной силы, о которой говорил и писал К.Г. Карус, по свидетельству Р. Хух [Huch 1899: 284]. Шеллинг в сочинении «О сущности человеческой свободы» выдвигает понятие архея – животворящей силы. Болезнь возникает, когда архей покидает центр и выходит на периферию. Лечение, по Шеллингу, должно быть в восстановлении отношения периферии к центру, в возвращении жизни во внутренний свет сущности [Шеллинг 1987: 119]. Многие романтические врачи, писатели и философы ориентируются на медицинскую натурфилософию Парацельса, которого называли Лютером медицины [Huch 1899: 290, 298, 301].

Гауптман, много читавший об этом уникальном человеке, размышляет о его алхимических опытах, считает, что «в алхимии прослеживаются таинственные действия жизни, происходит концентрация непостижимых химических и органических процессов». «Алхимию можно чувствовать и ощущать, суждения о том, что возможно, что нет, неприемлемы в ней. Огонь надежды всё освещает, он играет и сверкает, в алхимии – вечная юность, счастье, радость» [Hauptmann 1987: 256]. В «Потонувшем колоколе» магический обряд Раутенделейн почти до-

словно повторяет советы и рецепты Парацельса так, как они воспринимаются Гауптманом. Главное – огонь надежды, способствующий вечной юности. Раутенделейн призывает на помощь природные стихии – Огонь и Воду (в действии драмы такой призыв выражен во внешних действиях феи – она бросает в воду, стоящую на огне, майские травы и шепчет тайные слова). Она пытается вернуть Генриха к первоначалам, которые, по её мнению, позволят ему обрести необходимое гармоническое единство, то, которое есть в ней, но отсутствуют в нём. Раутенделейн подкрепляет свою связанность с первоистоками – Огнём и Водой – особыми природными звуками («surte, surte, singe»), в которых слышится жужжание, гуденье, кипенье, произносит чрезвычайно важные слова: «Wer es trinkt, der trinkt sich Mark», магическая направленность которых состоит в восстановлении нарушенного душевного центра Генриха.

После того как Генрих выпил жизненный эликсир, Раутенделейн говорит, что отныне он обрёл новизну и свободу: «<...> so bist Du neu, / und im Neuen bist Du frei» [Hauptmann 1906: 127]. Подобное обретение влечёт за собой юношеское восприятие мира, оно поэтически представлено Гауптманом через образ утреннего солнца, его видит Генрих, замечает, что лучи пробиваются через окно, золотят руку. Сейчас он, обретя новое рождение, осознавший себя интеллигенцией, прошедший, как он думает на данный момент, через бинарные стадии сознания, способен наслаждаться бытием. Он потрясён красотой зримого универсума, воочию представшего перед его взором: «O Morgenluft! Nun, Himmel, ist's Dein Wille, / ist diese Kraft, die durch mich wirkt und wühlt<...>» [ibid.], ощущает силы, проникающие ему в грудь, стремится ещё раз войти в жизнь: «noch einmal meinen Schritten ins Leben werden» [ibid.]. Став созерцаемым для самого себя, как определяет Шеллинг первую стадию духовного субъективного познания, Генрих внутренне готов ко второй стадии, когда, по определению философа романтической эпохи, созерцание должно перейти в рефлексию.

Таким образом, под пером художника слова на рубеже XIX–XX вв. основные теоретические постулаты прошлой эпохи приобретают драматические очертания. Столь важные процессы, вершащиеся в новом культурном романтическом (неоромантическом) пространстве, манифестируются Г. Гауптманом посредством исследования сознания и глубин подсознания героя – литейщика Генриха. Анализ первых двух действий «Потонувшего колокола» позволяет сделать выводы о том, что мастер Генрих, проникая в себя

самого, пытается познать только себя самого. Он, бесспорно, становится интеллигенцией в шеллинговском смысле, но Гауптман подчёркивает недостаточность такого процесса. Самопознание, с точки зрения немецкого драматурга, ведёт к миропознанию. Чрезмерный апофеоз Я героя, намеренно акцентируемый в первых двух действиях драмы, свидетельствует о творческой модификации Гауптманом романтических принципов. Они, возведённые в абсолют, сами себя трансформируют, драматически саморегулируют, наконец, сами себя отрицают. Драматург, понимая и принимая романтизм конца XVIII – начала XIX столетия, весьма существенно расширяет его теоретическую базу – индивид должен осознать не только своё творящее Я, но и Я кающееся. Таков в будущем (в следующих действиях) путь неоромантического героя Гауптмана – мастера-литейщика Генриха.

Список литературы

Аствацатуров А.Г. Поэзия. Философия. Игра. СПб.: Геликон Плюс, 2010. 494 с.

Браун Ф. А. Немецкий романтизм // История западной литературы (1800–1910). М.: Наука, 1912. Т. 1. С. 208–310.

Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения / пер. с англ. М.: Алетея, 1998. 269 с.

Гейне Г. Романтическая школа / пер. с нем. Н.Я. Берковского // Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958, Т. 6. С. 143–284.

Жеребин А.И. Новалис и проблемы неоромантизма // Жеребин А. И. От Виланда до Кафки. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 255–275.

Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор, 1996. 231с.

Карельский А.В. Модернизм XX века и романтическая традиция // Вопр. лит. 1994. № 2. С. 163–171.

Мальчуков Л.И. Где центр и где периферия в художественном мире Г. Гауптмана // Зарубежная филология в гуманитарном дискурсе. Петрозаводск, 2009. С. 62–99.

Новалис. Ученики в Саисе: магические романы и философические фрагменты / пер. с нем. Г. Петникова. СПб.: ООО Издательский дом «Леонардо», 2011. 352 с.

Шеллинг Ф. Сочинения: в 2 т. / пер. с нем. М. И. Левиной, А. В. Михайлова. М.: Мысль, 1987. Т. 1. 637 с.

Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю.Н. Попова. М.: Искусство, 1983. Т.1. 478 с.

Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik

der Alten. Basel: Bahnmaier, 1857. 426 S.

Bölsche W. Hinter der Weltstadtl. Friedrichshagener Gedanke zur ästhetischen Kultur. Leipzig: E. Diederichs, 1901. 374 S.

Deppermann M. Romantik und Moderne. Eine kontroverse Konstellation // Die «Schaubüne» in der Epoche des Freischütz. Salzburg: Verlag Mueller-Speiser, 2009. S. 23–56.

Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimar, 1980. 900 S.

Hauptmann G. Grichischer Frühling. Berlin, 1908. 226 S.

Hauptmann G. Italienische Reise. Berlin, 1976. 230 S.

Hauptmann G. Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main, 1965. 246 S.

Hauptmann G. Die versunkene Gloke // G. Hauptmann Gesammelte Werke in sechs Bänden. Berlin: Fischer, Verlag, 1906. B.IV. S. 63–201.

Hauptmann G. Tagebücher 1897–1905. Frankfurt am Main, 1987. 790 S.

Huch R. Blütezeit der Romantik. Leipzig: H. Haessel, 1899. 481 S.

Kemper D. Ideengeschichte vs. Transferforschung // Русская германистика. Ежегодник росс. союза германистов. М.: Языки слав. культуры, 2004. Т. VIII. С. 51–60.

Vietta S. Ästetik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 S.

References

Astvaturov A.G. *Poezija. Filosofija. Igra* [Poetry. Philosophy. Game]. St. Petersburg, Gelikon-Plus Publ., 2010. 494 p.

Bachofen J. Versuch über die Gräbersymbolik der Alten. Basel: Bahnmaier, 1857. 426 S.

Bölsche W. Hinter der Weltstadtl. Friedrichshagener Gedanke zur ästhetischen Kultur. Leipzig: E. Diederichs, 1901. 374 S.

Braun F.A. Nemetskij romantizm [German romanticism]. *Istorija zapadnoj literatury (1800-1910)* [The history of western literature (1800-1910)]. Moscow: Nauka Publ., 1912. Vol. 1. P. 208–310.

Deppermann M. Romantik und Moderne. Eine kontroverse Konstellation. *Die «Schaubüne» in der Epoche des Freischütz.* Salzburg: Verlag Mueller-Speiser, 2009. P. 23–56. (In German).

Hartmann F. *Zhizn' Paratsel'sa* [The Life and the Doctrines of Philippus Theophrastus Bombast of Hohenheim Known as Paracelsus]. Moscow, Aleteja Publ., 1998. 270p.

Hauptmann G. *Abenteuer meiner Jugend.* Berlin and Weimar, 1980. 900 p. (In German).

Hauptmann G. *Grichischer Frühling.* Berlin, 1908. 226 p. (In German).

- Hauptmann G. *Italienische Reise*. Berlin, 1976. 230 p. (In German).
- Hauptmann G. *Die Kunst des Dramas*. Frankfurt am Main, 1965. 246 p. (In German).
- Hauptmann G. Die versunkene Gloke. Hauptmann G. *Gesammelte Werke in sechs Bänden*. Berlin: Fischer, Verlag, 1906. Vol. IV. P. 63-201. (In German).
- Hauptmann G. *Tagebücher 1897-1905*. Frankfurt am Main, 1987. 790 p. (In German).
- Heine H. Romanticheskaja shkola [The romantic school]. Heine H. *Sobranie sochinenij v 10 t.* [Collection of works in 10 vols.]. Moscow, Gos. Izd. Khudozh. Lit. Publ., 1958. Vol. 6. P. 143-284.
- Huch R. *Blüthezeit der Romantik*. Leipzig: H. Haessel, 1899. 481 p.
- Karel'skij A. V. Modernism XX veka i romanticheskaja tradicija. [The modernism of the 20th century and the romantic tradition]. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. Moscow, 1994. № 2. P. 163-171.
- Kemper D. Ideengeschichte vs. Transferforschung. *Russkaja germanistika. Ezhegodnik rossijskogo sojuza germanistov* [Russian Germanistics. Yearly book of the Russian union of specialists in Germanstudies]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2004. Vol. VIII. P. 51-60.
- Mal'chukov L.I. Gde tsentr i gde perefirija v khudozhestvennom mire G. Gaupmana [Where the center and periphery are in the G. Hauptman's literature world]. *Zarubezhnaja filologija v gumanitarnom diskurse* [Foreign philology in the discourse of humanities]. Petrozavodck, 2009. P. 62-99.
- Novalis. *Ucheniki v Saise: magicheskie romany i filosoficheskie fragmenty* [The novices in Sais: magic novels and the philosophical fragments]. St. Petersburg, 2011. 343 p.
- Schelling F. *Sochinenija v dvukh tomah* [Collection of works in 2 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. Vol. 1. 637 p.
- Schlegel F. Estetika. Filosofija. Kritika [Esthetics. Philosophy. Critique]. *Sochinenija v dvukh tomakh* [Collection of works in 2 vols.]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1983. Vol.1. 478 p.
- Vietta S. *Ästetik der Moderne*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 2001. 329 p.
- Zherebin A. I. Novalis i problemy neoromantizma [Novalis and the problems of neoromanticism]. *Ot Vilanda do Kafki* [From Wieland to Kafka]. St. Petersburg, 2010. 275 p.

G. HAUPTMANN'S FAIRY DRAMA *THE SUNKEN BELL* AS A NEOROMANTIC WORK

Alla P. Sklizkova

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Philology
Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

G. Hauptmann is one of neoromantic writers. He inherited all the traditions of romanticism, but goes forward, creatively modifying romantic principles as a modern writer. Hauptmann depicts the world and the human being in continuous development, in eternal motion, in everlasting changing. Master Henry, the main character of Hauptmann's drama, is not able to realize the unity of opposites in his consciousness, such as good and evil, dream and reality, love and hatred, life and death. However, it allows him to cross the frontier of his existence, to change his consciousness. He is seized with reflection up to the moment when a certain circle of his life is completed.

Key words: neoromanticism; formation; destruction; contemplation; reflection; unconsciousness.

УДК 82.09:[821.112+821.133.1]

ТОПОС ВЕНЕЦИИ В НОВЕЛЛАХ Т. МАННА И Д. ДЮ МОРЬЕ

Фируза Абуталибовна Абилова**к. филол. н., профессор кафедры зарубежной литературы****Дагестанский государственный университет**

367000, РФ, Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37. abilovafiruza@mail.ru

В новелле Т. Манна «Смерть в Венеции» двойственный облик города выступает как отражение двойственной природы творчества, которое требует определенного равновесия разума и страсти, духа и чувственности. Это равновесие легло в основу шедевра писателя Ашенбаха, но он отдается безумию страсти к Тадзио, пускаясь в эротическую авантюру. В статье анализируется обращение Т. Манна к проблеме гомосексуальных отношений как к способу обострить творческие потенции художника. В новелле Д. дю Морье «Ганимед» двулика Венеция становится отражением двойного кодирования, которое позволяет рассмотреть произведение и как явление массовой литературы, и как трагедию манновского шедевра.

Ключевые слова: топос; двойственность; творчество; разум; страсть; Венеция; двойной код; трагедия.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-120-127

Топос – это обозначение существенного для художественного текста пространства, но не как реального, отсылающего к конкретным пространственным образам, а как места, которое, коррелируя с фрагментами реального пространства, символизируется и становится «местом развертывания смыслов». Городской топос – это прежде всего топос пространства, включающий константные образы, мотивы, темы города, которые концентрируют в себе основную идею текста, становятся метафорами определенных состояний, отношения к миру и бытию.

Образ города как реальности, так и изображения опирается на так называемые «доминантные точки», которые составляют «подобие образного каркаса» и позволяют «на визуальном уровне отличить один город от другого» [Меднис: 1999]. Вместе с тем создаваемый писателем образ пространства может отличаться от эмпирического. Художник «всегда производит какой-то отбор, часто сдвигает топосы и локусы, меняя их взаимное расположение, конструирует модель пространственных отношений, необходимую ему в художественных целях» [Баевский 1990: 107].

Универсальным топосом мировой литературы является Венеция, давно ставшая предметом эстетической рефлексии. Она принадлежит к числу

тех городов мира, которые «человеческое сознание наделяет особым статусом не только благодаря их историко-экономическому или историко-культурному значению, но и в плане особой *надвещной* семантики и значимости», – отмечает Н. Меднис [Меднис: 1999]. Она «изначально “обречена” быть средоточием литературно-культурных ассоциаций, чрезвычайно насыщенного символического пространства, вхождение в которое дает возможность многократного увеличения валентной мощности того или иного текста», – подчеркивает Н. Смирнова [Смирнова 2001: 140].

К венецианскому топосу отсылает одно из самых ярких произведений мировой художественной литературы – новелла Т. Манна «Смерть в Венеции» (1911). Венеция здесь – не просто фоновое пространство, но место развертывания эстетических, биологических, социальных проблем, что делает произведение, по общему признанию критики, «важнейшей новеллой» писателя. Здесь дается «глубинное осмысление, порой открытое, порой потаенное, глобальных тем: любви и смерти; свободы и бюргерства как стилей жизни; судьбы и ее знаков; природы творчества и красоты; энергии страсти и влечения, ее реализации и подавления; комплексов и страхов

в сознательном и бессознательном; ответственности перед предками, их общепринятыми нормами и перед самим собой» [Шогенцукова 2002: 181]. Скрепляющим, связующим все уровни и сферы произведения началом выступает пространство Венеции.

Топос Венеции в новелле противостоит топосу Мюнхена, где «в почете и уважении» живет главный герой, известный писатель Густав Ашенбах. Мюнхенское пространство в новелле лишено конкретизации и топографической точности, оно не описывается, а скорее обозначается немногочисленными деталями мортального характера: это Северное кладбище и каменотесные мастерские, где «предназначенные к продаже кресты, надгробные плиты и памятники образовывали как бы второе, ненаселенное кладбище» (157)¹.

Это упорядоченное и безрадостное пространство отражает столь же упорядоченный и безрадостный, «трагический, ложный, вынужденно убогий, субъективный мир Ашенбаха» [Федоров 1981: 39]. Замкнутый, одинокий, владеемый «рациональным, осторожным, прагматичным сознанием» [Шогенцукова 2002: 180], он не допускал в пределы своего аскетичного существования сильные чувства, страсти, яркие впечатления и переживания, даже путешествия рассматривал как «некую гигиеническую меру», которую время от времени следовало осуществлять. Это не значит, что Ашенбах писал плохо. Почти «невероятно обостренное чувство красоты, благородной ясности, простоты и ровности формы...навсегда сообщило его произведениям высокое мастерство и классическую статью» (166), которые превозносила вся немецкая нация. Но, комментируя творчество Ашенбаха, Т. Манн говорит о нем, как о механической работе, определяя его не как результат творческого вдохновения, а как плод «ежедневного кропотливого труда, напластовавшего в единый величественный массив сотни отдельных озарений...» (164). Создававшееся «с неотступным упорством» вопреки всему, оно стало «образцово-непререкаемым, отшлифовано-традиционным, незыблемым, даже формальным и формулообразным» (167).

Выступая в качестве элемента, организующего пространство произведения, топосы «во многом определяют движение фабулы и поведение персонажей», – отмечает В.С. Баевский [Баевский 1990: 104]. Поведение Ашенбаха, динамика сюжета в новелле изменяются со сменой пространства Мюнхена на противостоящий ему иррациональный топос. Он возникает в сознании Ашенбаха как фантастическое видение, пробуждающее воображение, стихийные влечения, жажду странствий и желание уступить безрассуд-

ной прихоти, – все то, что «было обуздано разумом, упорядочено смолоду усвоенной самодисциплиной» (160). Он видел «ландшафт под небом, тучным от испарений, тропические болота, невероятные, сырые, изобильные, подобие дебрей первозданного мира, с островами, топиями, с несущими ил водными протоками; видел, как из густых зарослей папоротника, из земли, покрытой сочными, налитыми, диковинно цветущими растениями, близкие и далекие, вздымались волосатые стволы пальм; видел причудливо безобразные деревья, что по воздуху забрасывали свои корни в почву, в застойные, зеленым светом мерцающие воды, где меж плавающими цветами, молочно-белыми, похожими на огромные чаши, на отмелях, нахохлившись, стояли неведомые птицы с уродливыми клювами и, не шевелясь, смотрели куда-то вбок;...и сердце его билось от ужаса и непостижимого влечения» (159–160). Если Мюнхен – в значительной степени реальное место действия, то ирреальный топос – это пространство, где локализуются эмоции, настроения героя, где начинают раскрываться тайные лабиринты его души. Это ирреальное пространство, географически не ориентированное, есть не что иное, как Венеция. Это «Венеция в ее первоначальном виде», – полагает П. Акройд, исследующий биографию города, историю его появления [Акройд 2012: 79].

Венеция первоначальная, увиденная Т. Манном, становится для героя ситуацией «онтологического порога», за которым открывается возможность дальнейшего движения. Именно после этого необычайного видения Ашенбах, наконец, решается «сбросить с себя бремя, забыть, бежать прочь от своей работы, от будней неизменного, постылого и страстного служения» (160), почувствовать не испытанные прежде «пламенные импульсы» – толику «бродячей жизни, даром потраченные дни, чужой воздух и приток новой крови... И так, в дорогу – будь что будет!» (161). Вопрос о том, куда должна привести дорога, недолго оставался открытым: «Если за одну ночь хочешь достичь сказочно небывалого, несравнимого, куда направиться? О, это ясно! ...Туда и надо ехать сразу» (168). В Венецию!

Венеция выступает в качестве эмблемы произведения, исходного смысла, импульса, который становится движущей силой повествования. Как писал Генрих Манн, этот город издавна, «через сновидения и загадочных посланцев в неясных масках смерти», ведет к себе Ашенбаха [Манн 1988: 150].

Венеция – необыкновенный город, совмещающий в себе противоположные начала, где «рядом с Божественным всегда присутствует дьявольское. Одно не существует без другого», –

пишет П. Акройд [Акройд 2012: 381]. Божественна красота Венеции, ее архитектурных ансамблей и живописных фасадов зданий, поднимающихся прямо из воды прихотливо извивающихся каналов. Дьявольское связано с тем, что «размываются привычные границы между внешним и внутренним, частным и публичным. Здесь вырываются на поверхность подсознательные и странные желания, происходят неожиданные и странные встречи и знакомства», – продолжает он [Акройд 2012: 320].

Эта двойственность становится непременным признаком произведений о Венеции. Новелла Т. Манна – не исключение. «Двойное, причем противоположное, полюсное присуще в “Смерти в Венеции” всему – от мелкой детали до глобальных явлений бытия», – пишет Н. Шогенцукова [Шогенцукова 2002: 320]. Контрастность сразу же обнаруживается в сочетании традиционных элементов венецианского топоса. Ашенбах видит «это чудо, этот из моря встающий город, ослепительную вязь фантастических строений, которую республика воздвигла на удивление приближающимся мореходам, воздушное великолепие дворца и Мост Вздохов, колонну со львом и святого Марка на берегу, далеко вперед выступающее пышное крыло сказочного храма и гигантские часы в проеме моста над каналом» (172). К этому восприятию героя авторский голос добавляет не менее традиционную, но прямо противоположную по характеру деталь: «Кто не испытывал мгновенного трепета, тайной робости и душевного стеснения, впервые или после долгого перерыва садясь в венецианскую гондолу? Удивительное суденышко, без малейших изменений перешедшее к нам из баснословных времен, и такое черное, каким из всех вещей на свете бывают только гробы, – оно напоминает нам о неслышных и преступных похождениях в тихо плещущей ночи, но еще больше о смерти, о дрогах, заупокойной службе и последнем безмолвном странствии» (173).

Двойственность венецианского топоса фокусирует в себе целый комплекс смыслов, превращая произведение в поле для решения волнующих писателя проблем. Среди важнейших – вопрос о природе искусства и творчества, о соотношении в нем разума и страсти, разума и авантюры чувств, ответственности и безоглядной жажды наслаждений. Рассуждения писателя об их истоках и сущности, являющиеся характерной особенностью художественной манеры Т. Манна, входят составной частью в структуру новеллы. «И разве у формы не два лика? – задается вопросом автор. – Ведь она одновременно нравственна и безнравственна – нравственна как результат и выражение самодисциплины, без-

нравственна же, более того, антинравственна, поскольку, в силу самой ее природы, в ней заключено моральное безразличие, и она всеми способами стремится склонить моральное начало под свой гордый самодержавный скипетр» (166). Диалектический синтез духа и чувственности, равновесие – вот что отвечает манновскому пониманию подлинного творчества: «Счастье писателя – мысль, переходящая в чувство, чувство, целиком переходящее в мысль» (196). Именно этого, по словам писателя, он добивался в процессе создания новеллы – «равновесия чувственности и нравственности» [Манн 1975: 26].

Это равновесие может осуществиться только в Венеции, единственном и исключительном пространстве, «где противоположности сходятся, не борясь» [Меднис: 1999]. Здесь соединяется образцовое, отшлифованное искусство Ашенбаха с естественной красотой юного Тадзио. На короткое время устанавливается необходимое равновесие между разумом и страстью. Это «плодотворное общение духа и тела» породило лучшее из всего написанного Ашенбахом – «изысканные полторы странички», которые отличает «благородство и вдохновенная напряженность чувств» (197).

Но «мир знает только прекрасное произведение, но не его истоки, не то, как оно возникло; ибо знание истоков, вспоивших вдохновение художника, нередко могло бы смутить людей, напугать их...» (197). В основе ашенбаховского шедевра лежит необузданное, пугающее и бесстыдно завораживающее – любовь к Тадзио. Никогда «он так ясно не ощущал, что Эрот присутствует в слове, как в эти опасно драгоценные часы...» (197). Ранение «стрелой Эрота обернулось творчеством» (197). Попыткой оправдания этой любви служит фрагмент диалога Платона «Федр», представленный в форме солилоquia Ашенбаха: «Ибо красота, Федр, запомни это, только красота божественна и вместе с тем зрима, а значит, она путь чувственного, маленький Федр, путь художника к духу» (220). Это любовь в античном понимании: любовь телесная, связанная с удовольствием и эстетическим наслаждением красотой.

Но, пережив счастливые мгновения творческого взлета, Ашенбах почувствовал себя «обесилленным и опустошенным, как после недозволенного беспутства» (198) и не может удержаться в рамках созерцательно-творческого состояния. Он уже не стремится к «целительному отрешению», а дорожит «хмельным своим состоянием» (198). Гармония ясного, светлого аполлонического искусства сменяется бездной подсознательного, толкающей к пьяному угару, вожделению, к хаосу и вакханалии, к дионисий-

скому безумию. Эстетическое любование природным совершенством превращается в гомоэротическую авантюру, прорывая оболочку выдержки и добропорядочности. «Попавшийся на удочку страсти», Ашенбах вкусил блуда и неистовства в оргиастическом сне, прошел процедуру «омоложения» в парикмахерской и, наконец, стал откровенно преследовать Тадзио.

Отражением двойной природы творчества становится двойственный облик Венеции, внешнее великолепие которой скрывает признаки болезни, разложения, распада. Венеция, «льстивая и подозрительная красавица, – не то сказка, не то капкан для чужеземцев» (205), заражена вибрионами холеры и коррупции. Из страха перед убытками, из боязни полного разорения, грозившего «всей разнообразной туристской промышленности», венецианские власти замалчивают угрозу эпидемии. Это приводит к нравственной распущенности, росту темных антисоциальных тенденций, сказавшихся «в невоздержанности, бесстыдстве, растущей преступности» (214). То же самое происходит в душе Ашенбаха. Отдавшись «экзотическому избытку чувств», он теряет способность к самоанализу и самоконтролю, отбрасывает мысль о рассудочности и трезвости, а «катастрофа, надвигавшаяся на внешний мир, преисполнила его сердце удовлетворением» (203). Ашенбах «настороженно и неотступно вел наблюдение за нечистыми событиями на улицах Венеции, за бедой во внешнем мире, таинственно сливавшейся с бедою его сердца, и вскармливал свою страсть беззаконными надеждами» (206).

Известно, что Венеция была центром гомосексуализма и привлекала людей с нетрадиционной сексуальностью, которая считалась одной из основ творчества. Не случайно среди деятелей искусства немало людей с неоднозначной сексуальностью. Не являлось тайной и внимание Т. Манна к гомоэротическим проблемам, к их роли в искусстве. Но интерес к этой стороне эмоциональной жизни человека оставался у него чисто умозрительным, платоническим, не выходящим за пределы творческого процесса. Как говорил сын писателя Голо Манн, гомосексуальность его отца «никогда не опускалась ниже пояса». Томас Манн был прежде всего художник, он не упускал из виду ни одно явление в жизни, если ему казалось, что оно может стимулировать художественное творчество. В «Докторе Фаустусе» таким средством, до предела обостряющим гениальные творческие потенции главного героя, станет болезнь, которая, по мысли писателя, есть «небуржуазная форма здоровья». Гомоэротические фантазии Густава Ашенбаха в функцио-

нальном плане сродни той роли, которую в творчестве Адриана Леверкюна играет его болезнь.

Сам Т. Манн не раз говорил об однополой любви как о духовных отношениях. Его интересовал не медицинский, связанный с патологией, аспект влечения к лицу своего пола, а духовный, культурный. «Что зрелая мужественность ласково тяготеет к красивой и нежной, а та, в свою очередь, тянется к ней, в этом я не нахожу ничего неестественного, вижу большой воспитательный смысл и высокую гуманность», – подчеркивал он в одном из писем [Манн 1975: 27]. Эта разновидность чувства, по его мнению, обладает большей духовностью, чем «нормальная». «Проблема эротика, даже красоты, на мой взгляд, заключена в напряженности отношений жизни и духа, – писал Т. Манн. – ...Поэтому у них не бывает слияния, а бывает лишь короткая опьяняющая иллюзия слияния и согласия, между ними царит вечное напряжение без разрешения» [там же: 27].

Разрешить это вечное напряжение между духом и плотью в реальной жизни известный писатель, являющий собой образец бюргера, не мог. Это грозило «подрывом самих основ библейской этики и европейского существования, жизненным волюнтаризмом, на который “тот, чья жизнь – символ”, не имеет права» [Манн 1996: 187]. Осуществить желанное слияние можно было только в творчестве, и многие «интимно-тайные переживания Томаса Манна инверсированы в его произведениях», – пишет И. Эбаноидзе [там же: 182]. Одним из первых таких произведений стала новелла «Смерть в Венеции». О том, как «двойной гнет влечения и этики» переносится на героя произведения, раскрепощая автора, можно узнать из дневников и писем Т. Манна. Так, в письме к литературоведу К.М. Веберу он говорит о том, что «протестантски-пуританский («бюргерский») склад Ашенбаха – это «и мой собственный», а в душевном хаосе героя воплотилось «лирически-личное дорожное переживание, недоумившее меня заострить ситуацию мотивом “запрещенной любви”» [Манн 1975: 27]. Создав своего двойника, «почти-близнеца» Ашенбаха, Т. Манн «довел до конца свои собственные, в жизни не реализованные возможности» [Визгин 1989: 149].

«Смерти в Венеции» принадлежит особая роль в культуре XX в. Н.В. Макшеева относит это произведение к так называемым «итоговым текстам», в которых осмысливается глобальный слом культуры на рубеже XIX–XX вв.: «Писатель задал особый масштаб восприятия сюжета: рассказ о судьбе художника в новелле превращается в повествование о судьбе искусства в современном мире, о меняющихся отношениях

между искусством и жизнью, кризисе прежних ценностей и поиске новых ориентиров» [Макшеева: 2009].

По мнению В. Бачинина, «художественный гомозротизм» манновской новеллы оказался «мягкой формой последующего гомосексуального сдвига в элитарной и массовой культурах. ...Пошла полным ходом большая, чреватая непредсказуемыми последствиями игра на понижение, в результате которой душа европейца если не ушла в пятки, то опустилась в гениталии» [Бачинин 2014].

Примером подобной метаморфозы может служить новелла Д. дю Морье «Ганимед» (1959). Ее сюжет напоминает о новелле Т. Манна: главный герой – «филолог-классик», «человек утонченный», как он себя позиционирует, – приезжает в Венецию с целью провести там отпуск, испытывает сильную страсть к пятнадцатилетнему официанту кафе. Очевидна цитатность обоих персонажей: в «филологе-классике», от лица которого ведется повествование, проступает силуэт Ашенбаха, а в образе юного официанта – облик Тадзио. Сниженная проекция образного ряда «Смерти в Венеции», перенесение действия из сферы высокого искусства в пространство девиантного поведения, из бытийного в бытовое свидетельствуют о пародийном модусе повествования, о наличии в произведении двойного кодирования.

Р. Барт, постструктуралист и предшественник постмодернизма, в любом художественном произведении выделял пять кодов, которые, переплетаясь, сталкиваясь, перебивая друг друга, открывают текст для самых разных прочтений. Ю.М. Лотман рассматривает текст как «сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности» [Лотман 1992: 132]. В обоих случаях речь идет о многослойности произведения, благодаря чему читатель воспринимает его в соответствии со своим мировоззренческим и культурным опытом. Поэтому художественные тексты, как подчеркивает в своей статье «О содержании и структуре понятия “художественная литература”» Ю.М. Лотман, и только «художественные тексты могут быть предметом взаимоисключающих аксиологических оценок» [Лотман 1992: 206].

Двойной код – это два плана понимания текста, один из которых доступен самому неискушенному читателю, довольствующемуся привлекательностью продукта массовой культуры, а другой обращен к искушенной, художественно просвещенной читательской аудитории, способ-

ной постичь более глубокие смыслы произведения. Принцип двойного кодирования позволяет прочитать новеллу Д. дю Морье «Ганимед» и как трагедию одного из самых известных произведений мировой литературы, и как историю о путешествии в Венецию скрытого гомосексуалиста.

Топос Венеции представлен в новелле калейдоскопом немногочисленных узнаваемых деталей: гондолы, Дворец Дожей, Сан Марко... Бывшие некогда ориентирами поэтического вдохновения, они превратились просто в опознавательные знаки города и стали стандартным набором штампов, клише, который «переходит из области элитарного в область массового» [Соболева 2010: 185]. Клишированный характер венецианских сигнатур обнаруживает один из кодов новеллы, связанный с провокативным сюжетом массовой литературы о нетрадиционных сексуальных отношениях. Для главного героя новеллы Венеция – это не великолепие дворцовых фасадов и уникальной архитектуры, а отражение его собственного сознания, и не только его одного, а многих, подобно ему, «очарованных и проклятых»: «...у нас есть другой ключ, другая тайна. И это...Венеция, которая живет в нас самих» (237)². Возможно, это отсылка к «проклятым» поэтам-символистам, в среде которых гомосексуальные отношения были не редкостью, и тогда этот аллюзивный план адресован читателю, способному включиться в диалогическое пространство трагедии. Возможно, это намек на ситуацию, в которой существовала сама Дафна дю Морье, чья непростая сексуальная жизнь была предметом обсуждения в обществе. И тогда повествование переводится в плоскость масскульты.

Оказавшись в Венеции, главный герой вырывается из привычного круга чувств и ощущений: «Я переживал странное, неведомое дотоле чувство. ...я даже не знаю, как его определить...Я словно чувствовал, что стал наконец самим собой» (239). Переживаемое героем чувство имеет глубоко потаенный характер, настолько потаенный, что герой боится его выказать, а писательница – назвать. Оно становится понятным благодаря мифологическим референциям: юный официант ассоциируется у главного героя с мифологическим персонажем, имя которого заявлено в названии новеллы, а собственная персона – с образом Зевса.

Эта мифологическая пара присутствует и в содержательной ткани «Смерти в Венеции». Сравнивая Тадзио и Ганимеда, Т. Манн пишет: «...работать в присутствии Тадзио, взять за образец облик мальчика, принудить свой стиль следовать за линиями этого тела, представлявшегося ему богоподобным, и вознести его красоту в мир

духа, как некогда орел вознес в эфир троянского пастуха» (197). Созерцание красоты Тадзио вызывает у Ашенбаха переживания гомозстетического свойства, стимулирует его творческие потенции, расширяя спектр духовного зрения. У героя новеллы Д. дю Морье красота юного официанта вызывает чувства, не обремененные эстетическими проблемами: «Я так и чувствовал, что сижу на золотом кресле, что над головой у меня тучи и передо мной на коленях мальчик, подносящий мне чашу из чистого золота. Его смиренность – не постыдная смиренность раба, но почтительность возлюбленного к своему господину, к своему богу» (245). И вместо философских размышлений о природе красоты – неоднократные напоминания рассказчика о себе как о филологе-классике и туманные намеки на связанные с этим ассоциации, к разгадыванию символического смысла которых приглашается читатель.

Пародийной трансформации подвергается и образ Ганимеда. Если Тадзио до конца остается символом античной красоты и высокого искусства, напоминая «собой греческую скульптуру лучших времен», то фигура юного официанта утрачивает мифологическую окрашенность, приобретает подчеркнутую прозаичность, превращаясь во вполне современный тип юноши, любящего быструю езду и песни Элвиса Пресли.

Пародийные оттенки ощутимы и в других эпизодах «Ганимеда»: в описании преследования юноши по лабиринту венецианских улочек, когда из преследователя филолог-классик превращается в преследуемого; в сцене, изображающей путешествие на пляж Лидо, где вместо рисовавшейся ему тихой прогулки в гондоле с Ганимедом и томиком шекспировских сонетов он обнаруживает себя в окружении большого числа жизнерадостных итальянцев, «разговаривавших на пределе своих голосовых связок» (278). Как пародийная реминисценция прочитываются сцены в ресторане и на пляже.

В финале текст новеллы дю Морье вновь обнаруживает свою «семиотическую неоднородность» (Лотман). Можно увидеть здесь следование канонам массовой беллетристики, требующей однозначной, завершающей событие развязки. Ю.М. Лотман писал по поводу сюжетного окончания подобного рода произведений: «...массовая литература исходит из представления о том, что закрепленный текст – это и есть все произведение. Читатель не настроен на усложнение структуры своего сознания до уровня определенной информации – он хочет ее получить» [Лотман 1993: 387–388]. Поэтому перипетии существования филолога-классика не меняют его мироощущения, и его возвращение в Лондон оказывается «невозвращением» из Вене-

ции (он поселяется в районе, известном под названием «Маленькая Венеция»); утраченное было после гибели юного официанта душевное равновесие восстанавливается с появлением другого Ганимеда. Вместе с тем успокоительный финал может восприниматься как трагедийное обыгрывание этого же канона, которое становится особенно ощутимым на фоне неоднозначного финала классической первоосновы.

Таким образом, доминантой топоса в новеллах Т. Манна и Д. дю Морье выступает амбивалентность, двуликость Венеции, пространство которой на фоне повторяющихся деталей-достопримечательностей становится формой выражения различных непространственных категорий. Для Т. Манна в двойственности Венеции выражается двойное начало творчества, содержащего в себе как аполлоническое, так и дионисийское начала, воплотившиеся в гомозротических переживаниях Густава Ашенбаха. В новелле Д. дю Морье «Ганимед» двойственность Венеции становится приемом двойного кодирования, позволяющим рассматривать это произведение и как явление массовой литературы, и как трагедийное переосмысление манновского текста. Вторичность новеллы дю Морье не означает высмеивания претекста или дискредитации ее автора, но при сохранении эстетической значимости создает возможность его нового прочтения.

Примечания

¹ Манн Т. Смерть в Венеции // Манн Т. Новеллы / пер. с нем. Н.Ман. М.: Худож. лит., 1973. С. 101–156. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

² Дю Морье Д. Ганимед // Дю Морье Д. Синие линзы / пер. с англ. Н.Н. Тихонова. СПб.: Амфора, 2013. С. 230–286. В дальнейшем ссылки на это издание даются с указанием страниц в круглых скобках.

Список литературы

Акройд П. Венеция. Прекрасный город / пер. с англ. В. Кулагиной-Ярцевой, Н. Кротовской, Г. Шульги. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2012. 496 с.

Баевский В.С. Сквозь магический кристалл: поэтика «Евгения Онегина», романа в стихах А.С. Пушкина. М.: Прометей, 1990. 158 с.

Бачинин В. Он взвешен на весах и найден очень легким. Смерть, Венеция и игра в гомозротический бисер // Нева. 2014. №3. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/3> (дата обращения: 20.02.2016).

Визгин Вик. П. Испытание разума. К интерпретации новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции»

// Красная книга культуры. М.: Искусство, 1989. С. 148–156.

Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 203–216.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129–132.

Лотман Ю.М. Массовая литература как историко-литературная проблема // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 380–389.

Манн Г. «Смерть в Венеции». Новелла Т. Манна // Манн Г., Манн Т. Эпоха; Жизнь; Творчество. Переписка, ст. / пер. с нем.; сост., авт. предисл. и коммент. Т.Н. Знаменской. М.: Прогресс, 1988. 496 с.

Манн Т. Письма / пер. с нем. С.К. Апта. М.: Наука, 1975. 463 с.

Манн Т. Из дневников / пер. с нем., предисл. и коммент. И. Эбаноидзе // Новый мир. 1996. № 1. С. 181–202.

Макшеева Н.В. Финалы итоговых текстов (На материале новеллы Т. Манна «Смерть в Венеции» и одноименного фильма Л. Висконти) // Поэтика финала. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2009. 268 с. URL: <http://litceysel.ru/amdc/main.html> (дата обращения: 20.02.2016).

Меднис Н.Е. Венецианский текст русской литературы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 392 с. URL: <http://libatriam.net/read/146577/0/> (дата обращения: 20.02.2016).

Смирнова Н.А. Венеция: Анадиомена, Муза, Парка // Текст: онтология и техника. Нальчик, 2001. С. 140–151.

Соболева О.В. Венецианский текст в современной русской литературе: продолжение и преодоление традиции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 5(11). С. 184–188.

Федоров А.А. Томас Манн. Время шедевров. М.: Изд-во МГУ, 1981. 336 с.

Шогицукова Н.А. Когда дует сирокко // Шогицукова Н.А. Лабиринты текста. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 178–195.

References

Ackroyd P. *Venetsija. Prekrasnyj gorod* [Venice: Pure city]. Moscow, Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoj Publ., 2012. 496 p.

Baevskij V.S. *Skvoz' magicheskij kristall: poetika "Evgenija Onegina", romana v stikhakh A.S.Pushkina* [Through a magic crystal: poetics of "Eugen Onegin", the novel in verses by A.S. Pushkin]. M., Prometej Publ., 1990. 158 p.

Bachinin V. On vzveshen na vesakh i najden ochen' ljogkim. Smert', Venetsija i igra v gomoeroticheskiy biser [He was weighed on the scales and turned out to be light. Death, Venice and playing homoerotic marbles]. *Neva*. 2014. Iss.3. Available at: <http://magazines.russ.ru/neva/2014/3> (accessed 20.02.2016).

Vizgin Vic. P. Ispytanie razuma. K interpretatsii novelly T. Manna "Smert' v Venetsii" [The test of mind. To the interpretation of the novella "Death in Venice" by Th. Mann]. *Krasnaja kniga kultury* [The Red book of culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1989. P. 148–156.

Lotman Ju. M. O sodержanii i strukture ponjatija "khudozhestvennaja literatura" [On the content and structure of the concept "fiction"]. *Lotman Ju.M. Izbrannye sochinenija v 3-kh t. T.1.* [Selected works in 3 vols. Vol. 1]. Tallinn, 1992. P. 203–216.

Lotman Ju.M. Semiotika kultury i ponjatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text]. *Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i v 3-kh t.* [Selected articles in 3 vols. Vol.1]. Tallinn, 1992. P. 129–132.

Lotman Ju.M. Massovaja literatura kak istoriko-kul'turnaja problema [Mass literature as a historical and cultural problem]. *Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i v 3-kh t. T.3* [Selected articles in 3 vols. Vol. 3]. Tallinn, 1993. P. 380–389.

Maksheeva N.V. Finaly itogovykh tekstov (na materiale novelly T. Manna "Smert' v Venetsii" i odmoimennogo fil'ma L. Viskonti) [The ends of final texts (based on the novella "Death in Venice" by Th. Mann and on the same name film by L. Visconti)]. *Poetika finala* [Poetics of the ending]. Novosibirsk, Novosibirsk St. Pedagogical Univ. Publ., 2009. 268 p. Available at: <http://litceysel.ru/amdc/main.html> (accessed 20.03.2016).

Mann G. "Smert' v Venetsii". Novella T. Manna [Death in Venice. A novella by Th. Mann]. *Mann G., Mann Th. Epokha; Zhizn'; Tvorchestvo. Perepiska* [Epoch; Life; Creative work; Correspondence]. Moscow, Progress Publ., 1988. 496 p.

Mednis N.E. *Venetsija v russkoj literature* [Venice in Russian literature]. Novosibirsk, Novosibirsk St. Univ. Publ., 1999. 392 p. Available at: <http://libatriam.net/read/146577/0> (accessed 20.03.2016).

Smirnova N.A. Venetsija: Anadiomena, Muza, Parka [Venice: Anadyomena, Muse, Parcae]. *Tekst: ontologija i tekhnika* [Text: ontology and technique]. Nalchic, 2001. P. 140 – 151.

Soboleva O.V. Venetsianskij tekst v sovremennoj Russkoj literature: prodolzhenie i preodolenie traditsii [Venetian text in modern Russian literature: continuation and coming of the tradition]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2010. Iss. 5 (11). P. 184–188.

Thomas Mann. *Pis'ma*. [Letters]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 463 p.

Thomas Mann. *Iz dnevnikov* [From Diaries]. Transl. from German, introduction and comments by I. Ebanoidze. *Novyj mir* [The new world]. 1996. Iss.1. P. 181–202.

Fiodorov A.A. *Tomas Mann. Vremja shedevrov* [Thomas Mann. The Time for Masterpieces]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 1981. 336 p.

Shogentsukova N.A. *Kogda duet sirokko* [When Sirocco Blows]. Shogentsukova N.A. *Labirinty teksta* [Labyrinths of text]. Nalchik, Elbrus Publ., 2002. P. 178–195.

TOPOS OF VENICE IN NOVELLAS BY TH. MANN AND D. DU MAURIER

Firuza A. Abilova

**Professor in the Department of Foreign Literature
Dagestan State University**

In the novella “Death in Venice” by Th. Mann, the dual image of the city reflects the dual nature of art. Art needs a certain balance of reason and passion, spirit and sensuality. This balance served as a basis for the masterpiece by the writer Achenbach. However, he devotes himself to the passion for Tadzio and plunges into erotic adventure. The article considers Th. Mann’s attitude to the problem of homosexual relations as a way to intensify creativity of the author. In the novella “Ganymede” by D. du Maurier, the double-faced Venice represents double encoding, which allows for considering this work both as a phenomenon of mass literature and as a travesty of Th. Mann’s masterpiece.

Key words: topos; duality; art; reason; passion; Venice; double code; travesty.

УДК 821.161.1“1917–1992”

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА ШКОЛЬНОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

Светлана Викторовна Бурдина

д. филол. н., профессор кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. swburdina@rambler.ru

Ольга Анатольевна Шумилова

к. филол. н., ст. преподаватель кафедры гуманитарных, естественнонаучных
и общематематических дисциплин

Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права
(филиал в г. Пермь)

614022, Пермь, ул. 9 Мая, 21. mokrushina87@gmail.com

Авторы статьи ставят перед собой цель проследить историю развития жанра школьной повести в русской литературе XX в. Школьная повесть сравнивается с романом воспитания. Выделяются этапы развития жанра школьной повести. Анализ наиболее значимых произведений школьной тематики дает возможность говорить об изменениях, происходивших не только в самой структуре жанра, но и в системе персонажей, в типах героев, а также помогает определить конструктивные элементы жанра, ставшие устойчивыми. Отслеживается продолжение традиций русской литературы о школе XIX в., отмечаются характерные черты, позволяющие объединить широкий круг произведений школьной тематики. Рассматриваются уже существующие попытки создания внутрижанровой типологии, дающие представление об основных типах конфликтов, характерных для школьных повестей. Уделяется внимание и динамике системы героев, хронотопа, проблематики и авторской позиции. Поэтапный анализ эволюции жанра школьной повести обеспечивает авторам статьи возможность обобщить опыт освоения русскими писателями школьной тематики в XX в.

Ключевые слова: школьная повесть; роман воспитания; жанр; сюжет; хронотоп.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-128-134

Во второй половине 1930-х гг. в России на смену революционному и послереволюционному хаосу приходит жесткая регламентация всех сторон жизни. Новая картина мира влечёт за собой изменения и в области литературы, в том числе детской. На Втором совещании по детской литературе (декабрь 1936 г.) С. Маршак заявляет о необходимости создания жанра школьной повести, предполагающего правдивое изображение повседневной школьной жизни. В статье «О школьной повести и её читателе» (1938) Т. Габбе, развивая идеи С. Маршака, утверждала: «Задача наших писателей для детей – создать таких героев, которым советские ребята захотели бы подражать, опыт которых мог бы стать личным опытом наших жадных, весёлых, требовательных читателей» [Габбе 1938: 41].

Введенный в широкий обиход в 1930-е гг. и взятый на вооружение отечественными литературоведами последующих десятилетий термин «школьная повесть» требует теоретического пояснения. Этот жанр не является изобретением советских писателей, его возникновение исследователи относят к середине XIX в., когда в свет выходят повести Томаса Хьюза «Школьные дни Тома Брауна» и «Том Браун в Оксфорде» [Musgrave 1985] (в английском литературоведении существует термин «school story», в немецком «schulroman»). В русской дореволюционной литературе отдельные черты школьной повести можно увидеть в произведениях Н.Г. Гарина-Михайловского, Л.А. Чарской [Kelly 2007], А.И. Куприна и некоторых других, однако окончательно оформился этот жанр именно в советский период.

Определяя то или иное произведение как школьную повесть, исследователи руководствуются прежде всего проблемно-тематическими критериями [Grenby 2008]. Однако сформировавшийся в советскую эпоху корпус «школьных» текстов позволяет говорить о жанровой модели, характеризующейся особым типом системы персонажей, конфликта, пространственно-временной и сюжетно-композиционной организации¹.

Нельзя оставить без внимания тот факт, что для разработки топоса школы наиболее адекватным оказался именно средний эпический жанр, не претендующий на создание свойственной роману широкой, целостной картины мира, но способный, в отличие от рассказа, раскрыть характеры учеников и учителей в разнообразии ситуаций, а главное – показать изменения, произошедшие в сознании героев, обретших в процессе решения школьных проблем неоценимый жизненный опыт.

Последнее роднит школьную повесть с романом воспитания, особенно с той его разновидностью, которую М.М. Бахтин называет «дидактико-педагогической» [Бахтин 1979: 202], однако есть в этих жанрах и существенные различия. Для полномасштабного изображения становления личности героя, формирующейся в сложном диалоге с миром, нужно романное пространство; пребывание в образовательном учреждении – лишь один из этапов духовного пути героя романа воспитания (например, в романах «Подросток» Ф.М. Достоевского, «Жизнь Дэвида Копперфилда» Ч. Диккенса, «Два капитана» В. Каверина и др.). Кроме того, наиболее значительные образцы этого жанра разворачивают перед читателем сложную, динамичную, детально прорисованную картину мира, который, как и герой, находится в процессе становления. Герой романа воспитания реалистического типа, по словам М.М. Бахтина, «становится вместе с миром, отражает в себе историческое становление самого мира. Он уже не внутри эпохи, а на рубеже двух эпох, в точке перехода от одной к другой. Этот переход совершается в нем и через него. Он принужден становиться новым, небывалым еще типом человека» [Бахтин 1979: 203]. Эта характеристика вполне соответствует и «Педагогической поэме» А.С. Макаренко [Bergen 1997: 47–56; Gehring 2005: 327–345], рассматриваемой литературоведами как советский вариант романа воспитания².

Школьная повесть ставит перед собой более скромные задачи. Акцент смещается в ней с изображения постепенного взросления человека «в школе жизни» на собственно школьное воспитание, отношения между учениками и учителями,

изображение плюсов и минусов существующей системы образования.

Наиболее точную и емкую, с нашей точки зрения, характеристику школьной повести как жанра дала М. Литовская в статье «Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы». Исследователь, в частности, отмечает: «В текстах этого типа изображаются коллективы учителей и учеников в динамическом развитии их взаимоотношений, при этом конкретные школа или класс представлены как часть института образования. Конфликт школьной повести, основанный на столкновении различных позиций учеников/учителей, ученика/учителя, ученика/классного коллектива, учителя/учителя, шире – требований школы/требований социума, – предопределен авторским осознанием некоего идеала межличностных отношений в рамках системы образования» [Литовская 2010: 279–280].

Несмотря на то что в школьной повести часто отчетливо выделяется центральный персонаж, которым может быть учитель или ученик (в зависимости от возрастной адресации текста), в центре внимания автора всегда находится школьный коллектив, представленный различными социально-психологическими типами. Это отражается, в частности, в заглавиях произведений: «Гимназисты» (Н.Г. Гарин-Михайловский), «Белые пелеринки» (Л.А. Чарская), «Мальчики и девочки» (И. Болдырев), «Мой класс» (Ф. Вигдорова), «Девятый “А”» (Г. Медынский), «Класс коррекции» (Е. Мурашова) и т.д.

Многогеройность как свойство системы персонажей школьной повести, по справедливому замечанию М. Литовской, влечет за собой определенный тип сюжетно-композиционной организации, характеризующейся фрагментарностью создаваемой картины: «Фабульно фрагменты объединяются действием внутри пространства определенного типа образовательного учреждения, которое выступает как сила, непосредственно влияющая на поведенческие установки каждого из персонажей» [там же: 280].

Следует сказать и о хронотопе школьной повести. Основным местом действия в ней становится школа, которая фигурирует в тексте не только как социальный институт, но и как конкретный пространственный образ (топос), – описания внешнего облика учебного заведения и классных интерьеров являются устойчивым структурным элементом произведений этого жанра. События, как правило, происходят в течение одного учебного года, но временные рамки могут быть и более сжатыми, в любом случае временные ориентиры соответствуют

этапам учебного процесса: четверть, учебная неделя с обозначением конкретных дней, урок, перемена и т.д.

Объединяет произведения, относящиеся к жанру школьной повести, и однозначность авторской позиции по отношению к изображаемому. Как пишет М. Литовская, «школьная повесть лишена двусмысленности в оценке качества образования: социализация персонажей как итог образовательных усилий институции однозначно оценивается либо как успешная, либо как неуспешная» [Литовская 2010: 281].

Анализируя эволюцию жанра школьного фильма в отечественном кинематографе, Л. Аркус замечает, что в сталинском кино «школы как таковой – с её буднями, коридорами, рекреациями, классной комнатой, рядами парт, доской, учителями и учениками» [Аркус 2010] – практически не было, и связывает это с общими идеологическими установками времени: «Во-первых, школа как территория была фактурой слишком опасной для кино, так как она всегда выглядит как модель государства. Во-вторых, школьник как носитель драматического действия вне категорий героического был невозможен. <...> Невозможно было предположить, что детская среда может родить драматический конфликт» [Аркус 2010].

Всё сказанное можно отнести и к ситуации в литературе: несмотря на то что школьные повести появлялись одна за другой («Судьба товарища» Е. Немировой (1938), «Дневник Лиды Карасёвой» Д. Бродской (1938), «Дружба» Н. Дмитриевой (1939), «Девятый “А”» Г. Медынского (1940), значительных произведений, созданных в рамках этого жанра, в 1930–1950-е гг. не было. Своё время пережили лишь некоторые книги, адресованные младшим школьникам, дидактизм которых смягчен юмором и связан не только с «социальным заказом», но и с возрастными особенностями предполагаемой читательской аудитории («Сказка о потерянном времени» Е. Шварца (1940), «Про одного ученика и шесть единиц» С. Маршака (1941), «Витя Малеев в школе и дома» Н. Носова (1951).

Проблема «перековки человеческого материала» в этих произведениях редуцируется до ситуации успешного перевоспитания нерадивого ученика, берущегося в конечном итоге за ум и подающего тем самым положительный пример юным читателям. Произведения об исправившихся двоечниках встречаем мы и в советской детской литературе более позднего времени: «Многотрудная, полная невзгод и опасностей жизнь Ивана Семёнова, второклассника и второгодника» Л. Давыдычева (1961), «Баранкин, будь

человеком!» В. Медведева (1961), «В стране невыученных уроков» Л. Гераскиной (1965). Можно согласиться с М. Воловинской, которая видит в названных текстах соединение традиций социалистического реализма и фольклорной сказки об Иване-дураке, преобразующемся в финале в красавца и уважаемого человека (см. подробнее: [Воловинская 2008: 138–141]).

Второе рождение переживает школьная повесть в 1960–1970-е гг. Литература периода «оттепели» отошла от догматических схем сталинской эпохи и заложила продолженную в 1970-е гг. традицию откровенного разговора о непростых школьных проблемах. Неслучайно диалог, в ходе которого сталкиваются мнения героев-оппонентов, стал устойчивым конструктивным элементом школьной повести этого времени. В то же время система персонажей и сюжетная организация текстов внушают читателю надежду, что в советской школе есть здоровые силы, способные если не решить все проблемы, то, по крайней мере, противостоять негативу. Даже повесть В. Железникова «Чучело» (более известная по одноименному фильму Р. Быкова), поразившая читателей непривычной для литературы советского периода жестокостью в изображении детской среды, завершается просветленным финалом: «Они стояли у окон, надеясь в последний раз увидеть катер, на котором уезжала Ленка Бессольцева – чучело огородное, – которая так перевернула их жизнь. <...> И тоска, такая отчаянная тоска по человеческой чистоте, по бескорыстной храбрости и благородству все сильнее и сильнее захватывала их сердца и требовала выхода. Потому что терпеть больше не было сил.

Рыжий вдруг встал, подошел к доске и крупными печатными неровными буквами, спешащими в разные стороны, написал: “Чучело, прости нас!”» [Железников 2011: 348–349].

Внушительное количество созданных в 1960–1980-х гг. текстов, относящихся к жанру школьной повести, заставляет литературоведов задуматься о проблеме внутрижанровой типологии. Интересная классификация школьных повестей предлагается О. Тарасовым [Тарасов 1994]; данная типология даёт представление о многообразии отечественных произведений на школьную тему, написанных во второй половине XX в.:

1) ряд актуальных и в настоящее время многоаспектных произведений на школьную тематику (написанных «недетскими» писателями), в которых центральной является проблема становления незаурядной личности и роли школы в этом процессе (Б. Васильев «А завтра была война», В. Распутин «Уроки французского», Ю. Азаров «Соленга», В. Каверин «Загадка», «Отгадка»,

Ю. Поляков «Работа над ошибками», В. Токарева «Талисман»);

2) ряд повестей, в которых основным сюжетнообразующим элементом является внутренний конфликт героя (А. Ким «Луковое поле», В. Астафьев «Кража», А. Курочкин «Гамлет из поселка Уш», Ю. Вяземский «Шут»);

3) ряд произведений школьной тематики, в которых ставятся проблемы взаимоотношений среды и личности, социально-клановой дифференциации школьной среды (С. Иванов «Его среди нас нет», А. Кузнецова «Земной поклон», Ю. Поляков «Работа над ошибками», М. Прилежаева «Осень», В. Железников «Чучело»);

4) группа «школьных» повестей, сюжетной основой которых являются художественные конфликты, объективная значимость которых не совпадает с их личностным восприятием и пониманием героем (А. Алексин «Безумная Евдокия», Ю. Поляков «Работа над ошибками»);

5) ряд произведений, в каждом из которых представлен определённый художественный характер, благодаря чему в системе повести школьной тематики возникает галерея типов героев-школьников (А. Алексин «Третий в пятом ряду», В. Железников «Каждый мечтает о собаке», Н. Соломко «Белая лошадь – горе не моё», В. Токарева «Талисман», Ю. Яковлев «Гонение на рыжих»);

6) «школьные» повести с многовариантным рядом учителей (А. Алексин «Третий в пятом ряду», Е. Воронцова «Нейлоновая туника», С. Вольф «Хороша ли для вас эта песня без слов?», Л. Исарова «Война с аксиомой») [Тарасов 1994: 10–11].

Выделяя ту или иную разновидность «школьной» повести, О. Тарасов не всегда логичен. Например, нетрудно заметить, что одно и то же произведение может совместить в себе «галерею типов героев-школьников» и «многовариантный ряд учителей», а наличие в произведении всех этих типов персонажей, взятых вместе, не исключает, а даже предполагает разного рода конфликты (как межличностные, так и внутриличностные). Вызывает возражение и включение некоторых произведений в ту или иную группу, например, вряд ли можно утверждать, что в «Уроках французского» В. Распутина центральной является проблема становления незаурядной личности. Спорно, на наш взгляд, выделение в особый тип (представленный только двумя текстами) повестей, сюжет которых основан на «несовпадении объективной значимости конфликта и его личностного восприятия героем». Тем более что приведенная в качестве примера повесть Ю. Полякова «Работа над ошибками» не даёт,

как нам кажется, оснований трактовать изображенный в ней конфликт подобным образом.

Тем не менее приведенная классификация представляет основные типы конфликтов, характерные для жанра школьной повести, и, главное, наглядно демонстрирует, что школьная повесть 1960–1980-х гг. не избегает драматических сторон действительности и по-своему интерпретирует их, выдвигая на первый план сложные нравственные коллизии.

Часть из перечисленных О. Тарасовым текстов (например, повести А. Алексина) оказалась востребована только детско-юношеской аудиторией, однако некоторые произведения получили широкий резонанс и стали знаковыми явлениями для литературного процесса в целом.

К текстам, отразившим важные тенденции жанра школьной повести, относится «Ночь после выпуска» В. Тендрякова (1975). В литературе ночь – традиционное время обнажения тайных глубин человеческой души, момент истины. То, что открывается в душах недавних школьников, собравшихся после официальной части выпускного вечера на речном откосе, действительно пугает. После неожиданных откровений выпускников в духе героев Ф.М. Достоевского («Давайте расстанемся, чтоб ничего не было скрытого» [Тендряков 1988: 598]) ситуация накаляется до такой степени, что вполне вроде бы благополучные ребята чуть не становятся пособниками убийц (решают не говорить однокласснику, что с ним собирается расправиться хулиганская шайка). Сюжет повести в целом выстроен как «большой диалог»: действие развивается в двух пространствах – на берегу, где собрались ребята, и в учительской, где педагоги ведут не менее напряженный спор, вызванный неожиданной речью отличницы Юлочки Студёнцева. Как пишет А. Бочаров, «над всем в повести доминирует, объединяя оба сюжетных кольца, одна проблема, одна тревога: как воспитать личность?» [Бочаров 1976: 330]. Думается, что эта проблема оказывается центральной для всех школьных повестей 1960–1980-х гг.

Подведем итоги. В развитии школьной повести XX в. можно выделить несколько этапов. Первые послереволюционные десятилетия можно рассматривать по отношению к XIX в. как своеобразный «антитезис»: на смену статике приходит динамика, вместо учителя-чудовища мы видим учителя-отца, подлинно положительного героя (особенно показательна в этом плане «Педагогическая поэма» А.С. Макаренки), школа-тюрьма преобразуется в школу-дом. Свойственное XIX в. развенчание института школы сменяется поэтизацией. Знаменателен интерес

литературы этих лет к исправительным учреждениям, с одной стороны, подсказанный самой послереволюционной действительностью, когда проблема борьбы с беспризорностью была одной из самых насущных, с другой – отражающий одну из главных идей социалистического реализма о «переделке человеческого материала».

Несмотря на очевидные изменения как в самом предмете изображения, так и в подходе к его интерпретации, с точки зрения структуры произведения о школе, написанные после революции, во многом схожи с текстами реалистов XIX в. Наиболее известные произведения о школе этого периода («Педагогическая поэма» А.С. Макаренко, «Республика ШКИД» Г. Белых и Л. Пантелеева, «Кондуит и Швамбрания» Л.А. Кассиля), как и книги Н.Г. Помяловского и Н.Г. Гарина-Михайловского, имеют автобиографическую основу, что влечёт за собой сюжет хроникального типа – каждая из рассказанных историй, связанных временной последовательностью, имеет начало и завершение. По-прежнему актуальными остаются традиции романа-воспитания, сохраняется интерес к изображению типов учителей и учеников. Важной тенденцией, появившейся в эти годы и развившейся в дальнейшем, является постепенный переход школьной тематики в ведомство детской литературы, что проявляется в первую очередь в области поэтики.

Во второй половине 1930-х гг., в эпоху «победившего социализма», создание школьной повести декларируется в качестве важнейшей задачи советской литературы. Создаваемые в ответ на «социальный заказ» школьные тексты, не имевшие художественной ценности, отражали положение дел в литературе в целом. Детские повести о перевоспитавшихся двоечниках можно рассматривать как травестированный вариант произведений о «перековке человеческого материала».

1960–1980-е гг. – новый период в освоении топоса школы. Мы не считаем необходимым вводить более дробную периодизацию («оттепель», «застой» и т.д.), так как многие из пришедших в период «оттепели» в литературу художников продолжали развивать свои творческие принципы. Например, написанный в 1973 г. рассказ В. Распутина «Уроки французского», повествующий об учительнице, нашедшей деликатный, нестандартный, а значит, с точки зрения начальства, предосудительный способ помочь нуждающемуся ученику, вполне вписывается в «оттепельную» парадигму. 1960–1980-е гг. можно рассматривать как «антитезис» применительно к догматизму сталинских времён

и одновременно как «синтез» по отношению к предшествующей литературной традиции.

Школа в целом предстаёт в произведениях этого периода, конечно, не как ад или тюрьма (что было свойственно литературе XIX в.), но уже и не как идиллическое гнездо, выпускающее своих «птенцов» в «счастливый полёт» (одна из последних глав «Республики ШКИД» называется «Птенцы опережаются»). Показательная метафора использована в «Ночи после выпуска» В. Тендрякова: отличница Юлечка Студёнцева говорит о том, что любит школу, «как волчонок свою нору» [Тендряков 1988: 576].

В литературе этих лет показаны многие реальные школьные проблемы, как связанные с отношениями в детском коллективе, так и возникающие в общении учеников и учителей. Но как бы остры ни были изображаемые конфликты, все они оказываются в той или иной степени разрешимыми, финалы школьных повестей, как правило, не идилличны, но в целом благополучны, что подчеркивает веру их авторов в доброе начало в человеке.

Оптимизм школьных повестей этого периода связан и с присутствием в них положительного героя (здесь можно увидеть традиции А.С. Макаренко).

Учителя (даже идеальный Илья Семёнович Мельников в киноповести Г. Полонского «Доживём до понедельника», на основе которой снят знаменитый фильм) показаны не как рыцари без страха и упрёка, изначально владеющие истиной, а как живые люди, сомневающиеся, ошибающиеся, ищущие свой путь. Неслучайно многие произведения рассказывают о начинающих учителях – их обретениях и потерях, просчётах и успехах (например, «Благие намерения» А. Лиханова, «Война с аксиомой» Л. Исаровой, «Белая лошадь – горе не моё» Н. Соломки). Среди учителей есть и отрицательные персонажи (обычно учителя-функционеры, такие как Светлана Михайловна из «Доживём до понедельника» или Зоя Владимировна из «Ночи после выпуска»), но они не монстры, а по-своему несчастные, обделённые истинным педагогическим талантом люди (здесь можно увидеть традицию А.П. Чехова).

Таким образом, к 1990-м гг. отечественная литература накопила значительный опыт в освоении топоса школы. В школьной повести этих лет можно увидеть традиции русской классики XIX в., причем не только собственно произведений о школе, но и русской психологической прозы с её обострённым вниманием к сложным этическим вопросам в целом. Категория драматического, считавшаяся в 1930–1950-е гг. неуместной

для произведений на школьную тематику, получает новое существование. Преобладающий тип сюжета в «школьной повести» второй половины XX в. уже не хроникальный, а концентрический – действие разворачивается, как правило, вокруг некой проблемной ситуации, дающей возможность каждому из персонажей проявить свою истинную суть.

Примечания

¹ О своеобразии изображения школы в русской литературе XIX в. см.: [Бурдина, Мокрушина 2014: 99–108]

² Подробнее об этом см.: [Arustamova, Burdina, Kondakov, Mokrushina 2014: 272–276].

Список литературы

Аркус Л. Приключения белой вороны: Эволюция «школьного фильма» в советском кино // Сеанс. 2010. 2 июня. URL: <http://seance.ru/blog/whitecrow/> (дата обращения: 2.12.2013).

Бурдина С.В., Мокрушина О.А. Изображение школы в русской литературе XIX века: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 2 (26). С. 99–108.

Бахтин М.М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.

Боcharов А. «Перпетуум-мобиле» Владимира Тендрякова. О повести «Ночь после выпуска» // Литература и современность. 1974–1975. № 14. М.: Худож. лит., 1976. С. 324–332.

Воловинская М.В. Образ двоечника в советской литературе для детей середины XX века // В измерении детства. Пермь, 2008. С. 138–143.

Габбе Т.Г. О школьной повести и её читателе // Детская литература. 1938. № 18–19. С. 33–41.

Железников В.К. Чучело. М: Астрель; АСТ; Владимир: ВКТ, 2011. 352 с.

Литовская М.А. Школьная повесть как инструмент анализа повседневности советской школы // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики. Пермь, 2010. С. 278–291.

Тарасов О.В. «Школьные повести» в системе художественного творчества В.Ф. Тендрякова: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М., 1994. 130 с.

Тендряков В.Ф. Ночь после выпуска // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Повести / сост. Н. Асмолова-Тендрякова. М.: Худож. лит., 1988. С. 575–648.

Arustamova A.A., Burdina S.W., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. School as a subject of image in the

Russian literature of the 1930's // Life Science Journal. 2014. Vol. 11, No 10s. P. 272–276.

Bergen T. J., Jr. More Myth Than Model in the Soviet Union: Anton S. Makarenko // Journal of Thought. 1997. № 32(2). P. 47–56.

Gehring T., Bowers F. B., Wright R. Anton Makarenko: The “John Dewey of the U.S.S.R.” // Journal of Correctional Education. 2005. № 56(4). P. 327–345.

Grenby M.O. Children's Literature. Edinburgh University Press, 2008. 232 p.

Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Heaven: Yale University Press, 2007. 736 p.

Musgrave P. W. From Brown to Bunter: The Life and Death of the School Story. Routledge & Kegan Paul, 1985. 275 p.

References

Arkus L. Prikljuchenija beloij vorony: Evoljutsija «shkol'nogo fil'ma» v sovetskom kino [A white crow's adventures: Evolution of the "school film" in the Soviet cinema]. *Seans* [Séance]. 2010. June 2. Available at: <http://seance.ru/blog/whitecrow/> (accessed 02.12.2013).

Bakhtin M.M. Roman vospitanija i jego znachenije v istorii realizma [Bildungsroman and its importance in the history of Realism]. *Estetika slovesnogo tvorcestva* [Aesthetics of verbal creative work]. Moscow, 1979. 423 p.

Bocharov A. «Perpetuum-mobile» Vladimira Tendrjakova. O povesti «Noch' posle vypuska» [Vladimir Tendrjakov's "perpetuum mobile". About the story "The Night after Graduation"]. *Literatura i sovremennost' 1974–1975* [Literature and Modernity 1974–1975]. Iss. 14. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1976. P. 324–332.

Burdina S.V., Mokrushina O.A. Izobrazhenije shkoly v russkoj literature XIX veka: osnovnyje tendentsii [The representation of the school in Russian literature of the 19th century: main characteristics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2014. Iss. 2(26). P 99–108.

Volovinskaja M.V. Obraz dvojechnika v sovetskoj literature dlja detej serediny XX veka [The image of a bad learner in the Soviet literature for children of the mid-20th century]. *V izmerenii detstva* [In the dimension of childhood]. Perm, 2008. P. 138–143.

Gabbe T.G. O shkol'noj povesti i jejo chitatele [About the school novel and its reader]. *Detskaja literatura* [Children's Literature]. 1938. Iss. 18–19. P. 33–41.

Zheleznikov V.K. *Chuchelo* [Scarecrow]. Moscow, Astrel Publ., AST; Vladimir, VKT. 2011. 352 p.

Litovskaja M.A. Shkol'naja povest' kak instrument analiza povsednevnosti sovetskoj shkoly [The school story as a tool for the analysis of the Soviet school everyday life]. *Antropologija sovetskoj shkoly: Kul'turnyje universalii i provintsial'nyje praktiki* [Anthropology of the Soviet school: Cultural universals and provincial practices]. Perm, 2010. P. 278–291.

Tarasov O.V. «Shkol'nyje povesti» v sisteme khudozhestvennogo tvorchestva V.F. Tendrjakova. Diss. kand. fil. nauk [The "school story" in the system of V.F. Tendrjakov's works. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 1994. 130 p.

Tendrjakov V.F. Noch' posle vypuska [Night after Graduation]. *Sobranije sochinenij: v 5 t.* [Collected works: in 5 vols.]. Ed. by N. Asmolova-Tendrjakova. Moscow, Khudozhestvennaja literatura Publ., 1988. Vol. 4. Povesti [Novels]. P. 575–648.

Arustamova A.A., Burdina S.W., Kondakov B.V., Mokrushina O.A. School as a subject of image in the Russian literature of the 1930's. *Life Science Journal*. 2014. Vol. 11. No 10s. P. 272–276.

Bergen T. J., Jr. More Myth Than Model in the Soviet Union: Anton S. Makarenko. *Journal of Thought*. 1997. Iss. 32(2). P. 47–56.

Gehring T., Bowers F.B., Wright R. Anton Makarenko: The "John Dewey of the U.S.S.R.". *Journal of Correctional Education*. 2005. Iss. 56(4). P. 327–345.

Grenby M.O. *Children's Literature*. Edinburgh University Press, 2008. 232 p.

Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890-1991*. New Heaven: Yale University Press, 2007. 736 p.

Musgrave P. W. *From Brown to Bunter: The Life and Death of the School Story*. Routledge & Kegan Paul, 1985. 275 p.

EVOLUTION OF THE GENRE OF SCHOOL STORIES IN RUSSIAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY

Svetlana V. Burdina

Professor in the Department of Russian Literature
Perm State University

Olga A. Shumilova

Senior Lecturer in the Department of Humanities, Natural and Mathematical Sciences
Saint Petersburg Institute of International Economic Relations, Economics and Law (Perm branch)

The article covers the evolution of the school stories genre in Russian literature of the 20th century. The authors compare the genres of school story and Bildungsroman, identify differences between them and consider periods in the evolution of the former. The analysis of the most important texts of this genre makes it possible to characterize changes not only in the genre structure but also in the system of characters, as well as it helps to reveal the genre elements which have become stable. In school stories of the 20th century, the authors trace traditions typical of the 19th century Russian literature, reveal features characteristic of all school stories, review attempts having been made to work out the typology of the genre, which demonstrates the main types of conflicts represented in such fiction. Dynamics of the system of characters, chronotope, problematic and an author's opinion are considered. Analyzing stages in the genre evolution, the authors give an overview of how Russian writers exploited school theme in the 20th century.

Key words: school story; Bildungsroman; genre; plot; chronotope.

МЕДИАТИЗАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В «EXPLORE EVERYTHING» БРЕДЛИ ГАРРЕТТА

Никита Георгиевич Баранов

аспирант кафедры журналистики и массовых коммуникаций

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Nikita.baranov.perm@gmail.com

Рецензируется монография британского специалиста по культурной географии Брэдли Гарретта «Explore Everything» о феномене Urban Exploration (городских исследований). Была поставлена задача оценить концепцию Гарретта в рамках современных исследований и проанализировать критические публикации об этой книге. Она демонстративно-ярко предъявила тот вариант современного дискурса городских исследований (urban studies), для которого характерно совмещение научного социокультурного и этнографического изучения городских пространственных структур с активным вовлечением исследователя в практики. Большую роль как в самом Urban Exploration, так и в его исследовании играют медиа, которые выступают посредником между исследователями и обществом. Ключевой особенностью монографии является совмещение трех взаимосвязанных пластов повествования: академического (результаты этнографического исследования и их осмысление), публицистического (полевой дневник) и визуального (визуальный нарратив как способ исследования). «Explore Everything» затрагивает множество связанных с феноменом urban exploration концептов: городское пространство, руины, безопасность, история, опыт и т.д. Автор не столько вступает в академическую полемику, сколько создает для нее новое, быстрорастущее поле – задел для новых исследователей, который заполняет лакуны между культурными практиками и не успевающими за ними академическими исследованиями. Свидетельство тому – широкий резонанс книги Гарретта как в академической среде, так и в массмедиа.

Ключевые слова: urban exploration; urban studies; массмедиа, медиатизация; городское пространство; неформальные практики; социальная этнография.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-135-139

Доктор Брэдли Гарретт (Bradley L. Garrett), преподаватель гуманитарной географии университета в Саутгемптоне и приглашенный исследователь Школы географии и окружающей среды (School of Geography and the Environment) в Оксфорде, приобрел широкую, а отчасти и громкую, известность с выходом его книги «*Explore Everything: Place Hacking the City*» [Исследуй все: взлом города] (Garrett B. Explore Everything: Place-Hacking the City / B. Garrett. – London: Verso, 2013. – 320 p. – ISBN-10: 1781681295, ISBN-13: 978-1781681299; £12.99)

Монография Гарретта явила собой тот вариант современного дискурса городских исследований (urban studies), для которого характерно совмещение научного социокультурного и этнографического изучения городских структур с практикой (иногда рискованной) проникновений

в изолированные пространства и среды города. И в своей деятельности, и в книге Брэдли Гарретт выступает не только как исследователь, но и как участник городского субкультурного движения UrbEx – Urban Exploration.

Поэтому неудивительно, что книга «Explore Everything», вышедшая в 2013 г., вызвала широкий резонанс не только в академической среде, но и в медиа. О книге Гарретта и о его деятельности писали многие популярные СМИ: «The Guardian», «Financial Times», «Daily Mail», «GQ», «Wired», «The Sun» и др.

В сферу интересов доктора (Geography PhD) Гарретта входят историческое наследие, урбанистика, пространственная политика, аудиовизуальные этнографические методы и др. Основной темой исследования Гарретта с 2008 г. является Urban Exploration.

Феномен UrbEx (от англ. *Urban exploration* – букв. «городские исследования», также «индустриальный туризм», «промышленный туризм» – переводы на русский не отражают прямого значения и вносят сторонние коннотации, отсутствующие в оригинальном термине) – это исследование разнообразных используемых и заброшенных территорий, зданий или сооружений для удовлетворения исследовательского интереса, получения эстетического удовольствия или «острых ощущений», «проникновение в места, где вас быть не должно» [Urban Dictionary]. Это явление, как правило, относят к субкультурам, однако сами участники часто выступают против такого понимания [Garrett 2013].

UrbEx сегодня распространен относительно широко и нередко попадает в поле интересов зарубежных исследователей, этнографов и социологов. Однако в поле интересов российских исследователей это явление встречается редко – достаточно отметить, что у него до сих пор нет устоявшегося названия на русском языке. Сегодня в России появляются структуры, занимающиеся исследованиями городов, например, Высшая школа урбанистики им. Высоковского при НИУ ВШЭ и Центр городских исследований бизнес-школы «Сколково». Однако они, как правило, акцентируют внимание на городском планировании, развитии и т.п., не включая в свои исследовательские интересы неформальные практики освоения городского пространства жителями, такие как UrbEx.

«Explore Everything» вышла в английском издательстве «Verso» под необычной для монографий рубрикой «путешествия/приключения». Она явилась результатом докторского исследования Бредли Гарретта и представляет собой редкий (и спорный с т.з. классификации) сплав научного труда и авантюрного нарратива. Глубокое этнографическое исследование, социологическое и философское осмысление в ней органично сплетаются с ярким, насыщенным публицистическим и художественным повествованием.

Эта книга не вполне соответствует привычным представлениям об академическом исследовании, однако отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода трудам. Исследование Гарретта открывает новые, малоизученные темы и при этом основано на классических теоретических работах: ставит проблемы и предлагает пути их решения; построено и разработано системно, данные объективны и могут быть верифицированы (в тех рамках, в каких это позволяет природа социально-гуманитарных наук).

Среди зарубежных исследователей тема UrbEx часто вызывает бурный интерес и актив-

ную дискуссию, так как для ее изучения пока не в полной мере разработан методологический и категориальный аппарат.

Оценки и отзывы на монографию Гарретта разнятся (как это во многом подразумевает природа исследования) от восторженных до умеренно скептических. Так, городской географ Марк Минкъян (Mark Minkjan) отзываясь о работе Гарретта весьма положительно: «The result is a fascinating book, appealing to those with a taste for adventure (and stunning photography), but also providing a lot of reflection, and introducing the ruins and adventurers to the cultural and political theory of the city. Simultaneously, Garrett manages to turn the outcome of his PhD research into a compelling and attractive publication» [Результат – это завораживающая книга, подкупающая любителей приключений (и потрясающих фотографий), также содержащая множество рефлексий, соединяющая любителей руин и исследователей с культурной и политической теорией города. Одновременно Гарретту удается превратить результат его докторского исследования в неотразимую и привлекательную публикацию] [Minkjan].

Пол МакГэнн (Paul McGann), исследователь в Институте городов Лондонского Университета Метрополитен, напротив, отмечает неоднозначность такого подхода: «Attempting to apply a heavy theoretical justification to urban place-hacking might be a bit of a stretch, but this book still manages to challenge conceptions about the limits of the city» [Попытка применить массивное теоретическое обоснование к place-hacking (проникновению в закрытые или запретные места) может показаться в некотором роде натяжной, но этой книге, тем не менее, удастся бросить вызов концепциям городских границ] [McGann].

«Explore Everything» содержит три взаимосвязанных пласта. Первый, собственно академический, – результаты обстоятельного этнографического исследования, а также социологическое и философское осмысление феномена и окружающей его медиальности. Второй, публицистический, в форме полевого дневника – красочное и художественное описание вылазок и проникновений. Третий, визуальный, – высококачественные фотографии, представляющие особый интерес как визуальный нарратив в качестве способа исследования городских практик.

Книга состоит из дискламации, пролога, семи глав, эпилога, библиографического списка и глоссария. Дискламация содержит традиционное для этнографических исследований объявление о том, что имена, даты и конкретные подробности были изменены для защиты и сохранения анонимности. Ключевым пунктом является предло-

жение автора «сыграть в игру», распутать переплетение правды и авторского вымысла – и это задает тон всему тексту: «Enjoy the journey» (англ. «Наслаждайтесь путешествием»).

Небольшой пролог начинает книгу с рассказа об аресте автора лондонской транспортной полицией – заключение для этой книги автор писал прямо в тюремной камере. В сжатой форме излагается также содержание книги.

В главе 1 Гарретт раскрывает цели исследования, дает краткую историю UrbEx и рассказывает о членах своей группы городских исследователей. Он описывает основные концепты place-hacking (англ. «взлом места», концепция проникновения на охраняемые объекты ради удовольствия от процесса), этнографических исследований и городской безопасности.

Главы 2 и 3 посвящены анализу феноменов истории и памяти, с которыми городские исследователи взаимодействуют напрямую, минуя «официальную» историю и интерпретацию. Гарретт подробно описывает концепты «история», «переходность» и «недолговечность» как основные для описания UrbEx и говорит о «других формах» опыта, которые дает UrbEx.

Главы 4 и 5 – это в основном описания проникновений в охраняемые пространства, такие как небоскребы, туннели и станции метро, канализация и катакомбы, при этом делается упор на «приключенческую» сторону книги. Через эти же главы проходит расширенная история (освоение) подземных пространств городов, которые автор называет кровеносной системой города.

Глава 6 посвящена поездке группы исследователей в США и проникновениям на военные и гражданские объекты. В ней Гарретт уделяет внимание роли фото: «Photography is never merely a mechanical reproduction of a scene within a frame, it is an interpretation of the world» [Фотография никогда не является просто механической репродукцией сцены в рамке, это интерпретация мира] [Garrett 2013].

В главе 7 представлено непосредственное взаимодействие Гарретта и его исследования как с медиа – возросшим медиавниманием к UrbEx и активным освещением в СМИ, – так и с академической и «любительской» критикой.

В эпилоге Гарретт раскрывает политическую сторону UrbEx и рассматривает проникновения и взломы как политическую работу, которая «имеет возможность перейти грань простой репрезентации и создавать новое».

Все три пласта – академический, публицистический и визуальный – равномерно распределены и переплетены во всех главах, что отвечает концепту «игры», в которой нужно отделить не

только правду от художественного вымысла, но и результаты исследования от «приключенческого» повествования. Этот прием, однако, неоднократно подвергался критике. Например, профессор Тим Холл (Tim Hall) из Винчестерского университета пишет о «перенасыщенности» книги идеями, пластами повествования, иллюстрациями и концептами: «It's all a bit too much. At best, it half works» [Этого всего немного слишком много. В лучшем случае сработает половина] [Hall].

Подобную оценку дает и Пол МакГэнн, отмечая, что, возможно, энтузиазм автора к теме заставляет его переоценить прогрессивный политический потенциал UrbEx: «perhaps the authors enthusiasm for the subject leads him to overstate its progressive political potential» [McGann]. Роберт Макфарлейн (Robert Macfarlane) в колонке в «The Guardian», напротив, позитивно оценивает сочетание «историй, фотографий и толкований» и обращает внимание на политику UrbEx и на роль фотографий в книге Гарретта: «Intercut with the helter skelter storytelling is heavy duty analysis of, among other subjects, the politics of UE, the affective role of photography and video, and the phenomenology of urban flow» [Беспорядочные истории перемежаются серьезным анализом, кроме всего прочего, политической стороны UrbEx, эмоциональной роли фото и видео и феноменологии «городского потока»] [Macfarlane].

Среди недостатков подхода Гарретта к исследованию и публикации также отмечается, что автор чаще красочно рассказывает о «приключениях», чем дает критическую оценку позиции своей группы исследователей или анализ их практик. Он часто ограничивается легальными и физическими рисками, не затрагивая вопросов расы, класса, пола и т.п., – несмотря на заявления о политической природе UrbEx, этих тем Гарретт практически не касается (например, женщины-исследователи в повествовании появляются крайне редко, и упомянут, но подробно не описан случай, в котором знакомый автора Абдул говорит о том, что он «не той национальности, чтобы заниматься UrbEx»).

Глубокая вовлеченность автора становится объектом для критики – порой Гарретт в большей степени является частью сообщества, чем исследователем, что не позволяет ему в полной мере дать критическую и академическую оценку, независимую точку зрения. Например, Сукдев Санду (Sukhdev Sandhu), старший преподаватель Нью-Йоркского университета, считает «неуклюжими» попытки соединить результаты научного исследования с публицистикой: «Garrett isn't a natural writer and he moves awkwardly between

reportage, pro-urban exploration polemic and critical theory (invoking elements of psychogeography, situationism and science fiction)» [Гарретт не является прирожденным писателем и неуклюже двигается между репортажем, про-UrbEx полемикой и критической теорией (ссылающейся на элементы психогеографии, ситуационизма и научной фантастики)] [Sandhu].

Так или иначе, «Explore Everything» затрагивает множество тем и связанных с ними концептов: UrbEx, городское пространство, руины, безопасность, история, опыт и т.д. – и оставляет читателям немало поводов для размышления. В этом смысле Гарретт не вступает в академическую полемику, а создает для нее новое, быстро-растущее поле, задел для новых исследований, который заполняет лакуны между академическим миром и непосредственно культурными практиками.

Интересную точку зрения на «Explore Everything» представил Тео Киндайнис (Theo Kindynis), исследователь и соискатель на докторскую степень из Гринвичского Университета, – он рассматривал книгу Гарретта с позиции криминалиста. Киндайниса привлекло схожее с новыми тенденциями в криминологии представление о месте как пространстве, обладающем структурой, своей историей и смыслом, а не просто плоскостью для действий [Kindynis]. А на самокритичное описание Гарреттом UrbEx как «искусства ради искусства» обращает внимание Джон Вашингтон [John Washington], который рассматривает книгу со стороны ее «приключенческой» составляющей, затрагивая и политику, и урбанистику [Washington].

Однако вне зависимости от характера критики и замечаний, которые высказывают рецензенты, или оценок, которые они дают книге или методологии Гарретта, во всех этих работах мы отмечаем одну важную деталь. Анализируя монографию, они неизменно переходят к рассуждениям о самом феномене UrbEx. Таким образом, это является самостоятельной, «параллельной» оценкой работы Гарретта, ведь ему удалось осуществить важную задачу – побудить общество (как научное, так и массовое) думать и рассуждать об UrbEx. Это позволяет говорить о большом потенциале исследований по этой тематике как с позиций социологии и психологии, так и с позиций массмедиа, которые являются проводником, посредником, а иногда и полноценным актором по взаимоотношениям UrbEx и общества.

Список литературы

Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство / пер. с англ. Максима Коробочкина. М.: Strelka Press, 2014. 392 с.

Encheva K., Driessens O., and Verstraeten H. The mediatization of deviant subcultures: an analysis of the media-related practices of graffiti writers and skaters // *Mediekultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013. № 29 (54). С. 8–25.

Garrett B. *Explore Everything: Place-Hacking the City*. London: Verso, 2013. 228 с.

Hall T. *Explore Everything: Place-Hacking the City*, by Bradley L. Garrett // URL: <https://www.timeshighereducation.com/books/explore-everything-place-hacking-the-city-by-bradley-l-garrett/2009269.article> (дата обращения: 30.03.2016).

Kindynis T. Book review: Bradley L. Garrett, *Explore Everything: Place-Hacking the City* // URL: https://www.academia.edu/9637231/Book_review_Bradley_L_Garrett_Explore_Everything_Place-Hacking_the_City (дата обращения: 30.03.2016).

Macfarlane R. The strange world of urban exploration // URL: <http://www.theguardian.com/books/2013/sep/20/urban-exploration-robert-macfarlane-bradley-garrett> (дата обращения: 30.03.2016).

McGann P. Book Club review: *Explore everything: Place-hacking the City* by Bradley Garrett. URL: <http://www.bdonline.co.uk/culture/book-club/book-club-review-explore-everything-place-hacking-the-city-by-bradley-garrett/5065748.article> (дата обращения: 30.03.2016).

Minkjan M. *Explore Everything: A Subversive Urban Critique*. URL: <http://www.failedarchitecture.com/explore-everything-a-subversive-urban-critique/> (дата обращения: 30.03.2016).

Sandhu S. *Explore Everything: Place-Hacking the City*, by Bradley Garrett. URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/95536d62-2f6a-11e3-8b7e-00144feab7de.html> (дата обращения: 30.03.2016).

Washington J. Saturday Book Review: *Explore Everything* By Bradley L. Garrett. URL: <http://therumpus.net/2014/01/saturday-book-review-explore-everything-by-bradley-garrett/> (дата обращения: 30.03.2016).

Urban Exploration. Словарь UrBan Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=urban+exploration> (дата обращения: 30.03.2016).

References

- McQuire S. *Media City: Media, Architecture, Urban Space*. Transl. from Engl. by M. Korobochkin. M.: Strelka Press, 2014. 392 p.
- Encheva K., Driessens O., and Verstraeten H. *The mediatization of deviant subcultures: an analysis of the media-related practices of graffiti writers and skaters*. *Mediekultur: Journal of Media and Communication Research*. 2013. № 29 (54). P. 8–25.
- Garrett B. *Explore Everything: Place-Hacking the City*. London: Verso, 2013. 228 p.
- Hall T. *Explore Everything: Place-Hacking the City, by Bradley L. Garrett*. Available at: <https://www.timeshighereducation.com/books/explore-everything-place-hacking-the-city-by-bradley-l-garrett/2009269.article> (accessed 30.03.2016).
- Kindynis T. *Book review: Bradley L. Garrett, Explore Everything: Place-Hacking the City*. Available at: https://www.academia.edu/9637231/Book_review_Bradley_L_Garrett_Explore_Everything_Place-Hacking_the_City (accessed 30.03.2016).
- Macfarlane R. *The strange world of urban exploration*. Available at: <http://www.theguardian.com/books/2013/sep/20/urban-exploration-robert-macfarlane-bradley-garrett> (accessed 30.03.2016).
- McGann P. *Book Club review: Explore everything: Place-hacking the City by Bradley Garrett*. Available at: <http://www.bdonline.co.uk/culture/book-club/book-club-review-explore-everything-place-hacking-the-city-by-bradley-garrett/5065748.article> (accessed 30.03.2016).
- Minkjan M. *Explore Everything: A Subversive Urban Critique*. Available at: <http://www.failedarchitecture.com/explore-everything-a-subversive-urban-critique/> (accessed 30.03.2016).
- Sandhu S. *Explore Everything: Place-Hacking the City, by Bradley Garrett*. Available at: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/95536d62-2f6a-11e3-8b7e-00144feab7de.html> (accessed 30.03.2016).
- Washington J. *Saturday Book Review: Explore Everything by Bradley L. Garrett*. Available at: <http://therumpus.net/2014/01/saturday-book-review-explore-everything-by-bradley-garrett/> (accessed 30.03.2016).
- Urban Exploration. *UrBan Dictionary*. Available at: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=urban+exploration> (accessed 30.03.2016).

MEDIATIZATION OF INFORMAL PRACTICES FOR URBAN SPACE FAMILIARIZATION IN «EXPLORE EVERYTHING» BY BRADLEY GARRETT

Nikita G. Baranov

Postgraduate Student in the Department of Journalism and Mass Communication
Perm State University

The review is devoted to «Explore Everything», a monograph by the specialist in cultural geography Bradley Garrett studying the phenomenon of urban exploration. The task was to evaluate Garrett's concepts in the context of current researches and to analyze critical and academic reviews of the book. Garrett's monograph is a perfect example of the current urban studies discourse characterized by the combination of academic socio-cultural and ethnographic studies of urban structures and active personal practical involvement. The mass media are very important for understanding and researching urban exploration due to the role they play in communication between explorers and society. The monograph's key feature is its three-layer structure, consisting of the following layers: academic (results of ethnographic research and their philosophical comprehension), publicist (in the form of a field journal) and visual (visual narrative as a research method). «Explore Everything» refers to many concepts connected with the phenomenon of urban exploration: urban space, ruins, safety, history, experience, etc. The author does not enter into the academic debate, but creates a new, fast-growing research field, which can serve as a base for new researches bridging the gaps between cultural practices and lagging academic studies.

Key words: urban exploration; urban studies; mass media; mediatization; urban space; informal practices; social ethnography.

УДК 81'38

ПЕРМСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СТИЛИСТИКИ¹

Елена Александровна Баженова

д. филол. н., заведующий кафедрой русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. bazhenova_e2000@mail.ru

Мария Павловна Котюрова

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@yandex.ru

В статье рассматривается история и современное состояние пермской научной школы функциональной стилистики.

Эта школа сформировалась под руководством проф. М. Н. Кожинной, которая в 60-е гг. XX в. одной из первых обратилась к изучению вопросов функционирования языка и обоснованию коммуникативной лингвистики, определившей в дальнейшем парадигму языкознания. В рамках школы разработана теория функциональных стилей; определены стилеобразующие экстралингвистические факторы; обосновано новое научное направление – речеведение, вобравшее в себя плодотворные идеи современной лингвистики и сформировавшее проблематику, связанную с изучением русского языка в условиях изменяющегося социума; определены механизмы текстообразования и разносторонне исследованы тексты социально значимых сфер коммуникации – научной, официально-деловой, массовой, религиозной. С учетом накопленных фундаментальных знаний о закономерностях функционирования языка научная школа стала одним из крупнейших в России центров функционально-стилистических исследований.

В статье делается вывод о закономерности плодотворного развития пермской научной школы функциональной стилистики, поскольку изменяющаяся социальная и коммуникативная ситуация стимулирует дальнейшее изучение функциональной стороны языка, т.е. его использования в различных сферах речевой деятельности человека.

Ключевые слова: научная школа; стилистика; функциональная стилистика; речеведение; М. Н. Кожина; пермская школа функциональной стилистики.

doi 10.17072/2037-6681-2016-2-140-148

Создателем пермской школы функциональной стилистики является Маргарита Николаевна Кожина (1925–2012), которая в 60-е гг. XX в. одной из первых обратилась к разработке вопросов функционирования языка и обоснованию новой лингвистической науки – функциональной стилистики, или речеведения.

Функциональная стилистика формировалась в духе идей великих предшественников в области языкознания – как российских, так и зарубежных: И.А. Бодуэна де Куртенэ, Е. Д. Поливанова, М.М. Бахтина, Л.П. Якубинского, В.В. Виноградо-

ва, Г.О. Винокура и др., а также ученых Пражского лингвистического кружка В. Матезиуса, Б. Гавранека, К. Гаузенбласа и др., в трудах которых обоснована недостаточность лишь структурно-семантического подхода к языку как средству общения. Главным же поворотным пунктом М. Н. Кожина считала дискуссию по проблемам стилистики в журнале «Вопросы языкознания» (1954–1955 гг.), а также дискуссию «Слово и образ» в журнале «Вопросы литературы» (1959 г.).

Возникла необходимость разработки целостной концепции функционирования языковой

системы с учетом социальной сущности языка. Прежде всего потребовалось определить минимальную совокупность факторов, оказывающих закономерное воздействие на формирование разновидностей речи. Базовые факторы (*форма общественного сознания, вид деятельности, сфера общения, тип мышления*), которые были определены и обоснованы М. Н. Кожинной, получили название *экстралингвистических стилеобразующих*. Тем самым сразу была заявлена необходимость по сути комплексного подхода к интерпретации языковых явлений и заложен методологический фундамент теории функциональных стилей.

Уже первые публикации М. Н. Кожинной – «Стилистика и некоторые ее категории» (1961 г.), «О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей» (1962 г.) – были замечены и оценены научной общественностью. В этих и особенно трех последующих монографиях – «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики» (1966 г.), «К основаниям функциональной стилистики» (1968 г.), «О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими» (1971 г.) – были обоснованы главные положения функциональной стилистики, отличающие ее от структурного языкознания динамическим подходом к трактовке языка.

Особую роль в становлении функциональной стилистики сыграли понятия системы и системности, которые во второй половине XX в. приобрели статус общенаучных. В концепции М. Н. Кожинной системный подход получил конкретизацию в понятии *речевой системности функционального стиля* – «взаимосвязи разнородных языковых и текстовых единиц в конкретной речевой разновидности, основанной на выполнении единой коммуникативной цели и общей функции, обусловленной экстралингвистической базой этой разновидности, прежде всего назначением в обществе соответствующей формы общественного сознания (науки, искусства, права и т.д.)» [СЭС 2003: 347]. Содержание данного понятия формировалось по аналогии с понятием языковой системности, что оказалось оправданным и продуктивным.

Идея речевой системности, ставшая онтологическим центром теории функциональных стилей, объединила содержание и форму речевого произведения, сферу общения и языковые средства, коммуникативное намерение и его речевую реализацию, иначе говоря – экстралингвистику и собственно лингвистику. См.: «Речь, точнее стиль речи, как явление, обусловленное экстра-

лингвистическим и теснейшим образом с ним связанное, необходимо изучать под углом зрения этого внелингвистического, не боясь нарушить ‘чистоту’ лингвистического в стилистике речи, ибо только это экстралингвистическое дает возможность выявить и действительно лингвистическую специфику» [Кожина 1966: 198].

Теория функциональной стилистики органично вписалась в эпистему второй половины XX – начала XXI в.: изучение языка не только в его системных качествах, но и в соотношении с аспектами его живой жизни, т.е. функционирования, выходят на первый план. Объемное, гармонически стройное мышление М. Н. Кожинной позволило создать целостную концепцию функциональных стилей, которую она скрупулезно обосновала анализом огромного материала – как статистическим методом, так и тончайшим исследованием семантики языковых единиц в текстах разных типов.

Развитие этой концепции привлекало все новых и новых учеников. С одной стороны, формировалась школа, с другой – концепция функциональных стилей превращалась в теорию речеведения. Этот внутренний процесс проникновения идей лидера в его учеников в единстве с внешним, объективным процессом формирования теории как синтеза содержания всех статей, монографий, защищенных диссертаций и есть по существу научная школа, в данном случае – пермская школа функциональной стилистики. По словам польского профессора Станислава Гайды, «вдали от шума и бюрократизма современной науки Кожина организовала невидимый университет, который есть сотрудничество учителей и учеников. В этом университете отношения “учитель – ученик” вписываются в отношения “авторитет – новичок”, т.е. эти отношения формируют культуру учеников посредством культуры многих учителей одновременно. Авторитет действует на новичков, которые хотят испытывать на себе это влияние, формирует их научный характер и учит использовать мышление равно с желанием и умением для сохранения и развития научных традиций. Профессор Кожина стала Великим мастером и Авторитетом в мировом невидимом университете стилистики» [Гайда 2010: 11].

М. Н. Кожина стала не только лидером известной в России и за рубежом научной школы, но и крупным организатором науки. В 1992 г. Комитет языкознания и Институт польского языка Польской академии наук начали издавать международный журнал «Stylistyka». Идею подхватили сербские стилисты, учредившие в Белграде международный журнал «Стил». В состав ред-

коллегий этих журналов вошли известные ученые: Ст. Гайда (Польша), М. Елинек (Чехия), Й. Мистрик (Словакия), Б. Сандиг (Германия), М. Чаркич (Сербия) – и среди них М. Н. Кожина, представлявшая российскую лингвистику. Эти журналы отражают динамичную познавательную ситуацию – многоаспектное исследование проблем функционирования языка, объединенных стилистическим подходом. При этом стилистика понимается очень широко, как междисциплинарная речеведческая наука, охватывающая целый комплекс проблем – от стилевой компетенции до индивидуальных стилей с учетом психического, социального и культурного контекстов. Наряду с изданием международных журналов была поставлена задача интеграции достижений смежных дисциплин по вопросам, входящим в понятие «стиль». Решению всех этих задач способствовала реализация международной программы «Синтез славянской стилистики», одним из соруководителей которой также была М. Н. Кожина.

В современном науковедении школа понимается как структурная ячейка науки, как тесно спаянный коллектив ученых старшего и младшего поколений, усилия которого сконцентрированы на решении актуальных проблем, т.е. данный коллектив находится на магистральной линии развития науки. В этом отношении существенно подчеркнуть, что в стилистических работах М. Н. Кожинной и ее учеников разработаны действительно актуальные проблемы функционирования языка и просматривается модель развития целого научного направления. Стилистика русского языка почти полвека преподается в вузах по учебнику М. Н. Кожинной, выдержавшему четыре издания, – это научно-исторический факт, которым может гордиться пермская наука; практически ни одно исследование по стилистике не обходится без ссылок на работы не только М. Н. Кожинной, но и М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской, Л. Р. Дускаевой, В. А. Салимовского и других членов этого научного сообщества.

Путь, который прошла Пермская стилистическая школа, условно можно разделить на 4 этапа: **первый** – *фундаментальный* (конец 50-х – 70-е гг.) в плане разработки общей стратегии речеведения, его основных понятий, категорий, теоретических оснований, методологии исследования функционального аспекта языка. М.Н. Кожина поставила задачу определить действительную специфику функциональных стилей как речевых систем, обусловленных базовыми экстралингвистическими факторами. В этот период

был заложен мощный теоретический фундамент стилистической школы.

Второй этап развития школы – *интенсивный* (70–80-е гг.) – характеризуется активной подготовкой кадров, количественным и качественным ростом школы, созданием учебника по стилистике.

Третий этап – *экстенсивный* (90-е гг.) – выход на широкий отечественный и международный уровень сотрудничества.

Четвертый этап – *синтезирующий* (рубеж XX–XXI вв. – по настоящее время). На рубеже веков пермская стилистическая школа достигла своего апогея, что выразилось в защите пяти докторских диссертаций: Т. Б. Трошевой (1999), Е. А. Баженовой (2001), В. А. Салимовского (2002), Л. Р. Дускаевой (2004), Н. В. Данилевской (2006), а также издании нового варианта учебника «Стилистика русского языка» в соавторстве с Л. Р. Дускаевой и В. А. Салимовским [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008].

Т. Б. Трошева, открывшая серию докторских защит, установила, что научная речь сыграла принципиальную роль в формировании рассуждения как функционально-смыслового типа речи в русском литературном языке. Именно в данной сфере функционирования языка рассуждение представлено полным «набором» разновидностей, именно здесь оттачивались в процессе эволюции стиля инвариантные черты их смысловой структуры.

Е. А. Баженова, развивая введенное М. П. Котюровой понятие эпистемической ситуации, углубила представления о смысловой структуре научного текста разработкой его политекстуальной функционально-типологической модели и описанием составляющих текст субтекстов (нового и старого знания, оценки, авторизации, адресации и др.).

В. А. Салимовский, изучая жанры речи в функционально-стилистическом освещении, убедительно показал, что теоретическое исследование представляет собой деятельность ученого по преобразованию, совершенствованию, развитию концептуальных средств науки. Несомненно, развитие функционально-стилистического метода на основе включения в исследование представлений о строении деятельности приводит к ряду эвристически значимых следствий. Прежде всего важно отметить, что открывается перспектива анализа речевого акта, или коммуникативно-познавательного действия, взятого не изолированно, а в составе социокультурной деятельности. Кроме того, этот метод значим и для дискурсивного анализа, поскольку ориентирует на систематизацию и упо-

рядочение конкретных наблюдений, учет совокупности условий выполнения функции высказывания.

В работах Л. Р. Дускаевой представлена целостная жанровая дифференциация публицистического и официально-делового стилей. В дальнейшем на основе деятельностного подхода к интерпретации речевых разновидностей литературного языка ею обоснована целесообразность выделения внутри функциональных макростилей частных профессиональных стилей и описаны такие их разновидности, как журналистский и прокурорский стили.

Научную значимость в развитии речеведения имеет *интенциональная стилистика*, ориентированная на изучение текстотипов, типизированных композиционно-речевых форм в рамках отдельных дискурсов с учетом типовых коммуникативных ситуаций при анализе содержательного плана текстов и интенциональных семантико-стилистических категорий [Дускаева 2015]. Частные дискурсы с акцентом на речевой системности в разных типах текстов и жанров рассматриваются Л. Р. Дускаевой как отражение определенного функционального стиля.

Н. В. Данилевская исследовала один из механизмов развертывания научного текста – постепенное приращение нового знания за счет чередования его компонентов через развернутые вариативные повторы (РВП), которые обеспечивают не только динамику текстообразования, но и эффективность понимания текста адресатом [Данилевская 1992].

В докторской диссертации Н. В. Данилевская обосновала понятие познавательной оценки, стимулирующей получение нового знания и его представление научному сообществу в концептуализированном виде. Ею подтверждено предположение М. Н. Кожинной о том, что процесс формирования, выражения и доказательства нового научного знания происходит посредством целенаправленного выбора автором текста определенных познавательных действий и адекватных для их репрезентации языковых и речевых средств [Данилевская 2005].

Закономерным результатом напряженной творческой работы всего коллектива стало создание уникального «Стилистического энциклопедического словаря русского языка» [СЭС 2003] – своего рода компендиума по речеведению: в нем системно отражено современное состояние функциональной стилистики, ее становление, развитие и перспективы.

Научная значимость словаря определяется тем, что он является наиболее полным комплексным трудом, выполненным на основе но-

вейших достижений в области стилистики: отражает различные речеведческие тенденции и направления, систематизирует научные знания, в нем упорядочивается стилистическая терминология. По мнению проф. Северо-Кавказского федерального университета К. Э. Штайн, изданием этого словаря «пермская стилистическая школа подтвердила еще раз, что ей принадлежат приоритетные позиции в области изучения стилистики русского языка, поэтому появление столь значительного труда – закономерный результат многолетней работы пермских ученых, а также ведущих специалистов по стилистике, привлеченных к совместной работе» [Штайн 2004: 54].

Основной состав пермской школы функциональной стилистики – 6 докторов наук, более 30 кандидатов наук и большое число единомышленников в различных городах страны и за рубежом. Стиль школы Кожинной – это продуманная целенаправленность исследований, ориентированных прежде всего на изучение научной речи. В результате вышли в свет коллективная монография по теории и истории научного стиля, 20 выпусков межвузовских стилистических сборников, 19 выпусков международного сборника «Стереотипность и творчество в тексте» (ред. проф. М. П. Котюрова) [Стереотипность 1998–2015], в которых научной речи уделено большое внимание. В личной переписке проф. Софийского университета Константин Попов отмечает, что «давно уже Пермский государственный университет стал центром плодотворных исследований проблем научного стиля». Действительно, вокруг научного функционального стиля в основном сконцентрировалась тематика диссертаций молодых ученых, а также курсовых и дипломных работ студентов.

Характерной чертой пермской школы при изучении стилистики с самого начала стал интердисциплинарный подход, предвосхитивший его широкое применение в лингвистике и оказавшийся близким дискурсивному анализу. Именно сфера научной речи представляет собой богатый материал для реализации комплексного подхода. Научная речь не может быть изучена вне экстралингвистической проблематики, а значит, без смежных дисциплин – психологии познания и творчества, науковедения, психологии общения и др. Следует подчеркнуть, что определение истинной, т.е. на объективных научных основаниях, специфики функционирования языка значимо для каждого стиля. И это доказано в ряде диссертаций, выполненных на материале публицистики и официально-деловой речи. Однако именно двухтомное издание «Очерков истории научного стиля русского ли-

тературного языка XVIII–XX вв.» [Очерки 1994–1998] стало свидетельством роста научного знания пермской школы, в основе которого лежала научная программа М. Н. Кожинной, породившая обширный научный «текст», связанный с изучением функциональных стилей современного русского языка.

Основные направления и проблемы речеведения разрабатываются учениками М. Н. Кожинной (а сейчас уже и учениками учеников) в диссертациях, монографиях, статьях. Например:

– проблемы исторической стилистики представлены в работах М. П. Котюровой, Н. А. Линк, Н. П. Лепихина, Т. Б. Трошевой, Т. А. Зыряновой, Т. Н. Плюскиной;

– сопоставительной стилистики – в работах С. В. Абрамовой, Т. М. Пермяковой и др.;

– семантической значимости в функциональном стиле лексических и грамматических единиц – Н. В. Кириченко, В. А. Салимовского (канд. дисс.), И. А. Смирновой;

– углубления стилистически значимых для научного текста экстралингвистических факторов – М. П. Котюровой, Е. А. Баженовой;

– изучения закономерностей функционирования синтаксических и текстовых единиц в функциональных стилях – Э. П. Новоселецкой, С. О. Глушаковой, Н. И. Коноховой, Е. М. Крижановской и др.;

– проблем смысловой структуры научного текста – М. П. Котюровой, В. А. Салимовского, Е. А. Баженовой, Н. В. Данилевской, Л. М. Лапп, И. В. Самойловой;

– специфики научных текстов в аспекте текстовых категорий – М. П. Котюровой, Э. Б. Погудиной, Л. В. Шиукаевой, Т. Б. Карповой, И. С. Бедриной, Я. А. Чиговской, Н. В. Соловьевой, Л. С. Тихомировой и др.;

– экспрессивности научной речи – Н. Я. Миловановой, Н. В. Данилевской;

– диалогичности письменной речи – Н. А. Красавцевой, Л. Р. Дускаевой;

– значимости междисциплинарного подхода для определения типов мышления – Е. А. Юниной;

– жанровой дифференциации официально-деловой речи – Л. Г. Кыркуновой, М. А. Ширинкиной;

– проблем индивидуального стиля речи ученого – Р. К. Терёшкиной, М. П. Котюровой, Н. В. Соловьевой, Л. С. Тихомировой и т. д.

Среди монографий, которые являются наиболее значимыми для понимания научных основ пермской школы, следует назвать работы М. П. Котюровой «Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного тек-

ста» [Котюрова 1988], Л. М. Лапп «Интерпретация научного текста в аспекте фактора “субъект речи”» [Лапп 1993], И. С. Бедриной «Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в английских научных текстах» [Бедрина 1995], Т. Б. Трошевой «Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.» [Трошева 1999], Е. А. Баженовой «Научный текст в аспекте политекстуальности» [Баженова 2001], В. А. Салимовского «Жанры речи в функционально-стилистическом освещении» [Салимовский 2002], Л. Р. Дускаевой «Диалогическая природа газетных речевых жанров» [Дускаева 2004], Н. В. Данилевской «Роль оценки в механизме развертывания научного текста» [Данилевская 2005], М. П. Котюровой, Л. С. Тихомировой, Н. В. Соловьевой «Идиостилика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого» [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011], а также сборник научных работ, посвященный памяти М. Н. Кожинной [Стилистика 2012].

Проблемное поле пермской функциональной стилистики расширяется за счет, возможно, факультативных, периферийных задач (по отношению к основной – изучению динамических процессов в системе функциональных стилей), тем не менее весьма важных для осмысления различных речевых практик и обучения носителей языка функционально-стилистической грамотности. На решение этих задач ориентированы учебные пособия М. П. Котюровой и Е. А. Баженовой «Культура научной речи: текст и его редактирование» [Котюрова, Баженова 2008], М. П. Котюровой «Стилистика научной речи» [Котюрова 2009], Л. Р. Дускаевой и О. В. Протопоповой «Стилистика официально-деловой речи» [Дускаева, Протопопова 2011].

Так, редактирование научного текста М. П. Котюрова понимает как особый когнитивный процесс, при котором доминантой является само *внимание* на тексте, его форме и содержании. В отличие от школьных ошибок, многие речевые погрешности поддаются выявлению лишь при *целостном* внимании: с одной стороны, жестко фокусированном на отдельном компоненте текста (синтагме, высказывании), с другой – на всем уже прочитанном тексте как контексте. Так родилась идея об особом характере редактирующего чтения, опирающегося на *целостно-композиционное мышление* автора (при саморедктировании) или профессионального редактора.

Предпринятый М. П. Котюровой синергетический подход к тексту позволил обогатить сти-

листику научной речи идеями и достижениями современной когнитивистики. Смысл научного текста интерпретируется как единство противоположностей, диалектически связанных на деятельностной основе. Знание определяется в системе таких противоположностей, как познавательно-коммуникативная деятельность – продукт этой деятельности; деятельность (процесс) – составляющие (моменты) этого процесса: проблема, гипотеза, доказательство гипотезы; продукт – составляющие (аспекты) этого продукта: онтологический, методологический и аксиологический аспекты знания и др.

Теоретическая оснащённость функциональной стилистики стала основой решения прикладных задач, имеющих высокую социальную значимость. В работах последнего времени ставятся вопросы о признаках и критериях эталонного научного текста, в частности, академического и учебного, толерантности научной коммуникации. Представления о смысловой структуре научного текста обогащаются за счет обоснования его новых свойств, таких как абстрактность, плотность и др.

Особое внимание уделяется динамическим процессам в функционально-стилистической системе русского литературного языка: новым явлениям в научном стиле речи, стилистике религиозных текстов, языку и стилю текстов деловой и массовой коммуникации.

По оценке К. Э. Штайн, «пермская “стилистика” демонстрирует тот международный уровень развития речеведения, который приходится учитывать западной лингвистике. Пермская школа может быть представлена как многообразие концепций, ядром которых является прочная теоретическая традиция. Эта традиция частично перекрывается общим понятием “российская стилистика” и более конкретным – “научная школа М. Н. Кожинной”. Ключевые слова данной школы: “язык”, “речь”, “стилистика”, “стиль”, “функциональный стиль”, “научный стиль”, “речеведение”, “речевая системность”, “текст”, “диалогичность”, “гипотетичность”, “экстралингвистические факторы”, “жанровый стиль”, “деятельностная концепция языка” и др. Ученые этой школы создали особую стилистическую технику анализа научного текста, обеспечивающую логическую стройность рассуждения, установку на междисциплинарные исследования при строгом контроле со стороны лингвистики» [Штайн 2004: 14–15].

Известный специалист в области стилистики из Череповецкого университета Р. Л. Смулаковская заключает рецензию на сборники «Стереотипность и творчество в тексте» следующими

словами: «Самое главное, что создан уникальный творческий коллектив единомышленников, способный к генерации нового знания и в то же время умеющий вести уважительный, корректный диалог с предшественниками и современниками» [Смулаковская 2005: 419].

Нет сомнений, что пермская научная школа функциональной стилистики имеет будущее. Ее позитивная перспектива не только обусловлена развивающейся теорией речеведения, но и с особым чувством нового сформулирована в программных статьях М. Н. Кожинной, написанных в последние годы жизни: «Истоки и перспективы речеведения» [Кожина 2003а], «Стилистика и речеведение на современном этапе» [Кожина 2003б], «Стилистика жива (библиографические заметки)» [Кожина 2009].

Обоснованный М. Н. Кожинной более полувека назад подход к анализу речи оказался чрезвычайно продуктивным и стал неотъемлемым признаком функциональной стилистики. Эта наука открыта для решения новых как собственно научно-познавательных задач, по существу трансдисциплинарных, так и задач прикладных, социально значимых, благодаря чему она обогащается научными фактами, полученными в процессе изучения обширного языкового материала. Кроме того, в общих и частных дискуссиях она формирует методологический аппарат, конкретизирует комплекс проблем – одним словом, создает целостный познавательный образ функционального пространства языка.

Плодотворное развитие пермской научной школы функциональной стилистики закономерно, поскольку современная историческая ситуация – общественная, социокультурная, коммуникативная, языковая – как нельзя лучше способствует исследованию динамической, функциональной стороны языка, его использованию в различных сферах живой речевой деятельности человека.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00575а.

Список литературы

Баженова Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 272 с.

Беорина И. С. Функциональная семантико-стилистика категория гипотетичности в английских научных текстах. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1995. 184 с.

Гайда Ст. Панегирик // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под

ред. М. П. Котюровой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 6–11.

Данилевская Н. В. Вариативные повторы как средство развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 145 с.

Данилевская Н. В. Роль оценки в механизмах развертывания научного текста. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. 380 с.

Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. 276 с.

Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Стилистика официально-деловой речи: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Academia», 2011. 272 с.

Дускаева Л. Р. Интенциональный стиль: психические и коммуникативные сценарии // *Stylistika XXIV*. 2015. С. 41–53.

Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.

Кожина М. Н. Истоки и перспективы речеведения // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. О. Б. Сиротининой; Саратов. ун-т. Саратов, 2003а. С. 34–46.

Кожина М. Н. Стилистика и речеведение на современном этапе // *Стил.* 2003б. № 2. С. 11–27.

Кожина М. Н. Стилистика жива (библиографические заметки) // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 13. С. 308–321.*

Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008. 464 с.

Котюрова М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. 170 с.

Котюрова М. П. Стилистика научной речи: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Academia», 2010. 240 с.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2008. 280 с.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2011. 394 с.

Ланн Л. М. Интерпретация научного текста в аспекте фактора “субъект речи” (на материале анализа русской научной литературы). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 218 с.

Очерки по истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. / под ред. М. Н. Кожинной: в 3 т. Т. 1: Развитие научного стиля в аспекте функционирования языковых

единиц различных уровней. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1994. 304 с.; Т. 2. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. 380 с.; Ч. 2. Категории научного текста: функционально-стилистический аспект. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. 396 с.

Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. 236 с.

Смулаковская Р. Л. Пермские межвузовские сборники научных трудов «Стереотипность и творчество в тексте» // *Стил.* 2005. С. 415–419.

Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / ред. М. П. Котюрова. Пермь, Перм. гос. ун-т. 1998 – 2015. Вып. 1–19.

СЭС – *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

Трошева Т. Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1999. 208 с.

Штайн К. Э. Культурное достояние России: Пермская научная школа функциональной стилистики // *Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. ун-т. Пермь, 2004. Вып. 7. С. 6–57.*

References

Bazhenova E. A. *Nauchnyj tekst v aspekte politekstual'nosti* [Scientific text in terms of its politextuality]. Perm, Perm State University Publ., 2001. 272 p.

Bedrina I. S. *Funktsional'naja semantiko-stilisticheskaja kategorija gipotetichnosti v anglijskikh nauchnykh tekstakh* [Functional semantic and stylistic category of being hypothetical in English scientific texts]. Ekaterinburg, Ural State Law Academy Publ., 1995. 184 p.

Gajda St. Panegirik [Panegyric]. *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotyping and creativity in text; interuniv. collected scientific works]. Ed. By M. P. Kotjurova. Perm State University, Perm, 2010. Iss. 14. P. 6–11.

Danilevskaja N. V. *Variativnye povtory kak sredstvo razvertyvanija nauchnogo teksta* [Variative repetitions as a means for scientific text development]. Perm: Perm State Univ. Publ., 1992. 145 p.

Danilevskaja N. V. *Rol' otsenki v mekhanizmax razvertyvanija nauchnogo teksta* [The role of assessment in the mechanisms of scientific text expansion]. Perm, Perm State University Publ., 2005. 380 p.

Duskaeva L. R. *Dialogicheseskaja priroda gazetykh rechevykh zhanrov* [Dialogical nature of the newspaper speech genres]. Perm, Perm State University Publ., 2004. 276 p.

Duskaeva L. R. Intencional'nyj stil': psichicheskie i kommunikativnye scenarii [Intentional style: mental and communicative scenarios]. *Stylistyka XXIV*. 2015. P. 41–53.

Duskaeva L. R., Protopopova O. V. *Stilistika oficial'no-delovoj rechi: ucheb. posobie* [Stylistics of official business language: textbook]. M.: Izd. centr «Academia» Publ., 2011. 272 p.

Kozhina M. N. *O spetsifike hudozhestvennoj i nauchnoj rechi v aspekte funkcional'noj stilistiki* [On the specifics of artistic and scientific speech in terms of functional stylistics]. Perm State University Publ., Perm, 1966. 213 p.

Kozhina M. N. Istoki i perspektivy rechevedenija [Background and prospects of the study of speech]. *Problemy rechevoj kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Problems of verbal communication: interuniv. collected scientific works]. Ed. by O.B.Sirotnina. Saratov, Saratov State Univ. Publ., 2003a. P. 34–46.

Kozhina M. N. Stilistika i rechevedenie na sovremennom etape [Stylistics and the study of speech in the modern period]. *Stil.* 2003b. Iss. 2. P. 11–27.

Kozhina M. N. Stilistika zhiva (bibliograficheskie zametki) [Stylistics is alive (bibliographical notes)]. *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and creativity in the text : interuniv.collect.works]. Ed. by E.A. Bazhenova. Perm State University Publ., Perm, 2009. Iss. 13. P. 308–321.

Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovskij V. A. *Stilistika russkogo jazyka: uchebnik* [Stylistics of the Russian language: coursebook]. M., Flinta: Nauka Publ., 2008. 464 p.

Kotjurova M. P. *Ob ekstralingvisticeskikh osnovanijakh smyslovoj struktury nauchnogo teksta (Funkcional'no-stilisticheskij aspekt)* [On the extralinguistic basis of the scientific text notional structure (functional-stylistic aspect)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1988. 170 p.

Kotjurova M. P. *Stilistika nauchnoj rechi: ucheb. posobie* [Stylistics of scientific speech: learning guide]. M., Izdatel'skij centr «Academia» Publ., 2010. 240 p.

Kotjurova M. P., Bazhenova E. A. *Kul'tura nauchnoj rechi: tekst i ego redaktirovanie: ucheb. posobie* [Scientific speech culture: text and its editing: learning guide]. M., Flinta: Nauka Publ., 2008. 280 p.

Kotjurova M. P., Tikhomirova L. S., Solov'eva N. V. *Idiostilistika nauchnoj rechi. Nashi*

predstavlenija o rechevoj individual'nosti uchjonogo [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas of a scientist's speech individuality]. Perm, Perm State University Publ., 2011. 394p.

Lapp L. M. *Interpretatsija nauchnogo teksta v aspekte faktora "sub'jekt rechi" (na materiale analiza russkoj nauchnoj literatury)* [Interpretation of scientific text in terms of the „subject of speech” factor (a case study of Russian scientific literature analysis)]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1993. 218 p.

Ocherki po istorii nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka 18 – 20vv. [Essays on the history of the Russian literary language style of the 18-20th cent.]. Ed. by M.N.Kozhina; in 3 vols. Vol.1. Razvitie nauchnogo stilja v aspekte funkcionirovanija jazykovykh edinits razlichnykh urovnej [Scientific style development in the aspect of language units of different levels functioning]. Perm, Perm State University Publ., 1994. 304 p.; Vol. 2. Pt. 1. Stilistika nauchnogo teksta (obshhie parametry) [Scientific text stylistics (general criteria)]. Perm, Perm State University Publ., 1996. 380 p.; Pt. 2. Kategorii nauchnogo teksta: funkcional'no-stilisticheskij aspekt [Scientific text categories: functional-stylistic aspect]. Perm, Perm State University Publ., 1998. 396 p.

Salimovskij V. A. *Zhanry rechi v funkcional'no-stilisticheskom osveshhenii (nauchnyj akademicheskij tekst)* [Speech genres in terms of their functions and stylistics (scientific academic text)]. Perm, Perm State University Publ., 2002. 236 p.

Smulakovskaja R. L. *Permskie mezhvuzovskie sborniki nauchnykh trudov «Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste»* [Perm interacademic scientific collections „Stereotyping and creativity in text”]. *Stil.* 2005. P. 415–419.

Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. [Stereotyping and creativity of a text: interacademic collected works]. Ed. by M.P.Kotjurova. Perm, Perm State University Publ., 1998 – 2015. Iss. 1 – 19.

SES – *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo jazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. by M.N.Kozhina. M., Flinta: Nauka Publ, 2003. 696 p.

Trosheva T. B. *Formirovanie rassuzhdenija v protsesse razvitija nauchnogo stilja russkogo literaturnogo jazyka 18–20 vv. (sopostavitel'no s drugimi funkcional'nymi raznovidnostjami)* [Reasoning formation in the process of the Russian language scientific style development in the 18-20th cent.(corresponding to other functional varieties)]. Perm, Perm State University Publ., 1999. 208 p.

Shtajn K. Eh. Kul'turnoe dostojanie Rossii: v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. [Stereotyping and Permskaja nauchnaja shkola funkcional'noj stilistiki v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. [Stereotyping and creativity in text; interuniv. collected scientific works]. Ed. by M.P.Kotjurova]. Perm State University Publ., Perm, 2004. Iss. 7. P. 6–57.

PERM SCHOOL OF THOUGHT IN FUNCTIONAL STYLISTICS

Elena A. Bazhenova

Head of the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

Marija P. Kotjurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics
Perm State University

The article deals with the foundation history and current status of Perm school of thought in functional stylistics.

This school appeared under the guidance of professor M. N. Kozhina, who was one of the first in the 1960s to study functioning of language and to distinguish communicative linguistics, which further determined the linguistics paradigm. Within the school, a theory of functional styles was developed; extralinguistic factors were identified; a new research area – speech study (*rechevedenie*) was justified. This area incorporated productive ideas of modern linguistics, discovered and investigated problems connected with the study of the Russian language in a changing society. The school members analyzed text-forming mechanisms and investigated texts that function in socially significant spheres of communication – scientific, official, media, religious. Having accumulated the fundamental knowledge of the language functioning laws, Perm school of thought has become one of the major functional and stylistic research centers in Russia.

The authors of the article consider prospects of Perm school of thought in functional stylistics to be fruitful since the changing social and communicative environment demands further study of the functional aspect of language, i.e. of its use in various spheres of speech activity.

Key words: school of thought; stylistics; functional stylistics; speech study; M. N. Kozhina; Perm school of thought in functional stylistics.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

В журнале отражаются результаты научной деятельности российских и зарубежных филологов. Кроме научных статей, материалов конференций, симпозиумов и семинаров, журнал печатает рецензии на монографии, сборники научных трудов и т.п., опубликованные в России и за рубежом, тематические обзоры и развернутую информацию о событиях научной жизни по профилю издания.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://www.rfp.psu.ru> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

С 19.02.2010 г. журнал включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Каждая рукопись сопровождается внешней рецензией специалиста в исследуемой области, имеющего степень кандидата или доктора наук и не являющегося сотрудником вуза автора. Подпись рецензента заверяется в отделе кадров по месту работы. Авторы, не имеющие ученой степени, представляют, кроме внешней рецензии, отзыв научного руководителя, подписанный и заверенный по месту его работы. В рецензии и отзыве должны быть указаны полностью ФИО, ученая степень, должность, место работы и электронный адрес рецензента. Аспиранты дополнительно представляют официальную справку о сроках обучения в аспирантуре с указанием контактного телефона зав. отделом аспирантуры, подписавшим его документ.

Все три документа с печатями могут присылаться по почте или в сканированном виде отправляться на электронный адрес редакции вместе со статьей. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться следующим текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника” <http://rfp.psu.ru/>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1–6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Члены международного редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи. В этом случае назначаются три эксперта из состава редколлегии или совета для подготовки обоснованного заключения. В случае отрицательного решения автору рукописи направляется мотивированный отказ от имени редколлегии. Рукопись, сопровождаемая внутренней рецензией, может быть отправлена автору на доработку для устранения замечаний. Срок доработки не ограничен. Статья, не соответствующая требованиям, предъявляемым к публикациям, вторично на доработку не отправляется. Статьи аспирантов, одобренные редколлегией, публикуются бесплатно.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ и со всеми указанными выше документами по электронному адресу langlit2009@mail.ru. Чтобы убедиться в том, что Ваши материалы получены, попросите отправить подтверждение.

Основной текст может быть написан на русском или английском языках.

Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Правила оформления рукописей» и в прикрепленном файле ФОРМА.

Главный редактор – Ирина Александровна Табункина. Тел. (342)2396290.

Адрес редакции: 614990, Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп.5, ауд.28 (лаборатория «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте»), тел. (342)2396795 (зам. гл. редактора – *Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутимова*, ответственный за сайт – *Алексей Васильевич Пустовалов*).

Научное издание

**Вестник Пермского университета.
Российская и зарубежная филология**

Выпуск 2(34) / 2016

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицетова, С. Л. Рассанова*
Компьютерная верстка *И. А. Табункиной*
Макет обложки *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 16.06.2016. Дата выхода в свет 23.06.2016.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 17,44. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008
Распространяется бесплатно и по подписке